

лантические структуры. Эта своеобразная Неоверсальская подсистема международных отношений опирается на ренессанс национальных суверенитетов постсоциалистических и постсоветских государств, стоящих перед необходимостью его потерять за манящей дверью НАТО и ЕС. Типичный пример – попытка Польши использовать инструментарий реваншизма одновременно на российском и германском направлениях.

В силу исторических обстоятельств именно с группой стран Восточной, Центральной Европы и Закавказья и Средней Азии Россия была и остается крепко связанной в качестве своеобразной функциональной метрополии, что неизбежно приводит к обвинениям в экспансионизме и имперских амбициях. В этих условиях инструментарий системного реваншизма будет работать на формирование именно негативного имиджа России вне зависимости от справедливости или надуманности претензий к ней.

В то же время, в сфере взаимоотношений со странами категории Постъялты, реваншизм формируется у определенных политических сил России в отношении США и ЕС, что способствует формированию негативного имиджа на «западном» направлении.

У России есть не совсем удачный опыт защиты своего имиджа на мировой арене. Вспомним знаменитую полемику Иоанна Грозного с «диссидентом» Курбским, заботу Екатерины Великой о своем имидже в период подавления пугачёвского восстания, методы советской пропаганды и т.д. Естественно, история взаимоотношений, социальные эксперименты XX века, атеизация СССР, навязывание советской модели в рамках своей сферы влияния создали объективную основу для использования в конъюнктурных целях инструмента реваншизма. Но излишне эмоциональная реакция и политизация гуманитарных составляющих мировой политики могут привести к ухудшению имиджа России, поскольку это может быть конкретной целью государств, которые в меньшей степени являются идеологическими противниками, но в большей степени конкурентами. А категория «имидж страны» – это инструментарий скорей торговли, нежели идеологии.

Секция 3. Роль регионов в формировании международного имиджа России

А.Х. Дитц

Исторические вехи евразийства и место России и Алтая в современном евразийском пространстве

Проблема, которую мы сегодня обсуждаем на конференции, чрезвычайно актуальна и важна. За два последних десятилетия произошли в мире огромные перемены. России приходится изворачиваться, чтобы отстоять свою независимость и занять достойное место в современной

мировой политике и экономике. Россия в равной мере может считаться и европейским, и азиатским государством. Во всяком случае, она в своей политике должна тонко учитывать эти два фактора: прочно удерживая лидирующее место в Европе, Россия должна занять такое же место и в Азии. К сожалению, сегодня многие международные связи держатся на авторитете и личной дружбе президентов, а нужны долгосрочные взаимовыгодные договоры. Поэтому наша конференция и пытается разобраться: какой же имидж больше сегодня подходит России – это европейское государство или азиатское?! Больше выступающих относят Россию к европейскому государству по культурному наследию и народонаселению. Пожалуй, этого отрицать нельзя, как нельзя отрицать и то, что Россия плотно вписывается и в Евразийское пространство, и Россия должна в этом пространстве иметь такое же прочное место, как и в Европе. Россия – реальный мост между Западом и Востоком. Давайте, посмотрим, что такое евразийское пространство для России.

Исторически евразийство сложилось в 20-е годы XX века, как попытка осмыслить логику политико-социального, культурного и геополитического развития России – как единого и по сути непрерывного процесса от Киевской Руси до СССР. Главный тезис ранних евразийцев (кн. Н.С. Трубецкой, П. Савицкий) звучал так: «Запад против человечества», народы мира против унитарной, тоталитарной западной модели, против экономической, политической и культурной доминанции Запада. А Россия (и древняя, и православно-монархическая, и советская) виделась евразийцам как оплот и авангард мирового процесса, как цитадель духовной свободы. На этом основании евразийцы приняли СССР как новую – парадоксальную – форму изначального пути России. Не одобряя атеизма и материализма в культуре, они распознали за внешним фасадом коммунизма глубоко национальные черты, признали за Советской Россией геополитическое правонаследие русской миссии.

Евразийцы, будучи последовательными и убежденными русскими патриотами, пришли к выводу о недостаточности традиционных форм, в которые облекалась в последние века национальная идея в России. Романовские лозунги – «Православие, самодержавие, народность» – были лишь консервативным фасадом, скрывавшим за собой вполне западническое содержание. Советский патриотизм выражал национальную идею в классовых терминах, которые также не покрывали существо цивилизационной проблемы, не точно определяли смысл исторической миссии России. Россия мыслилась евразийцами как авангард Востока. Отцы-основатели евразийства впервые в высшей

степени положительно оценили многонациональную (имперскую) природу Российского государства. Особенно внимательны они были к тюркскому фактору. Но к концу 30-х годов первоначальный импульс евразийского движения и в России и в среде русской эмиграции угас. Эстафету евразийской мысли отныне несли не столько политики и идеологи, сколько ученые (в первую очередь, великий русский историк Лев Гумилев).

Неоевразийство стало складываться как социальное, философское, научное, геополитическое, культурное течение с конца 80-х годов XX века после горбачевской перестройки. Отталкиваясь от наследия русских евразийцев 20–30-х годов, вобрав в себя духовный опыт русского православия, неоевразийство стало самой серьезной мировоззренческой платформой в современном российском обществе, оформилось в целую научную школу, в систему социальных и культурных инициатив.

Неоевразийство заложило основы современной российской геополитики, приобрело мощный кадровый потенциал сторонников во властных структурах, силовых министерствах и ведомствах, основывающихся на евразийской геополитике многие серьезные оперативные международные, военные и экономические проекты.

В области внешней политики евразийство предполагает широкий процесс стратегической интеграции. Воссоздание на основе СНГ солидарного Евразийского Союза – аналога СССР на новой идейной, экономической и административной основе. Стратегическая интеграция внутренних пространств СНГ постепенно должна распространиться и на значительно более широкие области – страны оси Москва–Тегеран–Дели–Пекин. Евразийская политика России должна быть ориентирована на активное сотрудничество со странами Тихоокеанского региона, в первую очередь с Японией.

Евразийская модель исходит из того, что Россия (как государство, как народ, как культура) является самостоятельной цивилизационной ценностью, что она должна сохранить свою уникальность, независимость и мощь во чтобы то ни стало, поставив на служение этой цели все учения, системы, механизмы и политические технологии, которые могут этому содействовать.

Евразийство, таким образом, – своеобразный «патриотический прагматизм». Евразийский путь является моделью, наиболее точно соответствующей стратегическим интересам современной России. Россия должна проводить очень гибкую политику, прежде всего, она всегда должна видеть свою выгоду в партнерских взаимоотношениях, не поставлять за рубеж сырье (за счет чего обогащаются страны-партнеры), а продавать им готовую продукцию. Тогда Россия будет

богатеть не за счет газо- и нефтедолларов, а за счет развитой экономики, где появится много новых рабочих мест, увеличится внутренний валовой продукт, что позволит значительно улучшить жизненный уровень россиян.

Чтобы Россия успешно интегрировалась в евразийское пространство, она должна вести постоянный конструктивный диалог с традиционными для России религиозными конфессиями – православием, исламом, иудаизмом, буддизмом. Евразийские ветви мировых религий имеют много отличий от тех форм, которые укоренились в других регионах земли. Существует общий стиль евразийской духовности, который, однако, ни в чем не ущемляет различия и оригинальность догматов. Это серьезное и позитивное основание для сближения, взаимопонимания, взаимопонимания. Благодаря евразийскому подходу к религиозным вопросам многие межконфессиональные трения можно будет обойти или урегулировать.

Нерешенных проблем еще очень много. И Сибирь, и Алтай должны играть не последнюю роль, учитывая близость к Азии, огромные запасы газа, нефти, леса, пресной воды и большую протяженность необустроенных границ. Конечно, в рамках одной конференции все эти вопросы охватить трудно.

Как мне кажется, нужна еще одна конференция по этой теме, теперь имеется уже некоторый опыт. Надо бы до конца расставить все точки над «i». Ученые и общественность могут помочь России выбрать верную стратегию для успешного экономического развития, сотрудничества со странами мира на равных взаимовыгодных условиях. Тогда и имидж России и регионов будет работать на страну, на свой народ, а не на олигархов, чиновников, преступный мир и другие страны. Здесь должно быть как в спорте, чтобы не жаловаться на судейство, нужно выигрывать (побеждать) с большим преимуществом.

К.Ю. Кирюшин, Ю.В. Кирюшина

**Работы АлтГУ по созданию археологического парка
«Перекресток миров» как элемент создания
международного имиджа Алтайского края**

В мировой практике археологическое наследие используется чрезвычайно широко в различных сферах жизни общества. В таких странах, как Греция, Италия и Египет, богатых памятниками мировой истории и культуры, археологические объекты являются символом, своеобразной визитной карточкой для туристов. В мае 2005 г. между руководством туркомплекса «Бирюзовая Катунь» и АлтГУ был заключён договор о сотрудничестве, по которому АлтГУ проводит работы по интеграции объектов археологического наследия туркомплекса в сфе-

ру туризма, в рамках которого в 2005–2006 гг. проводятся работы по созданию археологического парка «Перекрёсток миров».

В 2005–2006 гг. на территории туркомплеса раскопаны одиночные курганы и поминальные оградки тюркского времени [1]. Интересные находки сделаны при исследовании поминальной оградки «Бирюзовая Катунь-3», рядом с которой найдено каменное изваяние, на котором изображен человек. Изваяние выполнено на стеле, грани которой обработаны по периметру. Чётко очерчен овал лица, глаза, рот, головной убор и левая рука, в которой находится сосуд. До сих пор на территории Алтайского края было найдено только одно каменное изваяние тюркского времени на Гилёвском водохранилище. Все раскопанные курганы и поминальные оградки перенесены на новое место, реконструированы около Большой Тавдинской пещеры и включены в программу посещения туристов. В 2006 г. археологические исследования не ограничивались территорией туристического комплекса. Проводились археологические исследования на р. Усть-Убе. В ходе работ впервые в крае были документально зафиксированы рунические надписи VIII–XII вв. н.э. До этого на территории Алтайского края не было достоверно установлено местонахождение ни одного наскального рисунка и ни одной рунической надписи.

В июле 2005 г. под руководством В.П. Семибратова начались раскопки в гроте Тавдинском, в ходе которых выявлены слои скифского времени и финального неолита – раннего энеолита. В процессе работ возникло предположение, что мы имеем дело не с обычным поселением, а с культовым местом, в пользу этого свидетельствует находка изделия, выполненного из рога крупного самца косули. Скорее всего, резная часть рога в виде трех выступов является антропоморфным изображением, возможно, являющимся частью навершия шаманского посоха. Не менее интересные находки были сделаны при исследовании комплекса финального неолита – раннего энеолита. Каменные артефакты, найденные в гроте, пока немногочисленны (вскрытая площадь слоя 8 кв.м.), но достаточно выразительны. Неожиданными оказались находки 29 перламутровых подвесок, которые нашивались на одежду. Как правило, такие артефакты характерны для погребальных комплексов.

В июле–сентябре 2005 г. построен павильон около Большой Тавдинской пещеры, в котором летом 2006 г. реконструировано погребение тюркского времени, и начались работы по созданию экспозиции по древней истории и культуре Горного Алтая. Для детей и взрослых изготовлены копии защитных доспехов тюркского и монгольского времени и национальная одежда теленгитов и телеутов, в которых желающие могли сфотографироваться. Организован тир, где отдыхаю-

щие могли попрактиковаться в стрельбе из лука. О востребованности, растущей популярности и перспективах развития данного проекта говорит статистика: летом 2005 г. на экскурсиях побывало около 4000 человек, в 2006 г. – около 6000. В июле 2006 г. под руководством П.В. Волкова на территории археологического парка «Перекресток миров» начались работы по созданию экспериментального полигона «25 шагов в каменный век». Реконструированы различные типы ловушек, применявшиеся народами Сибири с древнейших времён вплоть до настоящего времени (слопец, медвежья лапа и др.), костров (юрлык, вертикальная и горизонтальная нодья или нодия, экранный костёр), ткацкие станки, сверлильные станки. Начаты работы по реконструкции жилища каменного века. Работы по созданию экспериментального полигона будут продолжены. Возможности для развития экспериментального направления, по сути дела, бесконечны и, если будет хотя бы минимальная поддержка районных, региональных или федеральных органов власти, полигон можно постепенно расширять вплоть до русской деревни.

По результатам работ 2005–2006 гг. можно уверенно говорить, что изученные памятники туркомплекса принадлежат, как минимум, трём историческим периодам: 1) неолит-энеолит; 2) скифская эпоха; 3) тюркская эпоха. Памятники оставлены населением, отличающимся по антропологическому типу, языку, культуре, уровню развития и т.д. В археологической литературе Алтай рассматривается как регион, лежащий на стыке различных историко-культурных и климатических зон Китая, Монголии, Казахстана, Хакассии, Тувы, Западной Сибири. Долина р. Катунь традиционно считается связующим звеном, своего рода «коридором», по которому осуществлялось продвижение элементов материальной и духовной культуры, а также носителей этих традиций.

Позиционирование комплекса как «Перекрёстка миров», на котором происходили контакты между различными группами населения Центральной Азии от эпохи камня до этнографического времени, не противоречит современным представлениям об этнокультурных контактах на Нижней и Средней Катунь в древности и средневековье, и позволяет нам при создании парка привлекать широкий круг аналогий с сопредельных территорий. Само понятие «перекресток» является символическим для данного проекта. Перекресток – это место выбора пути и – шире – участи, судьбы. Это момент встречи времени и пространства, олицетворение противоположностей – активного, пассивного и нейтрального. Кроме того, перекресток определяется как переход из одного пространства в иное, граница нашего мира и потустороннего. Археологическая символика находит свое развитие в создании эмблемы парка и су-

венирной продукции. В настоящее время разработан вариант эмблемы археологического парка «Перекрёсток миров» [2]. Центральное место в композиции занимает роговое изделие с антропоморфным изображением, найденное при раскопках Тавдинского грота. Вся композиция построена на контрасте черного и белого цветов. Это важнейшее символическое противопоставление, стоящее в одном ряду с такими универсальными мифопоэтическими оппозициями, как «верх – низ», «левый – правый», «свет – тьма», «рай – ад». В данном проекте реализованы две идеи: 1) представление о перекрёстке как символе перехода в иное измерение; границе между прошлым, настоящим и будущим, и между мирами (подземным, земным и небесным); 2) восприятие археологического памятника как «чёрного ящика», содержимое которого остаётся неизвестным до момента раскрытия (раскопок).

Народы, оставившие объекты археологического наследия на территории «Бирюзовой Катунь», внесли свой вклад в формирование (этногенез) современных народов Российской Федерации. История скифов и тюрков – это не только история народов России, но и часть мировой истории и культуры. В ходе знакомства на экспериментальном полигоне с материальной культурой народов Сибири формируется уважительное отношение к традиционной культуре современных народов РФ, что является главным условием для развития толерантных отношений между представителями различных национальностей.

В ходе работ по созданию археологического парка «Перекрёсток миров» реализуются и могут развиваться проекты различной направленности: образовательные, воспитательные, творческие и т.д. К сожалению, в настоящее время наш проект не получил никакой поддержки от краевых властей. Поэтому реализация некоторых проектов остаётся невозможной. Вместе со скульпторами Барнаула, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Москвы возникла идея проведения на территории парка международного фестиваля каменной скульптуры «Эпохи, застывшие в каменном календаре». Начиная со II в. до н.э. и вплоть до начала XX в. население Алтая использовало календарь двенадцатилетнего цикла (восточный календарь), который до сих пор используется в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Планировалось участие в фестивале 12 художников, каждый из которых выполняет фигуру одного из животных, входящих в пантеон календаря, используя в качестве прообраза для скульптуры археологической находки с территории Алтая или с сопредельных регионов. Созданные скульптуры планировалось использовать как объект для демонстрации туристам различий в восприятии понятия о времени у народов Европы и Азии. Проект рассчитан на интеграцию работ научного сообщества, творческой интел-

лигенции, представителей бизнеса и органов власти в области сохранения, популяризации и использования в сфере туризма археологического наследия Алтай.

В сегменте рынка туристических услуг историко-культурное наследие региона до сих пор недостаточно используется. В основном туроператоры и туристические фирмы эксплуатируют природные ресурсы Алтайского края. Реализация подобных проектов способствует формированию имиджа Алтайского края как региона с богатым историко-культурным наследием, но похоже, что существующее положение вещей вполне устраивает органы исполнительной власти, занимающиеся развитием туризма на Алтае, и они не склонны поддерживать инициативные проекты подобной направленности.

Литература

1. Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Семибратов В.П. Палеоботанические данные по материалам исследований кургана Бирюзовая Катунь-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Выпуск XV. Барнаул, 2006. С.211–217.

2. Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В. Работы АлтГУ по созданию археологического парка «Перекрёсток миров» на территории туркомплекса «Бирюзовая Катунь» (проблема позиционирования) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Выпуск XV. Барнаул, 2006. С.230.

Л.Е. Козлов

Международные связи дальневосточных телекомпаний¹¹

Зарубежные контакты регионов Дальнего Востока выступают важнейшим фактором формирования имиджа России в Северо-Восточной Азии. По Дальнему Востоку жители Китая, Японии, Кореи составляют первое впечатление о России в целом. Составной частью «народной дипломатии» традиционно является международное сотрудничество СМИ, наиболее популярно из которых в современном мире телевидение. На Дальнем Востоке (особенно в его южной части) каждая крупная телекомпания располагает партнерами в Азии и более или менее часто выпускает в эфир сюжеты о соседних странах.

¹¹ Эмпирическую основу доклада составили экспертные интервью, проведенные в 2006 г. в рамках исследования по гранту Президента России МК-987.2005.6.

Наиболее развиты такие связи с японскими коллегами, что обусловлено активностью японской дипломатии и ее материальным ресурсом. Японские консульства в Хабаровске, Владивостоке, Южно-Сахалинске, среди прочего, содействуют общению дальневосточных и японских телевизионщиков. Во Владивостоке находится корпункт ведущей японской телекомпании «Эн-Эйч-Кей». Корни данного сотрудничества уходят еще в перестроечные годы.

Владимир Ощенко, начальник службы информационных программ ГТРК «Владивосток» (Приморское телевидение и радио): *«У нас заключен ряд вполне официальных и работающих соглашений об информационном обмене с телерадиокомпаниями Азиатско-Тихоокеанского региона. Наиболее эффективно из них работает договор об информационном обмене с японской телерадиокорпорацией «Эн-Эйч-Кей». <...> Ряд каких-то серьезных ситуаций – ну, например, недавний запуск северокорейских ракет – в общем-то, позволяет нам по этому договору делать совместные материалы. Поэтому, когда эта экстраемальная ситуация произошла, ПТР, в данном случае, была единственной компанией из местных, в том числе, и из российских (потому что Москва тогда еще спала), кто первой сообщила об этих запусках. У нас была картина «Эн-Эйч-Кей», были оценки людей на улице, то есть, это был совместный материал. Сейчас мы входим в примерно такую же фазу сотрудничества с другой японской компанией «ТВ Асахи»...».*

Екатерина Серикова, директор службы новостей ГТРК «Дальневосточная» (Хабаровск): *«Есть у нас, подписан договор с компанией «Аомори Хосо». <...> Потом, подписан договор с харбинским телевидением. И буквально вот в декабре сюда уже корейская делегация, из Южной Кореи, приезжала – «Эм-Би-Си». У них такая есть компания. В декабре мы уже туда выезжаем, потому что все подготовительные документы как бы сделаны. И тоже будет заключаться договор об информационном обмене и о сотрудничестве. Но по факту... А, ну еще с «Эн-Эйч-Кей» мы постоянно работаем. И нужно сказать, что вот с «Эн-Эйч-Кей» информационный обмен – он более такой, вот, любопытный. Потому что, когда небольшие компании, типа «Аомори»... Ну, то есть, рассказываем: они нам о своей культуре, мы им – о своей. То есть, обмен такими вот группами. И он – более человеческий, скажем так. Не информационный, как таковой».*

Весьма интересна для японской стороны Сахалинская область. Не считая набивших оскомину территориальных споров и инцидентов с рыбаками на морской границе, особое внимание японских журналистов привлекают нефтегазовые проекты на островном шельфе. В

2006 г. их внимание было дополнительно стимулировано нападками федеральных властей на консорциум «Сахалинская энергия», в который входят корпорации «Мицуи» и «Мицубиси», а также конференцией «Нефть и газ Сахалина» в Южно-Сахалинске, при участии высокопоставленных российских чиновников и топ-менеджеров крупнейших нефтяных и газовых компаний мира.

С китайскими коллегами данные контакты развиваются, преодолевая некоторые препятствия. Кроме взаимных фобий массового сознания, подпитываемых регулярными инцидентами на границе, взаимодействию мешает строгая цензура в китайской журналистике. Игорь Горевой, директор телекомпании «Альфа-канал» (Благовещенск): *«На прошлой неделе мы вели переговоры здесь с телевидением города Хэйхэ. По разным направлениям, по информационному обмену. Скажем, у них есть программа такая: в Хэйхэ они записывают новости наших благовещенских телеканалов, потом они их переводят – основные новости – и делают дайджест получасовой в неделю, «Новости Благовещенска». Из них восемьдесят процентов составляют наши новости. Поэтому они приезжали к нам, и сейчас вот мы договаривались, чтобы не с эфира они писали, а чтобы они раз в неделю забирали у нас на диске нормального качества эти новости и у себя монтировали. В ответ они предлагают нам у себя то же самое делать по Китаю. <...> У нас немножко разное, вообще, построение новостей, менталитет, степень демократизации и все остальное. Потому что у них более официоз идет. Иногда легче нам отправить туда съемочную группу и снять что-то, как мы это видим».*

Екатерина Серикова: *«Мы прошлым летом были приглашены на какую-то годовщину харбинского телевидения. Ну и как бы, в силу того, что у нас [принято], если новость состоялась, о ней нужно рассказать сегодня, в крайнем случае – завтра (это уже плохо), значит, мы попросили кассету. Ну, в принципе, вот как здесь, когда приезжают они к нам, что-то происходит, какой-то визит, мы это все снимаем. Они говорят: «Ну, а нам картиночку?». Да ради бога, родные. <...> А там что? Ну, концерт. Большой концерт, грандиозный. <...> Значит, говорим им: «Картинку?». Пауза такая: «Нужно согласовать». Пока там делегация наша два дня находилась, они согласовывали. Потом радостно говорят: «Все нормально, все решено». Мы говорим: «Ну, кассеточку. Нам вот Ди-Ви-Кам бы. Вот, нормально, в цифре». Они говорят: «Ну, мы вам вот пришлем». Мы говорим: «Когда?». Они: «В декабре». <...> А юбилей был в июне».*

Импульс информационному обмену с китайской стороной придали Год России в Китае и Год Китая в России, а также – как это ни пара-

доксально – экологическая катастрофа на реке Амур. Сергей Лебедев, зам. редактора газеты «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск): *«Но вот после первого бензольного пятна китайцы стали более открытыми и более оперативными. То мы сами лезем в «Синьхуа», ищем какие-то сообщения, в компьютере все. А вот во время второго бензольного пятна китайское консульство, наравне уже со своими информационными агентствами (своей страны), работало по времени оперативно. То есть, они довольно быстро дали информацию, ничего не скрывали: сколько чего вылилось, что это было, как это было».*

Сравнительно активную культурную работу на Дальнем Востоке ведет Южная Корея, правда, главным образом, в отношении корейской диаспоры. Основным партнером дальневосточников выступает южнокорейская телекомпания «Кей-Би-Эс». При поддержке владивостокского консульства Кореи выходят передачи на каналах Приморья и Сахалина. На Сахалине ежедневно несколько часов вещает местный канал «Уримал бансон». Со своей стороны, корейские журналисты относительно часто снимают сюжеты на Сахалине и в Приморье. Из Европы чаще всего приезжают немецкие журналисты, снимающие документальные фильмы. В отличие от азиатских коллег, на примере дальневосточников изучающих подробности русского быта, европейцев интересует, в первую очередь, Транссиб, поражающий их воображение своей протяженностью.

Несмотря на имеющийся потенциал информационного обмена, отметим, что на региональном уровне Дальнего Востока его характер все же остается местечковым. В дальневосточном эфире серьезная – и одновременно излагаемая понятным языком – аналитика, например, о политическом или экономическом развитии пограничных нам регионов Китая, Японии, Кореи отсутствует. В свою очередь, скудость актуальной информации о Дальнем Востоке и бюрократия, с которой сталкиваются в России зарубежные тележурналисты, влекут за собой воспроизведение в их материалах стереотипов, как правило, не самых позитивных. Вот пример реальной электронной почты; получив ее от европейских коллег, одна из немецких студий в 2005 г. отказалась снимать сюжет о Владивостоке: *«Vladivostok region now is the poorest despite of the fact that the government gives a lot of money to it. Many people leave their homes and go to Siberian forests to survive on hunting and cutting trees. This business is very spread as well. The head of this place, governor Nozdratenko, seams belongs to mafia or even more. But he has a strong hand in Kremlin. The region is one of the richest by natural resources and has first place in crime in Russia. People get killed very easily and hidden. Nobody looks for them».*

На наш взгляд, разовые акции учреждений культуры национального масштаба, вроде гастролей Большого театра в Японии, не имеют большого пропагандистского эффекта, ведь заинтересовавшийся Россией японец столкнется на Дальнем Востоке с совсем другими реалиями. Федеральным органам, ответственным за реализацию внешней культурной политики, имеет смысл подумать о преодолении разрыва между пасторальным официозом и суровой действительностью, допустим, создав веб-сайт на китайском, японском и корейском языках, где были бы представлены материалы дальневосточной прессы, не уменьшающие, но и не преувеличивающие местные проблемы.

И.А. Колупанова
Структура управления сферой туризма
в Западной Сибири в 1960-е гг.

В 1960-х гг. туристско-экскурсионная сфера превращалась в крупную отрасль по обслуживанию населения. Работающие на предприятиях люди имели возможность приобретать путевки на туристические базы и экскурсии на льготных условиях или бесплатно за счет социального страхования.

Реализацией путевок занимались профсоюзные организации. Но недостаток ассигнований по социальному страхованию областным советам профсоюзов осложнял процесс реализации путевок. Большая стоимость проезда на Всесоюзные маршруты из Западной Сибири также затрудняла реализацию путевок.

Из года в год росла среднемесячная оплата труда рабочих, служащих и колхозников. В 1965 г. она составила 96,5 рублей, в 1971 г. она составила уже 125,9 [1]. Увеличение материального благосостояния советских людей, переход предприятий на 5-дневную рабочую неделю, увеличение свободного времени, доступность такого вида отдыха, как туризм, для всех трудящихся страны, а также многообразие видов и форм туристских путешествий к концу 1960-х гг. сделали туризм самым распространенным видом активного отдыха. Вовлечение населения в походы, путешествия, поездки и экскурсии значительно изменило облик туризма, постепенно он начинает становиться массовым.

Таким образом, 1960-е гг. знаменуют новый этап развития туризма и экскурсий в СССР, превращавший туризм в единую общесоюзную систему. Для управления ею были необходимы комплексный, централизованный подход, современная, богато оснащенная материальная база. Очень важно было расширить географию туристско-экскурсионной работы, развивать ее не только в традиционных местах отдыха. Для этого потребовалось создать территориальные органы управления. К 1965 г. советы по туризму и экскурсиям работали во

всех союзных республиках, во многих краях и областях Советского Союза.

Усиление руководства со стороны ВЦСПС туристско-экскурсионной работой повысило ответственность за ее развитие на местах. Возникло много новых местных маршрутов, укреплялись контакты с ведомственными предприятиями в республиках, краях, областях, улучшилась планово-экономическая работа туристско-экскурсионных учреждений. За период с 1961 г. по 1965 г. объем обслуживания туристов вырос в три раза и составил 2,9 млн человек, более чем в четыре раза увеличилось экскурсионное обслуживание.

Деятельность краевых, областных советов по туризму в Западно-Сибирском регионе совместно с профсоюзными, комсомольскими, хозяйственными и другими организациями была направлена на проведение туристско-экскурсионной работы, привлечение к работе по туризму масс трудящихся и учащейся молодежи, разработку и осуществление мероприятий по дальнейшему развитию и совершенствованию туризма и экскурсий в регионе и превращение его в крупную отрасль обслуживания населения.

Областные советы по туризму руководили работой клубов туристов, туристскими базами, кемпингами, гостиницами, бюро путешествий и экскурсий, экскурсионными и другими организациями и предприятиями, подведомственными совету. Они организовывали местные туристско-экскурсионные маршруты, осуществляли эксплуатацию туристских баз, распределяли по согласованию с советами профсоюзов путевки на всесоюзные и местные туристские маршруты и обеспечивали их рекламу и реализацию. Областные советы по туризму утверждали материалы на присвоение инструкторских и спортивных разрядов по туризму, давали разрешение на организацию и проведение туристских походов и путешествий, в пределах прав, определенных Центральным советом по туризму и экскурсиям. Они издавали справочники, путеводители, проспекты, изготавливали памятные значки и сувениры и другие рекламные материалы. Они также проводили конференции, слеты и соревнования на своих территориях. И наконец, Областные советы по туризму руководили проектированием, капитальным строительством, реконструкцией, благоустройством туристских объектов.

Средства советов по туризму и экскурсиям составлялись из отчислений от эксплуатационной деятельности подведомственных хозяйств, ассигнований советов профсоюзов и других поступлений.

Структура советов по туризму в 1960-е гг. выглядела следующим образом. Центральный совет по туризму и экскурсиям отчитыва-

ется о своей деятельности перед ВЦСПС, республиканский совет по туризму и экскурсиям – перед Центральным советом по туризму и экскурсиям и республиканским советом профсоюзов, краевой, областной совет по туризму и экскурсиям – перед Центральным, республиканским советом по туризму и экскурсиям и краевым, областным советом профсоюзов; городской (районный) совет по туризму и экскурсиям – перед республиканским (в республиках, не имеющих областного деления), краевым, областным советом по туризму и экскурсиям.

К концу 1960-х гг. сформировалась структура управления сферой туризма в регионе Западной Сибири. Все краевые, областные советы по туризму Западной Сибири находились в непосредственном подчинении ЦС по туризму и экскурсиям ВЦСПС.

В 1963 г. в Тюменской области в целях развития туризма был создан областной совет по туризму на общественных началах [2]. В апреле 1965 г. был организован Томский совет по туризму и экскурсиям. На советы были возложены функции по организации всех видов туристского и экскурсионного обслуживания трудящихся и учащейся молодежи областей Западной Сибири, а также приезжающих туристов из других мест Советского Союза. Областные советы по туризму и экскурсиям организовывали туристские поезда по всем республикам страны, проводили экскурсии в соседние города, а также по историко-революционным и памятным местам региона, реализовывали путевки на всесоюзные туристские маршруты и т.д. Кроме того, советы осуществляли руководство самодеятельным туризмом на предприятиях в организациях и учебных заведениях в своих областях через соответствующие секции советов и городские клубы туристов. Одной из задач советов по туризму и экскурсиям был высокий уровень организации культурно-массового обслуживания.

После выхода в свет Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 30 мая 1969 г. №411 «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране», объем услуг населению, предоставляемых туристско-экскурсионными организациями профсоюзов в РСФСР увеличился почти в два раза. На развитие материальной базы туризма профсоюзами было израсходовано более 106 млн. рублей, что позволило уже в 1971 г. обслужить около 9 млн туристов и 30 млн экскурсантов. К 1972 г. в РСФСР функционировало уже 247 туристских гостиниц, баз кемпингов, 155 экскурсионных учреждений, 285 пунктов проката туристского инвентаря и снаряжения, для путешествий туристов на транспортных маршрутах выделено 90 речных судов, свыше 600 поездов. Были осуществлены значительные работы по реставрации памятников истории и культуры и благоустройству автомобильных

дорог на основных туристских маршрутах. Расширилась сеть предприятий общественного питания, обслуживающая туристов и экскурсантов.

Вместе с тем в ряде краев и областей наблюдались серьезные недостатки в обслуживании туристов и экскурсантов. Систематически не выполнялись планы туристско-экскурсионного обслуживания населения в Алтайском крае и Томской области. Не были созданы необходимые условия для обеспечения качественного обслуживания туристов и экскурсантов в местах сосредоточения памятников истории, революционной, боевой, трудовой славы советского народа, великих строек коммунизма, которые ежегодно посещали сотни тысяч трудящихся.

В связи с резко возросшей популярностью туризма в конце 1960-х гг. развилась широкая сеть новых туристско-экскурсионных учреждений и маршрутов, бюро путешествий и экскурсий. Если в 1956 г. туристскими учреждениями профсоюзов было обслужено 179,3 тыс. туристов, в 1965 г. 2,9 млн, то в 1975 г. уже 25,4 млн человек. Приведенные данные являются убедительным свидетельством возрастающей распространенности туризма в исследуемый период как активного вида отдыха.

Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС определило основные направления развития туризма как новой отрасли обслуживания населения. Основные правила туристской деятельности устанавливались нормативными актами ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Совета Министров РСФСР, ВЦСПС, а также их совместными постановлениями. Правовое регулирование туризма в СССР было адекватно социально-экономическому строю и задачам, которые ставили партийные органы. Оно характеризовалось следующими особенностями: абсолютным приматом государства над интересами личности, полной зависимостью судебной системы от партийно-государственного аппарата; туризм рассматривался не как отрасль экономики, а как составная часть физической культуры и спорта.

Центральный Совет по туризму и экскурсиям взаимодействовал с нижестоящими советами на основе контрольно-распорядительных функций. Местные органы управления были в целом ограничены в своих функциях, что было удобно для административно-нормативных, директивных методов управления. Центральный совет по туризму и экскурсиям являлся по-настоящему штабом отрасли и определял политику развития туризма на перспективу. ЦСТЭ сильно взаимодействовал со смежными министерствами и ведомствами: министерством гражданской авиации, министерством путей сообщения, министерством речного флота. Это проявлялось в том, что планы перевозок туристов

включались транспортными министерствами в госзаказ. ЦСТЭ ежегодно утверждал планы прироста годовых объемов услуг, и способствовал их выполнению. Туризм 1960-х гг. можно охарактеризовать как профсоюзный туризм. Все формы туризма (плановый и самодеятельный) находились под вниманием государственной политики. В 1960-е гг. существовала государственная монополия в сфере туризма. Деятельность туристских организаций была контролируемая. Структура управления туризмом не претерпевала серьезных изменений.

В конце 1969 г. происходит процесс вовлечения различных структурных подразделений смежных отраслей народного хозяйства в развитие туризма в стране. ЦК компартии и Советы Министров союзных республик, центральные комитеты и советы профсоюзов, ЦК ВЛКСМ, Министерство просвещения СССР, Государственный комитет Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию принимали меры к превращению туристско-экскурсионного дела в крупную отрасль обслуживания населения. Для этих целей планировалось создавать пригородные зоны отдыха, туристско-оздоровительные лагеря, дома рыболова и охотника, детские туристские станции с использованием для этого средств хозяйственных, профсоюзных и других организаций; широко развивать пункты проката туристского инвентаря и снаряжения и базы коллективного пользования ими на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях и в пригородных зонах отдыха; организовать и широко пропагандировать маршруты туристских походов, путешествий и экскурсий, рассчитанные на дни отдыха, время отпусков, каникул; привлекать туристов и экскурсантов к активному участию в охране природных богатств, исторических и культурных памятников и других достопримечательностей.

Министерство строительства и эксплуатации автомобильных дорог РСФСР, Министерство автомобильного транспорта РСФСР, Главнефтеснаб РСФСР, Министерство торговли РСФСР планировали осуществить мероприятия по приведению в порядок подъездных путей к автопансионатам и кемпингам, автозаправочных станций, обеспечению их ремонтным и технологическим оборудованием, расширению сети и улучшению работы предприятий общественного питания и торговли для обслуживания автотуристов.

Центральному совету по туризму и экскурсиям ВЦСПС совместно с Министерством речного флота РСФСР, Министерством автомобильного транспорта РСФСР, Министерством торговли РСФСР, Советами Министров автономных республик, советами и комитетами профсоюзов необходимо было разработать и осуществить мероприятия по расширению использования речных судов и автобусов для

целей туризма и экскурсий. Центральному совету по туризму и экскурсиям ВЦСПС и Министерству речного флота РСФСР необходимо было обеспечить обслуживание туристов на речных маршрутах к 1975 г. до 400 тыс. человек и экскурсантов до 5 млн человек за счет увеличения количества туристских теплоходов, продолжительности периода их эксплуатации.

Министерству просвещения СССР было дано задание создать Центральную детскую туристско-экскурсионную станцию, Министерству путей сообщения, Министерству гражданской авиации, Министерству морского флота совместно с ВЦСПС увеличить к 1975 г. в пять-шесть раз объемы железнодорожных, автобусных, речных, морских и авиационных путешествий. Госплан СССР должен был предусмотреть выделение ВЦСПС для строительства и оборудования туристско-экскурсионных учреждений материалов, мебели и инвентаря, по 500 туристских автобусов в год и др.

В августе 1969 г. Центральный Совет по туризму и экскурсиям открыл Центральные туристские курсы повышения квалификации туристско-экскурсионных работников и Центральное рекламно-информационное бюро «Турист», выпускающее методическую литературу по туризму и экскурсионному делу. Этот факт ознаменовал собой начало качественного подхода управленческой структуры сферы туризма к подготовке профессиональных кадров для сферы туризма.

Таким образом, в 1960-е гг. управление туристско-экскурсионной сферой Западной Сибири, как и по стране в целом, осуществлялось на основе постановлений партии, правительства, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ. Руководство носило директивный, плановый характер. Планирование объемов туристско-экскурсионных услуг, количества обслуженных туристов и экскурсантов осуществлялось «от достигнутого уровня», прирост должен был составлять в среднем не менее 10–15% в год. Но вместе с тем, в 1960-е гг., благодаря постановлениям партии, правительства, ВЦСПС, было значительно увеличено вложение средств в развитие сети туристско-экскурсионных учреждений, материально-технической базы туризма, путешествий с использованием различного вида транспорта. В 1960-е гг. начинает уделяться внимание освоению богатых в рекреационном отношении территорий Западной Сибири.

Литература

1. Абуков А.Х. Туризм сегодня и завтра. Туристско-экскурсионная работа профсоюзов. М., 1978. С. 8.
2. ЦДНИТюмО. Ф. 1878. Оп.1. Д. 50. Лл. 5–7.

Е.А. Кондратенко
Основные направления развития туризма
в Западной Сибири в 1970-е гг.

Туризм в последнее время привлекает все большее внимание общественности. Такой интерес во многом объясняется увеличением доли прибыли туристских предприятий в экономике страны и, как следствие, более плановой политикой государства в данной отрасли. За последние годы интерес к данной отрасли возрос многократно. Решение Правительства РФ о создании особых экономических зон туристско-рекреационного и игорного типов, куда вошли Алтайский край и Республика Алтай, наглядно свидетельствует, что эта тема будет актуальна еще долгое время.

Туризм уже давно рассматривается как одна из наиболее доходных и интенсивно развивающихся отраслей мирового хозяйства. Развитие туризма играет важную роль в решении многих проблем. Во многих странах мира именно за счет туризма создаются новые рабочие места, поддерживается высокий уровень жизни населения, создаются предпосылки для улучшения платежного баланса страны. Необходимость развития сферы туризма способствует повышению уровня образования, совершенствованию системы медицинского обслуживания населения, внедрению новых средств распространения информации и т.д.

Современное развитие туризма в России характеризуется наличием глубоких противоречий в его организационной структуре, в направленности развития, в состоянии качественных и количественных характеристик.

С одной стороны, современное состояние туризма в России расценивается как кризисное, связанное с резким падением достигнутых ранее объемов предоставления туристских услуг, сокращением материальной базы туристской отрасли и значительным несоответствием потребностям населения в туристских услугах.

С другой стороны, отмечаются высокие темпы строительства туристских объектов, отвечающих самым высоким мировым стандартам, значительное увеличение выездов россиян в зарубежные поездки, рост числа туристских организаций по всей территории России.

Изучение истории туризма становится все более актуально для тех регионов, которые обладают богатыми природно-рекреационными ресурсами. На территории России одним из таких регионов является Западная Сибирь. Потенциал данной территории огромен. На сегодняшний день рассмотрены и достаточно изучены многие вопросы современного туризма, но, вместе с тем, туризм прошлого века изучен недостаточно из-за чрезмерной политизации науки и общества туризм

очень ограниченно и узко освещался на протяжении нескольких десятков лет. Он рассматривался как средство коммунистического и патриотического воспитания молодежи и трудящихся, и только второстепенно как возможность получения прибыли и повышение уровня здоровья населения. До последнего времени умалчивалось место Западной Сибири в истории туризма. Многие годы искусственно создавался спрос на Центральную и Европейскую часть России, за счет распространения путевок на всесоюзные маршруты, хотя исследуемый регион обладает уникальными природными ресурсами. Это великолепные ландшафты Алтайского края и Кемеровской области, одно из самых больших водохранилищ (Обское море) в Новосибирской области, природные заповедники, лечебный воздух и многое другое.

В 1970-е гг. выделялись два направления развития туризма в Западной Сибири. Первое – управление сферой туризма, второе – деятельность местных профсоюзных организаций по развитию туризма в Западной Сибири в 1970-е гг. Местные профсоюзные организации способствовали становлению туризма в Западной Сибири как массового явления. Отдельной заслугой местных профсоюзных организаций можно считать социальный туризм. Благодаря их неустанному вниманию к этому виду туризма вышли в свет 2 постановления ВЦСПС, которые закрепили и значительно расширили возможности советского семейного туризма. Трудящиеся получили возможность приобретения льготных туристских путевок для отдыха в СССР и за рубежом.

Деятельности туристско-экскурсионных учреждений и в общем всей туристско-экскурсионной работе придавалась идейно-политическая направленность. Ведущее место в этой работе принадлежало работе со школьниками и молодежью, которая преследовала цели их воспитания. В то же время сильно повысились культурный уровень населения и его физическая форма, так как обе эти задачи ставились целью туристического дела.

Большое значение придавалось организации семейного отдыха, школьного и молодежного туризма. Изменялись формы работы с различными категориями населения, вводились новые маршруты. Это и поезда «Театрал» для сельских тружеников и учащейся молодежи. Специальные маршруты, проходящие через базы, переделанные для принятия семейных туристов. Внедрялись различные транспортные средства при туристско-экскурсионном обслуживании (авиа, водные, железнодорожные и авто).

Управление туристско-экскурсионной отраслью страны, и Западной Сибири в частности, осуществлялось на основе постановлений, приказов и распоряжений партии, правительства, ВЦСП, ЦК ВЛКСМ. Руководство носило

директивный плановый характер. Планирование деятельности туристско-экскурсионных учреждений, объемов услуг, количества обслуженных туристов и экскурсантов осуществлялось в соответствии с пятилетними и годовыми планами. Ежегодное увеличение всех показателей составляло в среднем не менее 10–15%. Но, несмотря на постоянный коэффициент увеличения плановых заданий, в 1970-е гг., благодаря постановлениям партийных, государственных и профсоюзных органов, произошел значительный рост финансовых вложений в развитие туристско-экскурсионных учреждений и всей отрасли в целом. Объем капитальных вложений в развитие материально-технической базы Западной Сибири за девятую и десятую пятилетку составил более 70 млн рублей. Появились новые формы работы, такие как семейный туризм. При организации путешествий и экскурсий стали использоваться новые методы: прогулки на катерах в летнее время и на русских конных тройках в зимнее. Значительно увеличилось количество транспортных путешествий, причем не только автобусных или автомобильных, но и авиационных, теплоходных и морских/речных. В 1970-е гг. стало уделяться особое внимание освоению новых и богатых в рекреационном отношении территорий Западной Сибири.

За десять лет (1970-е гг.) вышло в свет более 5 постановлений ВЦСПС, Совета Министров СССР и ЦК КПСС. В них наглядно прослеживается деятельность всех органов по управлению туризмом в целом и отдельными его секторами в частности.

В результате всех описанных выше мер туризм в Западной Сибири стал развиваться более стремительно. Появились тысячи новых мест на базах и в приютах. Была произведена модернизация существующего оборудования и пунктов проката туристского инвентаря. Вновь созданные рабочие места позволили обеспечить более высокий уровень занятости молодежи.

Н.Б. Кондратьева
К вопросу об имидже российских регионов
и их реальной конкурентоспособности

В последние годы имиджевая политика стала важным направлением работы государственных органов во многих развитых странах. В Европейском союзе – межгосударственной организации – она тоже существует и носит специальное название – политика информации и общения¹².

¹² В Институте Европы в 2006–2007 гг. при поддержке РГНФ был реализован проект «Формирование имиджевой политики Европейского союза: опыт для России».

Имиджевая политика нацелена на получение выгоды от акцентирования лучших качеств путем общения с экономическими и социальными акторами. Грамотная имиджевая политика формирует на первых порах доход, затем – репутацию, наконец, – авторитет.

В России в последние годы имиджу стало уделяться самое серьезное внимание. В частности, появился имиджевый телеканал «Russia Today»; РГНФ открыл отдельную линию финансирования научных проектов «Образ России в современном мире».

Облагораживание сложившегося образа – задача не простая. Имидж, как известно, – это сумма взглядов на предмет, которая бессознательно формируется литературой, искусством, СМИ, деловыми людьми в результате опыта. Несмотря на спонтанность и во многих случаях очевидную субъективность, имидж имеет свойство быть стабильным. Такой вывод приходит на ум, когда анализируешь результаты имиджевой политики России прошлого года. Говорить о получении выгод от акцентирования лучших качеств можно пока только в сфере энергетики. В других сферах удастся только слегка идеализировать реальную картину.

Россия последние годы заявляет о своей возросшей конкурентоспособности, о готовности участвовать в либеральных соглашениях и проектах, таких как ВТО и Четыре «Общих пространства» с Евросоюзом; она рассчитывает на предложение со стороны Запада участвовать в межстрановой кооперации и конечных стадиях производственных цепочек с наибольшей прибавочной стоимостью. Однако пока России удалось лишь еще больше закрепить за собой статус сырьевой экономики в международном разделении труда. В прошедшем 2006 г. на службе у нее были, пожалуй, все возможные инструменты: и председательство в Большой Восьмерке, и встречи с лидерами ЕС, и ситуация в СНГ, и фактор роста экономик АТР, и текущая конъюнктура на энергетическом рынке.

Энергетическая взаимозависимость неуклонно отталкивает на второй план другие аспекты сотрудничества России и ЕС. Космос, НИОКР, транспорт, охрана окружающей среды, гармонизация стандартов и норм, многомерное обсуждение общих ценностей – в которых стороны заинтересованы не меньше – никак не дождутся своего часа. Не умаляя значения ЭнергодIALOGа, необходимо признать: он укрепляет представление о России как о стране с ограниченными возможностями, а именно способной только давать сырье и ничего больше. Партнеры бегают по замкнутому кругу. ЕС в который раз на саммитах предлагает для обсуждения энергетическую тему, поскольку имиджевая политика России до сих пор такова, что неизвестно, о чем еще

можно говорить с Россией. Россия же в который раз эту тему подхватывает.

До последнего времени картина региональной конкурентоспособности была видна только узкому кругу специалистов. Имиджевых инициатив здесь пока мало. Но работа в направлении повышения информированности бизнеса и общества с опорой на новейшие достоверные данные разворачивается. На сайте МЭРТ вывешена страница «Региональная среда для инвесторов»[1], содержащая статистический материал 2001 г. для составления региональных рейтингов по 16 показателям; имеются ссылки на официальные сайты некоторых субъектов Федерации с информацией о масштабных проектах, региональном законодательстве и инвестиционной политике. Недавно появилась информационно-поисковая интернет-система «Экспортные возможности России»[2], содержащая сведения о выставках и ярмарках, способах государственной поддержки экспорта и т.д. В сети есть информация о состоявшемся в ноябре 2006 г.[3] в Москве Региональном инвестиционном конгрессе «Национальная политика регионального развития. Инструменты и практика привлечения финансовых ресурсов в регионы» с выходом на последние данные о состоянии социально-экономической среды субъектов Федерации.

В отношении российской провинции в западной литературе сохраняется весь ряд стереотипных представлений и фобий: невыносимые для жизни климатические условия, труднопредсказуемое законодательство, необустроенность громадных пространств, коррупция, организованная преступность и пр. Такой имидж большинства российских регионов сложился в 1990-е гг., когда ученые при финансовой поддержке западных ресурсных центров изучали природу конкурентоспособности российских территорий.

И тем не менее, каким бы нелицеприятным ни был имидж российских регионов, Россия сегодня – это необъятный рынок спроса, где на каждый товар найдется купец, где продать можно товар любого качества и по любой цене. Это создает благодатную почву и для импортозамещения, и для инвестиционной активности в ряде секторов экономики российской глубинки.

Так нужна ли России активная имиджевая политика и какие задачи ей следует решать? Привлечение в Россию западных партнеров, как выясняется, задача не сложная. Что касается возможности выхода российской продукции высокой степени обработки на западный рынок, другими словами, признания западными потребителями российских стандартов качества, – это задача уже не из простых.

Наконец, самая трудная задача – позиционировать реальную конкурентоспособность. Если принять, что номинальная конкурентоспособность определяется совокупностью индексов ВВП в расчете на душу населения, ресурсного потенциала, инвестиционного потенциала, потенциала НИОКР и т.п., то реальной конкурентоспособностью можно назвать такое качественное состояние, когда номинальная конкурентоспособность находится на службе у граждан, а именно повышает их благосостояние, создает уверенность в завтрашнем дне, увеличивает продолжительность жизни, уменьшает поляризацию общества.

В таком понимании региональная конкурентоспособность близка понятию «устойчивого развития». Результаты же имиджевой политики Европейского Союза выгодно отличаются от российских, поскольку ЕС подступает к решению именно такой сложной задачи, как позиционирование европейских регионов в качестве систем, где человек чувствует себя защищенным перед лицом возможных внешних и внутренних угроз. Продвижение региональных марок для сегодняшней имиджевой политики ЕС представляется уже лишь частной задачей.

Литература

1. <http://www.economy.gov.ru/Reginvest/Reginvest/default.aspx-i=1.htm>.
2. <http://www.exportsupport.ru>.
3. <http://www.raexpert.ru/conference/2006/region/>.

Д.В. Негреев

Где переночевать? Что поесть? Что посмотреть? или Что сделать, чтобы Алтайский край получил имидж туристического региона

Проблема имиджа волнует сейчас все регионы России. Достаточно набрать в любой из поисковых систем Интернета соответствующее словосочетание, и мы прочитаем о «повышении имиджа Мурманской области как нового нефтегазового региона», «позитивном имидже Новосибирской области», об «имидже продвинутого региона» – Красноярского края. Узнаем об «имидже Тверского региона на федеральном уровне», «европейском опыте формирования регионального имиджа», «позитивном имидже Сибири». Найдем информацию о «негативном имидже Самарской губернии как одного из наиболее криминализованных российских регионов», «формировании имиджа Санкт-Петербурга».

Алтайский край в последние годы активно занимается развитием туризма. Построено много баз, получен статус особой экономической зоны, регион участвует в выставках, о роли туризма в подъеме местной экономики не устают говорить губернатор. Но у края пока нет главного, что нужно для развития туризма – соответствующего имиджа.

Для того, чтобы туризм нормально развивался, люди должны узнать об отдыхе в Алтайском крае, приехать сюда и, в идеале, приехать снова.

Итак, первое – узнать. И сразу начинаются проблемы. Первая проблема заключается в путанице – есть Алтайский край, и есть Республика Алтай. Оба субъекта позиционируют себя как туристические регионы. Чем дальше от нас на запад и восток России, тем у людей более расплывчатые представления о том, что Алтайский край и Республика Алтай – это не одно и то же. В сознании есть просто Алтай, синоним – Горный Алтай. И это, безусловно, работает на Республику Алтай.

Следовательно, необходимо ликвидировать географическую неграмотность. Но задача эта очень сложная. Можно, конечно, попробовать решить ее при помощи различных рекламных материалов в российских СМИ, но вряд ли у края найдется столько денег. А вот если, например, начать серьезную дискуссию о необходимости... объединения Алтайского края и Республики Алтай, она стала бы поводом для того, чтобы СМИ сами заинтересовались нашим регионом.

Вообще, чтобы продвигать регион, повышать его известность, нужно постоянно создавать поводы, привлекающие к нему внимание. Причем, эти поводы должны быть позитивными. При всей заслуженной критике Шукшинские чтения давно стали традицией и достаточно известны в стране. Надо только поработать над тем, чтобы они превратились в настоящий фестиваль искусств.

В этом году был проведен международный фестиваль «Праздник сыра». Нужно, чтобы он вошел в традицию, проводился ежегодно. Но необходимы и другие фестивали – музыкальные, театральные, авторской песни. Наконец, пельменей, блинов, самогона, чего угодно. Главное, чтобы они побуждали у жителей других регионов желание приехать, заставляли средства массовой информации говорить об Алтайском крае. Пока же больше рассказывают о гибели туристов, что, безусловно, не повышает привлекательности региона.

Хорошо, люди узнали и приехали. Для того чтобы в регионе развивался туризм, говорят специалисты, нужны три вещи: **где переночевать, что поесть и что посмотреть**. Со всеми этими где? и что? у нас проблемы. В гостиницах, например, не хватает одноместных номеров, а это очень важно для развития делового туризма. Этот вид туризма не возможен также без наличия конференц-залов. А их количество и в Алтайском крае, и в Республике Алтай исчисляется единицами. Для приема иностранцев на базах нет администраторов с английским и немецким языками. Далеко не в каждом ресторане можно найти простую русскую, сибирскую кухню. Борщ, пельмени, окрошку, пироги, блины,

квас, морс готовят не везде. А салат с крабовыми палочками и запеченная под сыром и майонезом свинина устраивает уже не всех.

Что посмотреть – проблема особая, для развития туризма ключевая. Туристы, собственно, и едут для того, чтобы что-то увидеть. А с этим в Алтайском крае, как говорят, «напряженка». Обладающие богатыми фондами (особенно краевой краеведческий в Барнауле) музеи не имеют современных залов для размещения экспозиций. В городах у зданий – памятников архитектуры и истории – невозможно узнать, какие имена и события с ними связаны. А, казалось, проблем-то – поставить рядом щиты с соответствующими аннотациями. Построенные Демидовыми заводы не стали музеями.

Чем дальше во времени стоят исторические события, связанные с регионом, тем ценнее он для туристов. Для Алтая это не только горнорудное производство XVIII–XIX вв., но и древняя история. В крае давно и успешно развивается археологическая наука, но, кроме Денисовой пещеры, по большому счету, показать туристам нечего. Между тем, археологический музей, раскопанные и реконструированные погребения и жилища были бы прекрасными объектами показа. А участие в раскопках вполне могло бы стать алтайской туристической изюминкой.

Алтайский край – родина выдающегося оружейника Михаила Калашникова. Почему бы не создать музей оружия имени Калашникова? И не только современного. Можно начать с реконструкций найденных археологами древностей – луков, копий, топоров, выставить оружие русских, пришедших в Сибирь в конце XVI века, оружие Гражданской и Великой Отечественной войн. Да если еще эти ружья, винтовки и автоматы можно будет потрогать руками и сфотографироваться с ними, а экскурсии станут проводить знающие толк в оружии люди, музей не будет знать недостатка в посетителях.

Отдельная тема – сувениры. Пожалуй, единственный оригинальный из них, который можно увезти с Алтая (и из Республики, и из края) – музыкальный инструмент камуз. Но если немножко пофантазировать, можно придумать множество интересных сувениров. Это и копии археологических находок – изделия из камня, бронзы, керамики, кожи. И копии сибирских монет, которые чеканили из алтайских металлов (между прочим, игорную зону планируется назвать «Сибирская монета»). И наборы камней. И украшения из них. Снабженные красочными буклетами, эти вещи стали бы памятью о посещении Алтайского края и хорошим подарком не бывавшим здесь друзьям и знакомым.

В последнее время стало появляться достаточно много полиграфической продукции об Алтайском крае – наборов открыток, фотоальбо-

мов, карт. Но до сих пор не хватает качественных популярных изданий, рассказывающих об истории региона.

Перечисленное в этих заметках – лишь немного из того, чего нет, и что можно сделать для приобретения краем имиджа туристического региона. Для того, чтобы все это появилось, требуется работа различных структур, которая нуждается в серьезной координации. Координатором может стать только государство. Сегодня развитием туризма занимаются Челябинск и Ярославль, Калуга и Владивосток, Хабаровск и Якутск, Иркутск и Воронеж, Чита и Пермь, Кемерово и Красноярск. И все они конкурируют за одних и тех же потребителей. Выиграют те, кто сумеют себя им лучше преподнести.

В.В. Савинков

Имидж региона в условиях формирования информационного общества

В процессе длительной работы с большими массивами типологически однородной региональной информации у меня и моих коллег возникли некоторые выводы о том, что такое имидж региона и с помощью каких инструментов этот феномен реализуется в информационном пространстве.

Модная сегодня тема регионального имиджа, на мой взгляд, применима далеко не к каждой территории, имеющей формальный статус региона. Мы можем выделить два типа территорий, чьи претензии на региональный имидж будут обоснованы. Во-первых, это регион, являющийся естественной историко-географической провинцией. При этом фактор исторического единства региона может находиться в динамическом сочетании с географическим фактором. Так, Алтайский край объединен как регион факторами в равной степени как географическими, так и историческими. А вот Кузбасс свою региональную идентичность черпает прежде всего в факторах исторических – в своей истории как угольно-промышленной провинции советского периода. Отсюда, идентичность Алтая более прочна – какие бы кризисы ни бушевали здесь, жители региона осознают, что живут в существовавшей тысячелетия устойчивой географической стране с довольно четкими границами. В то же время, хозяйственный кризис 1990-х за несколько лет нанес региональной идентичности Кузбасса колоссальный урон (сегодня уже, впрочем, ликвидированный).

Вторым типом, создающим региональную идентичность и основу для формирования регионального имиджа, является его построение вокруг города-метрополии, т.е. своего рода региона-города. Обычно такой тип реализуется при наличии в регионе динамично развивающегося мегаполиса. Примером этого может служить Новосибирская об-

ласть, имидж которой все более совпадает с Большим Новосибирском, окруженным безлюдными и ничем не примечательными просторами равнинных болот. Немного другим типом предстает Томская область, фактическая значимость Томска для которой еще более высока. И отсутствие статуса мегаполиса здесь вполне эффективно компенсируется богатыми городскими традициями административного центра.

В то же время мы видим примеры регионов, которым совершенно не удастся выстроить региональную идентичность и на ее основе региональный имидж. На востоке России классическими примерами таких будут являться Курганская и Читинские области, имидж которых можно определить понятием «неудачный регион».

С помощью каких формальных механизмов мы можем наблюдать за формированием и изменением регионального имиджа? Ведь для того, чтобы отследить динамику этого процесса в информационной среде, необходимо анализировать массив в среднем от 10 до 20 тысяч информационных сообщений в год. В качестве такого инструмента можно предложить крупнейшую на сегодня в России систему обработки новостного контента «Яндекс-новости». Так, Алтайский край в 2006 г. в ней был представлен 12 тысячами сообщений региональных, федеральных и международных СМИ. Представляется, что именно такая информационная база является реальным носителем имиджа региона в информационном поле, непосредственно влияя как на общественное сознание, так и на коллективное бессознательное.

Структура регионального имиджа сегодня отражает особенности установившегося в России политического режима. Сегодня можно говорить о том, что у российских регионов существует внешний имидж, формируемый преимущественно в естественной информационной среде, и подвергаемый различным целенаправленным воздействиям внутренний имидж региона, рассчитанный на его население.

Внутри региона мы можем выделить две группы, строящие свое представление о регионе исходя из реального представления о происходящих в нем процессах. Это правящий класс и элиты, включающие в себя достаточно широкие средние слои населения. Основные средства коммуникации, которыми они пользуются для формирования представлений о регионе, это независимые СМИ, Интернет, каналы непосредственного общения.

В то же время представления народных масс об имидже региона подвержены влиянию различных мифологических архетипов сознания, возникших преимущественно в советские времена, и легко поддаются манипулированию. Основными коммуникативными каналами для формирования представлений об имидже региона в этой среде являются

государственные телеканалы и прочие государственные СМИ, воспринимаемые в не критическом режиме. Правящая бюрократия активно использует свои возможности в данном секторе информационного поля, формируя здесь выгодные для себя представления об имидже региона, населяя его мифологемами «темных сил», «бабок-мешочниц», «спекулянтов-перекупщиц» и, напротив, героических рабочих и фермеров. Тем не менее, даже здесь реалистические представления об имидже региона распространены достаточно широко. Индикатором таковых можно считать интерес к выбору Алтая как постоянного места для жительства у въезжающих в Сибирь русскоязычных мигрантов из стран Центральной Азии. Пренебрегая лучшим в восточной части России климатом, по данным статистики, этот поток, в основном минуя Алтай, распределяется по другим регионам Сибири.

В настоящее время имидж Алтая находится в довольно динамическом состоянии – в нем идут начатые в период правления «народного губернатора» Михаила Евдокимова любопытные процессы, частично поддерживаемые правящим классом, частично конфликтующие с навязываемым им региональным имиджем. Куда пойдет развитие этого процесса – покажет достаточно близкое будущее.

Е.В. Тарасова

Имидж Алтайского края как фактор развития миграционных процессов¹³

Тема имиджа России и ее регионов в последнее время активно разрабатывается учеными разных специальностей – этнопсихологами, географами, экономистами, специалистами по связям с общественностью и т.д. (Э.А. Галумов, Г.Г. Почепцов, А. Цуладзе). Традиционный подход к изучению имиджа России предполагает исследование его прежде всего в контексте взаимодействия со странами Запада. Имидж Российской Федерации в странах СНГ часто рассматривается с позиций потери, либо перспектив восстановления «имперского» статуса. В работах, посвященных постсоветским миграциям, роль имиджа российских регионов никогда не рассматривалась в качестве ведущего фактора миграционного взаимодействия. Исследователи, ранее обращавшиеся к проблеме факторов постсоветской миграции, обычно ограничивались рассмотрением выталкивающих обстоятельств в странах выхода мигрантов.

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №06-03-02125а «Имидж России в странах СНГ как фактор развития миграционных процессов (на примере Казахстана)».

Российская Федерация относится к числу государств, в которых существенное воздействие на состав населения и этнополитическую ситуацию в приграничных регионах оказывают миграционные процессы. В последние годы миграция приобретает все большую политическую значимость и все теснее связывается в политической риторике с государственной безопасностью. Адекватное управление миграционными процессами требует учета многообразия местных (региональных) особенностей, социокультурных и экономических различий территорий, принимающих мигрантов. Селективная миграционная политика предполагает не только отбор желательных для страны и региона категорий мигрантов, но и создания условий для принятия ими решения о переезде (организационно-правовых, экономических, информационных). Информационное сопровождение переселенческих мероприятий должно включать в себя не только предоставление достоверных сведений о наличии рабочих мест и других экономических условиях, но и формирование позитивного образа региона-реципиента. Эксперты Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа Сергей Градировский и Ольга Выхованец для обозначения этого компонента миграционной политики используют термин «имиджирование».

В данной статье термин «имидж России и ее регионов» используется в значении эмоционально окрашенного образа страны или ее части, отражающего природно-географические, цивилизационные, историко-культурные, этнорелигиозные особенности территории. По мнению большинства экспертов, имидж страны легко поддается целенаправленному «форматированию» через СМИ и другие каналы массовой коммуникации. Адресатами имиджевой информации в контексте нашего исследования являются мигранты (потенциальные, осуществляющие переезд или проходящие период адаптации в месте вселения).

Имидж страны предполагаемого вселения имеет большое значение для выбора региона вселения, определения потенциальным мигрантом сроков переезда. В условиях нехватки достоверной информации образы и стереотипы выступают в качестве основных факторов формирования миграционных установок.

Согласно большинству современных теорий, факторы миграции четко делятся на две группы: выталкивающие (действующие в стране выхода мигрантов) и притягивающие (в стране, принимающей мигрантов). Мы позволим себе утверждать, что факторы притяжения и отталкивания действуют как в регионах исхода, так и в регионах приема мигрантов. В частности, степень миграционной привлекательности России определяется не только позитивными характеристиками (стату-

сом России как «исторической Родины» для большинства нетитульных народов стран СНГ, этнокультурными и социально-экономическими особенностями ее регионов), но и информацией негативного характера (например, о трудностях обустройства переселенцев, недружелюбном отношении к ним со стороны властей и местного населения). Подобная информация распространяется по целому ряду каналов, преимущественно через масс-медиа и мигрантские сети. Значительная часть сюжетов, подчеркивающих «антимигрантские» настроения в принимающих сообществах, связана с регионами России, характеризующимися высокими показателями миграционного прироста.

На формирование имиджа России в странах СНГ влияют как объективные, так и субъективные факторы. Объективные факторы: место и роль страны в международном сообществе, характер политической системы, реализация социальной политики в стране, характер экономической политики государства, этноязыковая политика. Субъективные факторы: личностные характеристики лидеров страны, национально-историческая ситуация, стереотипы в представлениях о России у населения стран СНГ, определение и отражение имиджа России в российских и зарубежных СМИ.

В течение постсоветского периода имидж России в странах СНГ претерпел определенную эволюцию. Такие процессы и события, как «уход» России из Центральной Азии, финансово-политический кризис августа 1998 г., объективно снижали ее миграционную привлекательность. Изменение представлений жителей постсоветских республик о России, наряду с социально-экономическими и этнополитическими факторами, определяло в постсоветский период динамику миграционного обмена в СНГ.

Проблема формирования имиджевой информации, ориентированной на мигрантов, актуальна не только для России в целом, но и для Алтайского края как приграничного региона, участвующего в реализации Государственной программы содействия переселению соотечественников.

Роль миграции в развитии демографических и трудовых ресурсов Алтайского края исключительно велика. С 1992 г. на фоне естественной убыли населения миграция стала единственным источником восполнения потерь в численности населения края. Снижение общей численности населения началось с 1995 г., когда миграционный прирост уже не полностью компенсировал естественную убыль. С 2001 г. Алтайский край имеет отрицательный миграционный прирост, который предопределяет ускорение темпов сокращения численности населения.

Межрегиональная миграция в пределах Российской Федерации способствует оттоку населения из края. Регион имеет отрицательное миграционное сальдо со всеми федеральными округами России. Значителен отток населения в Центральный, Южный и Уральский федеральные округа. В 2005 – 2006 гг. положительным было только сальдо миграции с Дальневосточным федеральным округом, в обмене с которым миграционный прирост в 2005 г. составил 24 человека. В границах Сибирского федерального округа наибольшие потери край несет в обмене с соседними областями: Кемеровской и Новосибирской.

Процессы межгосударственной миграции в 1992–2006 гг. характеризуются отрицательным сальдо в обмене со странами дальнего зарубежья и миграционным приростом за счет стран СНГ. Наибольшие потери Алтайский край несет за счет эмиграции в Германию. Число эмигрантов за 2006 г. сократилось в 2,6 раза и составило 1110 чел., из них 90,5% выехали в Германию. В 2006 г. на 43,3% снизился миграционный прирост в обмене с государствами-участниками СНГ в связи с сокращением возможностей для свободного передвижения граждан в пределах Содружества Независимых Государств. Крупнейшим миграционным партнером Алтайского края является Казахстан: его гражданами являются 62,5% всех прибывших на территорию региона из-за пределов Российской Федерации в 2006 г.

В результате реализации региональной программы содействия переселению соотечественников Алтайский край может рассчитывать на приток мигрантов из сопредельных регионов Республики Казахстан (Восточно-Казахстанской и Павлодарской областей). Стабильно высокие показатели выбытия в Российскую Федерацию из приграничных областей Казахстана объясняются, не в последнюю очередь, высокой концентрацией в них русскоязычного населения. Однако начало реализации Государственной программы содействия переселению соотечественников не находит адекватного освещения в средствах массовой информации стран СНГ. Среди населения приграничных регионов Республики Казахстан распространяются различные слухи, которые могут как стимулировать волну переселений вне квоты, так и сформировать у потенциальных переселенцев нежелание участвовать в программе.

Таким образом, разработка региональной миграционной политики в Алтайском крае должна сопровождаться формированием позитивного образа региона. Это будет способствовать не только притоку мигрантов, но и, возможно, сокращению оттока населения из края. Имиджирование Алтайского края как региона-реципиента может включать в себя размещение в СМИ сведений о ходе реализации Госу-

дарственной программы содействия переселению соотечественников, информации о природно-географических и историко-культурных особенностях края и других материалов, формирующих позитивный образ региона и способствующих толерантному отношению к мигрантам.

Ю.Г. Чернышов

Формирование имиджа Алтайского края: взгляд историка и политолога

Тема имиджа региона в последнее время активно обсуждается в Алтайском крае, однако в этих дискуссиях зачастую не хватает серьезной методологической базы. Понятие «имидж» часто подменяют более узким и прагматичным понятием «бренд». Но и об имидже как об «управляемом образе» представители самых разных отраслей знаний (регионоведы, политологи, специалисты по связям с общественностью, маркетологи, географы, историки, культурологи, психологи и др.) пишут совершенно по-разному, у каждого из них своя система понятий, свои методы, свои приоритетные предметы изучения. Сейчас становится особенно очевидной необходимость проведения комплексных прикладных исследований, учитывающих ту специфику региона, которая проявлялась в прошлом, заметна сейчас, и которая, вероятно, будет акцентирована в будущем.

1. Имидж региона – это во многом ответ на вопросы, «каким видят Алтайский край, и какими видим мы его сами?»; это состоящая из набора характерных символов «картинка» региона, всплывающая в сознании. Принято считать, что имиджем можно легко управлять, поворачивая его в нужную сторону с помощью рекламы в СМИ и т.д. Однако на самом деле в имидже, помимо изменчивой «оболочки», всегда есть относительно твердое и неизменное «ядро». Если говорить применительно к Алтайскому краю об **«условно-статичных» факторах** формирования имиджа (по Э. Галумову), то это будут расположенность «в глубинке», в относительно благоприятных (для Сибири) условиях для развития сельского хозяйства, вблизи величественной природы Горного Алтая. Если в XVIII-XIX вв. Алтай ассоциировался прежде всего с горнозаводским производством, то затем на первый план вышла аграрно-промышленная направленность. Алтай – это «житница Сибири» и ее здравница (Белокуриха), это Колыванская ваза и демидовские заводы, это Иван Ползунов и Герман Титов, это Василий Шукшин и Михаил Евдокимов, это еще целый ряд исторических и культурных символов, которые, кстати, еще нуждаются в тщательной «инвентаризации».

2. **«Условно-динамичные» факторы** формирования имиджа во многом связаны с текущими политическими событиями, с яркими пред-

ставителями региона. Серьезный ущерб очертаниям имиджа Алтайского края как административной единицы нанесло отделение от него в 1991 г. Горно-Алтайской автономной области и возникновение Республики Алтай. Появилось два субъекта федерации, претендующих на использование одного известного «бренда» по имени «Алтай». Это привело к «размытости», «разорванности» имиджа. В результате многие москвичи, например, постоянно путают эти регионы и называют жителей Алтайского края «алтайцами», даже не подозревая, что слово «алтайцы» – этноним. Образ Алтая во многом остается неразделенным – в российском массовом сознании он по-прежнему связан с представлениями о сельской глубинке, прекрасной природе, открытых и талантливых людях. Жизнелюбие, крестьянская чужаковатость, «своя правда», стремление к справедливости – те черты, которые ассоциируются с «алтайским характером». Что же касается политического имиджа края, то с 1996 г. (при А. Сурикове) регион входил в «красный пояс» и в целом был малозаметным на общероссийском фоне. Но в 2004–2005 гг. Алтай стал одним из главных «нюсмейкеров»: в прессе часто ассоциировали его с «народным губернатором» М. Евдокимовым и с теми конфликтами, которые разгорелись после его победы на выборах. Известность края резко возросла, но она имела во многом скандальный оттенок, усиленный в 2005–2006 гг. еще и тем, как странно проходил суд по делу о гибели губернатора. Делегированный затем из Москвы на губернаторский пост А. Карлин способствовал «замирению» элит, но жизнь в крае во многом вернулась к стилю суриковских времен: бюрократизация всех сфер жизни, кулуарность в принятии решений, отсутствие интереса к общественному мнению. Справедливости ради нужно признать, что сейчас происходит обновление облика центральной части Барнаула – ремонтируются дороги и площади, реставрируются старые здания, строятся новые. Региональная власть пытается сделать город и край более привлекательными и для туристов, и для предпринимателей. Однако при реализации этого похвального намерения проявляется серьезный просчет: власть абсолютно не считает нужным предавать гласности и предварительной общественно-научной экспертизе свои проекты. Местных жителей просто ставят перед фактами. Именно так было, например, когда объявили о создании на Алтае одной из четырех федеральных «игорных зон». Многие граждан тревожат возможные негативные последствия этого (криминализация обстановки, развитие коррупции, игромании, наркомании, проституции и т.д.), однако предложение создать Общественный совет по контролю над реализацией проекта не получило никакого отклика в администрации. На проходившую в АлтГУ всероссийскую конференцию, на которой обсуждался имидж региона и проект «Бирзовой Катунь»

ни», не пришел ни один представитель краевой администрации, хотя приглашения им были. Недавно губернатор сильно удивил местную общественность, объявив, что город Барнаул будет развиваться на противоположном берегу Оби, станет «миллионником» и получит название Новобарнаульск. Общественность встретила эти научно не просчитанные и сверхдорогостоящие проекты с большим недоумением: сейчас численность населения города и края не растет, а падает, а бюджета не хватает даже на то, чтобы решить проблемы ежегодно затопляемого на том берегу поселка Затон... Подобные проекты явно отдают прожектерством, стремлением представить «наверх» красивую картинку. Такой стиль принятия решений может привести к отнюдь не безобидным последствиям для населения. Однако у жителей региона сейчас нет действенных «рычагов», с помощью которых они могли бы повлиять на принятие решений, скорректировать непродуманные и ошибочные проекты. Всенародные выборы губернаторов отменены, и именно поэтому новые назначенцы больше заботятся теперь о том, что о них подумают «наверху», а не «внизу». Формирование имиджа региона становится не просто управляемым, а слишком управляемым – с тенденцией к созданию «потемкинских деревень» специально для ока московского начальства.

3. Немалую роль в формировании имиджа региона играют и **ожидаемые в будущем факторы**. Какие прогнозы – оптимистические или пессимистические – преобладают по поводу демографической и экологической ситуации, темпов экономического развития, уровня жизни населения в регионе? Если говорить о каких-то оптимистических нотках, то они звучат редко. Некоторые из них связаны, в частности, с возможностью развития трансграничных связей. Так, проект «Алтай – наш общий дом» подразумевает развитие интеграционных связей с Казахстаном, Китаем, Монголией. Однако реальные выгоды от этого могут появиться лишь в том случае, если регионы не будут лишены права развивать прямые экономические связи. Гораздо чаще среди экспертов звучат пессимистичные прогнозы, и связано это не только с неразвитостью инфраструктуры и очень низким уровнем жизни в регионе, но и с отсутствием ясных перспектив. Ситуация в регионе продолжает оставаться тяжелой: по важнейшим социально-экономическим показателям Алтайский край продолжает отставать от большинства регионов России. По индексу качества жизни край занимает 57-е место. По уровню зарплаты и числу безработных показатели в Алтайском крае хуже, чем в соседних регионах:

	Алтайский край	Кемеровская область	Республика Алтай

Площадь % от терр. РФ	169,1 тыс. кв. км 1,0%	95,5 тыс. кв. км 0,6%	92,6 тыс. кв. км 0,5%
Население % от нас. РФ	2621,0 тыс. чел. 1,8%	2940,5 тыс. чел. 2,0%	204,9 тыс. чел. 0,1%
Численность безработных	76,3 тыс.	42,6 тыс.	5 тыс.
Среднемес. зар. плата	6149 руб.	10328,4 руб.,	7527 руб.

У многих возникает вопрос: если край вскоре «сольют» с кем-то из соседей, то какой смысл разрабатывать долгосрочную стратегию его развития, какой смысл рисковать, вкладывая в него инвестиции? Эта «зависшая ситуация» на фоне разговоров о разновариантных «укрупнениях» и «слияниях» уже нанесла серьезный ущерб не только имиджу, но и экономике региона. Есть и еще ряд негативных факторов. Серьезный ущерб региону наносит, например, то, что в нем традиционно не ценят талантливых земляков – ученых, режиссеров, художников, писателей, музыкантов, спортсменов. Так было, например, с Василием Шукшиным. Если кого-то власть и ценит, то чаще всего не столько за талант и реальные заслуги, сколько за политический конформизм, за готовность ей прислуживать. Из-за такой обстановки многие действительно талантливые люди вынуждены покидать Алтай и искать признания в других городах страны или за рубежом.

Какой образ Алтая возобладает в будущем – «Медвежий угол» или «Жемчужина Сибири»? Этот вопрос пока остается открытым. Общий вывод таков: имидж региона – это отнюдь не то, что можно произвольно перекраивать в тиши чиновничьих кабинетов. Успех может иметь только та имиджевая политика, которая будет опираться на исторические традиции, на мнение и поддержку местного экспертного сообщества, на активную заинтересованность жителей региона в проведении такой политики.

Обсуждение докладов

Открытие конференции

Чернышов Ю.Г.: Мы начинаем нашу очередную конференцию. Уже двенадцатый год проходит в Алтайском крае конференция, основным организатором которой является Алтайская школа политических исследований. В этом году соучредителями и соорганизаторами

выступают также Администрация Алтайского края, Алтайский государственный университет (в частности, кафедра всеобщей истории и международных отношений), Алтайское отделение Российской ассоциации политической науки, Конгресс интеллигенции Алтайского края, Российский гуманитарный научный фонд.

Конференция носит постоянное название «Современная Россия и мир: альтернативы развития», но каждый год мы берем специальную тему. В этом году специальная тема – «Международный имидж России в XXI в.». Сразу оговорюсь, что мы будем обсуждать не только теоретические вопросы, не только имидж России, но и предметно будем обсуждать имидж Алтайского края, нашего региона, будем обсуждать те новые проекты, которые, возможно, повлияют на имидж Алтайского края, то есть, конференция имеет научно-практическое, прикладное значение. Как всегда, мы будем издавать сборник (здесь вот серия наших публикаций лежит, каждый год мы издаем эти сборники и, более того, мы их выставляем в Интернете, так что они становятся доступными практически в любой точке земного шара). При этом мы всегда фиксируем дискуссию после каждого доклада. После каждого доклада можно будет подойти к микрофону, он работает на запись, и потом это все расшифровывается и публикуется вместе с докладами.

Еще некоторые комментарии по поводу нашей конференции, поскольку здесь много людей, которые, наверное, впервые участвуют. Впервые в этом году очень много желающих на нас выходили из других вузов, много молодежи и студентов. Это очень хорошо, что есть интерес к науке. У нас присутствуют известные ученые из разных городов, я их тоже представляю.

Немного о предыстории этой дискуссии, чтобы пояснить, что мы не с голого места начинаем эту дискуссию. Уже четыре года подряд мы проводим предварительное обсуждение в Интернете. Это очень эффективная форма, и я хотел бы даже не в порядке саморекламы, а в порядке обмена полезным опытом немного рассказать о том, как это делалось. Сначала мы это проводили на портале auditorium.ru, но, к сожалению, последнее время он перестал работать и в этом году мы выбрали новые формы, фактически, кольцо сайтов было создано для рекламы этой конференции, для того, чтобы как можно больше людей узнало о ней и чтобы можно было обсудить эту конференцию. Впервые, есть специально созданный сайт для конференций – http://agora.guru.ru/display.php?conf=Image_of_Russia-2007. Он рекомендуется Российским гуманитарным научным фондом. Он удобен в основном как афиша, как презентация конференции, то есть, здесь можно выставлять основную информацию о конференции и новости.

Недостаток его в том, что там не выставляются сами доклады, не доработан немного сайт, поэтому в полной мере он нас не удовлетворил, но все-таки свою функцию выполнил – более 3000 чел. посмотрели эту информацию. Затем как базовый использовался сайт Алтайской школы политических исследований, где выставлялись тексты всех докладов, где была основная информация, и сюда тоже люди заходили периодически, несколько десятков человек ежедневно посещают. Не хватало еще площадки, где можно было обсуждать в Интернете эти доклады. Есть такой известный блог – «Живой журнал», и мы создали специальное сообщество «Международный имидж России», посвященный этой конференции, и там выставляли доклады. Там есть возможность очень демократично обсуждать все доклады. То есть, там комментировали все, кто хотел, и кроме того, там есть список людей, которые являются постоянными читателями, их более 230 человек, и, что очень полезно, эти люди записались в это сообщество уже надолго. Мы будем продолжать эту тему и на следующий год, и это сообщество можно будет использовать и далее. И в связи с этим я хотел бы отметить, что вчера как раз мы говорили на Ученом Совете о том, что Алтайский государственный университет занял 8-е место в России по цитируемости веб-ресурсов, по электронным изданиям, по сноскам и т.д. Я думаю, что такие технологии как раз и позволяют привлечь внимание всего мира к научным дискуссиям и т.д.

И что это дискуссия принесла? Она принесла, во-первых, очень широкую географию докладов, там участвовали люди из Германии, даже из ЮАР, из Украины, из Казахстана. Они не могут физически приехать, но они высказывают свои мысли, то есть, Интернет помогает расширить аудиторию. Затем там включились в дискуссию люди, которые, может быть, вряд ли приехали бы сюда дискутировать на эту тему. Скажем, есть такой канал, как Russia Today, который вещает на английском языке за рубеж. Цель его – создать позитивный имидж России за рубежом. На площадке началась дискуссия между работниками этого канала и теми, кто, видимо, там работал и ушел и раскритиковал работу этого канала. Там довольно жесткая дискуссия получилась, но она по своему интересна, так как это, что называется, эксклюзивный материал, которого нигде не найдешь, и он позволяет многое понять специалистам, нам, ученым. Мы не заинтересованы в каких-то идеологических распрах, но мы заинтересованы в выяснении истины. Так вот, этот материал позволяет понять, насколько эффективно сейчас ведется работа над имиджем России, какие есть ошибки, это хороший материал для размышления. Потом, там же, в «Живом журнале», есть сообщества людей, русской диаспоры, живущих за рубежом. Люди,

живущие в Германии, в Великобритании, в США, в крупнейших странах, имеют свои сообщества. И это тысячи людей. Мы забросили туда анкету о том, что думают о русских, о России, получился интересный своеобразный опрос. Комплексы, стереотипы восприятия всплыли. По этой дискуссии можно еще отметить один из важнейших результатов, что нам удалось все-таки подобрать докладчиков, которых мы смогли пригласить сюда, в Барнаул, чтобы уже в реальном, а не в виртуальном режиме вести с ними дискуссию.

Позвольте мне их представить. Из Москвы прибыло 3 человека – Малинова Ольга Юрьевна, д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, вице-президент и председатель правления РАПН; Кондратьева Наталья Борисовна, к.э.н., доцент, старший научный сотрудник Института Европы РАН; Тэвдой-Бурмули Александр Изяславович, к.п.н., доцент кафедры европейской интеграции МГИМО; из Санкт-Петербурга у нас присутствует Сунгуров Александр Юрьевич, д.б.н., д.п.н., заведующий кафедрой прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала Высшей школы экономики, президент гуманитарно-политологического центра «Стратегия», и ещё у него есть некоторые очень звучные титулы, о которых он в приветствии, наверное, скажет. Из Волгограда прибыл, уже не в первый раз на нашу конференцию, известный эксперт, Голунов Сергей Валерьевич, к.и.н., доцент кафедры регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета; из Ростова-на-Дону впервые к нам прибыл Шпагин Сергей Алексеевич, старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Южного федерального университета, но участвует он виртуально уже не первый раз. Поэтому мы как раз пригласили его как активного участника. Эти гости у нас все будут участвовать и будет возможность с ними пообщаться, задать вопросы и т.д.

Коротко по порядку работы. Будет три секции, тематические заседания, которые будут идти одно за другим. Сначала у нас прозвучат приветствия, затем по одному докладу, которые представляют эту тематику, до перерыва мы заслушаем.

В первой секции ключевое слово – «история». Без знания истории нельзя понять современность, как формировался имидж России, какие факторы влияли, какие традиции, какие стереотипы и т.д. Это все надо изучать.

Вторая секция посвящена современной ситуации, здесь есть своя специфика в условиях глобального мира, информационного общества. Здесь работают свои закономерности, которые тоже надо осознать и понять.

Третья секция – роль регионов, это будет на второй день, там будут очень интересные материалы, тоже впервые представляемые на суд публики, и даже будут некоторые сюрпризы, которых я думаю, никогда многие не видели.

Слово передается для приветствия ректору Алтайского государственного университета Кириюшину Юрию Федоровичу.

Кириюшин Ю.Ф.: Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемые друзья! Я рад приветствовать вас в стенах Алтайского государственного университета, особенно наших гостей, которые приехали из других городов. Мне очень приятно, что они к нам приехали, особенно рад, что ростовчане. Как-то по особому отношусь к Ростову и к Ростовскому государственному университету, много лет дружу с ректором университета, правда, теперь у вас Южный университет. С трепетом к Волгограду отношусь, там есть свои причины, много родственников в Волгограде и т.д. Вообще, я рад, что Юрий Георгиевич и наша Алтайская школа политических исследований организовали такую конференцию, потому что, на мой взгляд, очень важная тема и имидж России, и имидж Алтайского края. Он у нас за последние два года несколько изменился и вырос, и эти изменения вызваны тем, что ситуация в крае стала меняться в положительную сторону, и наша промышленность заработала, и сельское хозяйство, и в целом стало уделяться больше внимания проблемам культуры, и особенно, скажем, туризму, то есть, Алтайский край на виду, на слуху. Эта конференция, несомненно, будет способствовать поднятию имиджа и России, и Алтайского края за рубежом, так как у Алтайского края очень тесные отношения с приграничными территориями Казахстана, мы с ними активно сотрудничаем, очень много у нас учится детей из Казахстана. Затем у нас очень много различных программ, много конференций проводим. Многие преподаватели защищают в нашем университете диссертации, и у нас существует целая программа, «Алтай – наш общий дом», где участвуют ученые Казахстана, Монголии, Китая и России, в частности, Алтайского края. Постоянно встречаемся, проводим конференции, обмениваемся опытом. Это все, еще раз говорю, будет способствовать поднятию имиджа Алтайского края в соседних регионах, в Казахстане и в целом в мире. Как сказал Юрий Георгиевич, мы действительно, неожиданно для нас, по данным международного агентства «Вебометрикс» (они рейтинг 4000 вузов ежегодно подводят по России и определяют десятку лучших вузов) стали 8-ми по электронным изданиям, по упоминаниям в зарубежной печати, то есть, по популярности мы восьмые в стране. Это очень приятно. Думаю, что на этом не надо останавливаться, нужно двигаться вперед. Я хотел бы поздравить вас с открытием этой конференции, пожелать вам успешной работы, пожелать вам прекрасных докладов, особенно дискуссий, потому что дискуссии особенно полезны и они позволяют выявить общие точки зрения и понять лучше друг друга. Ведь

не зря говорят, что истина рождается в споре. Еще раз, успешной вам работы и всего доброго! Спасибо!

Владимиров В.Н.: Дорогие коллеги! Я, в первую очередь, рад всех вас приветствовать на очередной конференции и хотел бы несколько соображений на этот счет высказать. Первое. Известно, что создать, например, веб-сайт сегодня не сложно. Сложно его поддерживать. Точно так же можно, хотя и сложно провести одну конференцию, но проводить эти конференции в течение уже 12 лет, как это делает Юрий Георгиевич и возглавляемая им кафедра и те коллеги, которые участвуют в организации этой конференции, – это сегодня действительно настоящий подвиг, я считаю. Я тоже иногда этим занимаюсь и представляю, сколько это стоит титанических организационных, финансовых и прочих усилий и здоровья. Поэтому я поздравляю вас не только с открытием очередной конференции, но и с тем, что она действительно очередной и, наверно, надо думать, не последняя в этом ряду.

Известно, что российское могущество будет прирастать регионами, но, к сожалению, сейчас в регионе, одном отдельно взятом, собрать конференцию, на которую бы приехали люди из других регионов, из центра, намного сложнее, чем собраться, скажем, в Москве. Поэтому каждая такая конференция интересна, в первую очередь тем, что, с одной стороны, приезжают люди со свежим взглядом, с другой стороны – тем, что на этом фоне особенно ярко, рельефно и подчас неожиданно высвечиваются проблемы того или иного региона. Поэтому польза от этого обоюдная и польза очень большая. Очень радуется, что сегодня в зале очень много молодежи, мне кажется, средний возраст конференции явно моложе, чем он был раньше, да и в президиуме это заметно тоже. Поэтому очень радуется присутствие молодёжи. Почему? Вот тут присутствует наш коллега, который, как я понял, от биологии перешел к политике. Это неудивительно, потому что, как мне кажется, биологические законы пока преобладают над законами социальными, человеческими и прочими. И вся надежда на молодежь, что именно вашими усилиями наша политика действительно станет цивилизованной, гражданской и умной, как это есть сегодня во многих других странах.

Еще я хочу отметить, что конференция эта всегда базируется на самых современных телекоммуникационных возможностях и мне, как человеку, имеющему отношение к применению новых информационных технологий, это очень приятно. И в том, что и университет достаточно высоко котируется в этом отношении, я думаю, большая заслуга кафедры всеобщей истории и международных отношений, ресурсы которой на кафедральном уровне, безусловно, одни из лучших в стране, они очень богатые, очень полные и, что самое главное – постоянно

обновляемые. Я желаю вам успеха, я в этом успехе не сомневаюсь, потому что не раз уже видел, как проводятся эти конференции, кто на них приезжает, как ведутся здесь дискуссии. Я желаю, чтобы погода была немножко получше, чтобы у Вас остались впечатления здесь не только от дискуссий, но и просто от того, что вы увидели.

Сунгуров А.Ю.: Уважаемые коллеги! Так как одна из сторон моей деятельности то, что я – член Совета при президенте России по содействию в развитии институтов гражданского общества и правам человека (Алла Александровна Панфилова – наш председатель), и мы встречаемся раз в год с тем, кому мы советуем, то есть с президентом, я хотел бы вас всех поприветствовать от имени нашего Совета и, значит, немного от имени президента, потому что, действительно, конференции, которые проводят здесь, в Барнауле, значимы для всей России, и сам современный их стиль проведения, и подготовка в Интернете, и открытые дискуссии, и интересные результаты – это очень важно, и в этом плане Барнаул и конкретно университет являются значимыми точками развития как гражданского общества, так и научного сообщества как части гражданского общества всей России. Поэтому желаю нам всем успеха в этой работе.

Первое заседание

Обсуждение доклада О.Ю. Малиновой

Аршинцева О.А.: У меня вопрос связан с некими универсальными закономерностями, которые автор сообщения, как мне кажется, наглядно подчеркнула. Универсальными закономерностями самого процесса самоидентификации. Как я уловила, в характеристике образа Запада, который определял процесс самоидентификации, разделяя на противоположные позиции, образ Запада носил мифологизированный характер. Не кажется ли Вам, что это, в принципе, является универсальным законом самого процесса самоидентификации? Скажем, и образ России, с той стороны, очевидно, не вполне адекватен реальному состоянию дел? И даже сама дискуссия, долгая дискуссия, между западниками и почвенниками, тоже является проявлением очень сложного состояния российского сознания и дает представление о сложном образе России. Вопрос о том, можно ли вообще пытаться и нужно ли это делать, пытаться преодолеть мифологизацию образа Другого, или надо смириться с этим как с универсальным законом самого процесса? Спасибо.

Малинова О.Ю.: Спасибо большое за вопрос. Я бы ответила на него так. Несомненно, что конструирование образов Нас и Других всегда связано с мифологизацией. Проблема заключается в том, что мифы бывают разные. На мой взгляд, проблема этого дискурса заключается в

том, что он выстроен в структуре жесткой бинарной оппозиции, которая воспринимается по принципу «или – или» в силу тех причин, которые я попыталась обрисовать. Конечно, в любом дискурсе об идентичности присутствуют разные модели, присутствует соперничество разных моделей. Может быть разная конфигурация этого соперничества. Условно говоря, мы можем иметь множественное поле, на котором у нас могут возникать пересечения, и можем иметь ситуацию, когда у нас есть два отчетливых полюса, между которыми отчетливая вражда, и они просто зеркально по-разному рисуют ситуацию. Было бы очень желательно уйти от ситуации противостояния двух полюсов и прийти к такой ситуации дискурса об идентичности, в которой оказалось бы возможно конструирование гибридных идентичностей, не по принципу «или – или», а по принципу «и – и». Понятно, что это были бы разные образы, так всегда бывает, но структура этого дискурса могла бы быть другой. С моей точки зрения, было бы желательно прийти к такому состоянию. Можно это аргументировать. На мой взгляд, это бы решило многие проблемы и для нашего собственного понимания себя и того, как мы подходим к решению наших собственных проблем и для того, как нас воспринимают извне.

Курныкин О.Ю.: Ольга Юрьевна, вопрос об отношении к Западу превратился в один из вечных вопросов для российского самосознания наряду с вопросами «кто виноват?» и «что делать?». Вы ярко показали этот долгий дискурс и совершенно очевидно, что отношение к Западу имеет особое значение для российской идентичности и самоидентификации, поскольку вопрос об отношении к Китаю стоит совершенно иначе для России. В связи с этим, я так понимаю, Вы придерживаетесь несколько скептического представления о том, что когда-то этот долгий дискурс может завершиться, и связываете надежды с политической модернизацией. На Ваш взгляд, достаточно ли политической модернизации, расширения публичной политики для преодоления этого долгого дискурса? И параллельный вопрос. Имел ли основания Хантингтон относить Россию к особой православно-славянской цивилизации наряду с западной цивилизацией? Может, тогда и снять эту проблему в отношении Запада?

Малинова О.Ю.: Начну с конца. Что касается Хантингтона и цивилизационной идентичности. Мне кажется, что сама концепция цивилизаций как объекта идентификаций – это очень интересный феномен, с которым мы имеем дело сегодня. Контекст, в котором этот феномен возникает – это, несомненно, процессы глобализации, и если внимательно присмотреться, то дискурс о цивилизационной идентичности во многом воспроизводит параметры дискурса о национальной идентичности, но на новом уровне. При этом мы имеем дело с попыткой вы-

строить масштабную идентичность высокого уровня. Соответственно, при ее конструировании будут работать широкие обобщения. К сожалению, такого рода дискурс имеет большую тенденцию для обретения структуры бинарной оппозиции. Я не думаю, что предложение Хантингтона работает на снятие проблемы бинарной оппозиции. На мой взгляд, как раз наоборот.

Отвечаю на первый вопрос о Западе как о значимом Другом: хорошее сравнение проведено с Китаем, потому что довольно интересно посмотреть, как выстраивалось соотношение с Китаем. Китай тоже был значимым Другим, причем, например, в XIX в. Китай был символом неевропейскости, символом застоя, потом в XX в. все трансформировалось и можно проследить, какими этапами. Вы абсолютно правы, что значимость Запада и значимость Китая в самоопределении разные. Мне кажется, что здесь хороший пример того, что любой дискурс об идентичности выстраивается в формате зеркального лабиринта. Дело в том, что и Россия является для Запада и для Европы значимым Другим. Мы свой дискурс о Нас и Европе выстраиваем в контексте западного, европейского дискурса о Нас и Европе. В Китае такого дискурса о России, насколько я понимаю, нет. То, что мы думаем, пишем и говорим, является реакцией на то, что думают, пишут и говорят о нас на Западе, то есть, в какой-то степени параметры этого дискурса не нами заданы.

Наконец, по поводу перспектив трансформации. Да, конечно, политическая модернизация является допускающим условием, но, мне кажется, что очень важным фактором является наличие акторов, которые были бы заинтересованы в трансформации этого дискурса. Причем нельзя сказать, что в российской истории не было акторов, которые бы пытались переформулировать этот дискурс. Например, такую попытку предпринимал в XIX в. граф Уваров, потому что формула «православие – самодержавие – народность» была, в том числе, и попыткой декларировать зрелость России и ее право на самостоятельные заимствования. Нечто подобное мы наблюдаем и сегодня. Но проблема заключается в том, что все равно эти позиции прочитываются в логике полюсов. От этого пока очень трудно уйти. Мне кажется, что для трансформации этого дискурса нужны, с одной стороны, воля акторов, а с другой стороны, вполне конкретные технологические действия. Спасибо.

Шпагин С.А.: То, что проблема «западники – антизападники» для России сохранится именно в форме бинарного противостояния, по-видимому, показывает уже начавшаяся электоральная пора. К сожалению, мы должны констатировать. Но, может быть, ответ или поиск на ответ – «нужно ли нам догонять ту Европу, которая приобретает абсо-

лютно другую архитектуру, конфигурацию сегодня, в рамках Европейской интеграции?» – может заключаться в том, что, во-первых, Европа всегда была очень сложной моделью с точки зрения самоидентификации: есть проблема Британии и европейской ориентации; есть проблема Европы и раритетных народов, наций, и здесь есть постоянно возобновляющийся механизм, например, уйдут одни раритетные европейские нации, приходят народы Балтии, которые будут эту проблему актуализировать. Вполне возможно, что ответ должен лежать в признании сложности понятия «Европа». Бессмысленно быть постоянным аутсайдером в дистанции «Европа». Просто нужно нам признать самим и заставить Европу признать, что Россия – это Европа, но это другая Европа, другая реальность. Она, может быть, восточно-христианская, она, может быть, с византийским наследием, она, может быть, в чем-то более авторитарна, чем даже нам бы это хотелось. Есть очень хороший пример бессмысленности этой гонки – это Польша, так называемая «польская модель для Европы», когда сейчас пытаются разыграть эту карту, представить новую модель европейской интеграции не по линии «Париж–Бонн», а в форме жесткой западной латинской христианской цивилизации и т.д. Поскольку наша конференция носит научно-практический характер, у меня такой вопрос. Может быть, одна из проблем лежит в том, что политикам удобно выбирать в качестве инструментария то, что носит такой неконкретный характер, и работать в поле «западники–антизападники», понимая, что сама эта дискуссия самодостаточна, она важна для самоидентификации нас, а здесь еще идет параллельно некий инструментарий, преследующий абсолютно другие цели? Что Вы думаете?

Малинова О.Ю.: Я абсолютно с Вами согласна, просто подписываюсь под каждым словом. И в отношении политиков, которым удобно, тоже согласна. Но это задается самим контекстом, конфигурацией публичного пространства. Я не случайно отметила, что в конце XIX – начале XX вв. этот дискурс ушел с переднего плана. Он не прекратился, он каким-то образом трансформировался, но были другие проблемы, которые важно было обсуждать: было рабочее движение, встал национальный вопрос, уже в другой плоскости, с точки зрения сохранения целостности империи и того, что делать с окраинами, которые не хотят оставаться в империи. То есть, возникли совсем другие проблемы, которые были гораздо более актуальны с точки зрения решения вопроса «кто мы?», нежели соотнесения с Западом и с Европой. Здесь есть элемент состояния общего политического поля.

Сунгуров А.Ю.: В качестве реплики. Только что появилась интересная статья Ивана Крастева – это болгарский исследователь, полито-

лог, опубликованная в одном из наших журналов «Форум международных исследований» и в Агентстве АПН, который попытался проанализировать понятие «суверенная демократия» не с позиций, что это подтверждение удушения демократии как в большинстве публикаций, неофициальных, непроправительственных говорится, а с позиций, что за этим стоит. Его позиция такая, что Россия – действительно Европа, но другая, Европа прошедшего времени, где-то, может быть, конца XIX – начала XX вв., где действительно суверенитет нации был очень важен, и с этой позиции Россия рассматривает, по мнению Крастева, и нынешнюю Европу как некую аномалию, что Европейский Союз развалится, как нестабильный, и снова возникнут сильные нации, и в этом плане и диалог пытается вести с отдельными государствами, а не с уже совсем другим сообществом. Это измерение – разность во времени – поможет, по его мнению, понять российский путь, российских политиков. Это позиция Крастева, которая мне кажется достаточно интересной.

Кондратьева Н.Б.: Коли речь зашла о Европейском Союзе, а я профессионально занимаюсь Европейским Союзом, мне очень понравилась реплика, что дискуссия о том, что есть Россия, Европа или Азия – это дискуссия для нас самих, самодостаточная дискуссия. Мне много раз приходилось участвовать в дискуссиях с европейцами, с гражданами Европейского Союза о том, что же такое Россия, что такое образ России, европейский это образ или это азиатчина. Мы не понимаем друг друга. Мы говорим на разных языках. Для нас спор этот – что-то такое глубинное, глубинные поиски сходства с Европой. Мы мучительно отвечаем на вопрос, почему же мы никак не можем догнать Европу, хотя мы, по крайней мере, четыре раза пытались это сделать в истории (при Петре I, при отмене крепостного права и когда мы пытались перенять западную идеологию «марксизм», применить её к себе, и вот сейчас, после 1991 г.), и никак мы не догоним Запад и никак Запад не может признать то, что мы к этому стремимся все время. Запад нам отвечает совсем другими тезисами. Запад нам говорит, что «вы не можете считаться европейцами, потому что вы не можете вступить в Европейский Союз, вы не отвечаете критериям вступления в Европейский Союз». Мы говорим о глубинных вещах, они говорят совершенно приземленно, и они не хотят нас слышать. Эта дискуссия для нас самих, нам эта дискуссия интересна, мы в ней глубоко разбираемся, мы в нее настолько глубоко проникли и, видимо, мы в ближайшее время не достигнем до Европейского Союза, и он не воспримет нашу точку зрения на эту проблему.

Дитц А.Х.: Мне кажется, нам надо привязать нашу конференцию к евразийству, потому что Россия сама по себе может считаться и евро-

пейским государством, и в той же мере она может считаться и азиатским государством. Здесь Россия должна очень умело, разумно лавировать между этими двумя крупными континентами и ни там, ни там не упускать свои возможности, находить свое место, задавать свой тон и постоянно искать те точки соприкосновения, которые приносили бы нашему обществу, России в целом, пользу. Я понимаю, что Ольга Юрьевна не ставила такую проблему. Вы считаете, что надо в рамках нашей конференции посмотреть и на точку зрения евразийства? Как Россия выглядит на этом фоне?

Малинова О.Ю.: Да, конечно, я абсолютно с этим согласна. Больше того, если обращаться к дискурсу, который я анализирую, то надо сказать, что модель, предложенная евразийцами, была во многом инновационная, но формат моего времени не позволял мне подробно об этом распространяться, но это была отдельная модель, и она была как раз одной из попыток этот замкнутый круг разомкнуть. Она была очень гибридной моделью идентичности, она пыталась вбирать в себя элементы и того, что в контексте западного дискурса было накоплено, и того, что было накоплено в контексте антизападного дискурса. В общем, это была очень интересная идеология. На мой взгляд, проблема заключалась в том, что существовала Россия и существовала эмиграция, и довольно специфическим образом была устроена коммуникация. Это не были разорванные миры, но все-таки прямая коммуникация была невозможна, поэтому получилось так, как получилось.

Гончаренко А.И.: Прежде чем задать свой вопрос, я хотел бы сказать следующее. Партию «Яблоко», в которой я состою, очень часто называют прозападной партией. На мой взгляд, мы – прозападники лишь в той части, что на сегодняшний день по уровню развития демократических институтов, по уровню гражданского общества, по уровню жизни граждан, социальной защиты и личной безопасности европейские страны имеют более высокий уровень, нежели в странах Африки и т.д. И если, допустим, Китай, африканские страны были бы эталоном по тем всем критериям, которые я назвал, то я бы с удовольствием считал, что мы считаемся проафриканской партией, если так можно выразиться.

Вопрос заключается в следующем. Может быть, действительно, то, что Вы сказали, что проблема западников и антизападников – вечный исторический вопрос поиска идентификации, он, возможно, во многом искусственный? Действительно, может быть, настал момент, когда в этом плане нужно пересмотреть и перейти на другой уровень дискуссии? Как ученый, какие Вы практические советы дали бы представите-

лям власти, средствам массовой информации, которые во многом имеют определяющее значение в создании различных клише и т.д.?

Малинова О.Ю.: Спасибо большое. Во-первых, я хочу начать с того, что я полностью согласна с Вашим тезисом относительно того, что идеология партии «Яблоко» предлагает особый вариант западничества, очень мягкий. Дело в том, что так получилось, что я занималась исследованием этой идеологии. Я в 1998 г. опубликовала книжку «Либерализм в политическом спектре России», которая была посвящена сравнительному анализу идеологии ДВР и «Яблока». Я там как раз об этом написала. Я это тоже отследила по текстам людей из «Яблока». Если говорить об основном векторе трансформации этого курса, я попыталась какие-то вещи наметить в своем докладе. На мой взгляд, надо пытаться выстраивать, размыкать эту фатальность противопоставления «или – или», выходить на ситуацию «и – и». Проблема здесь заключается в том, что мы не только сами выстраиваем этот дискурс, на нас очень сильно влияет то, каким образом Россию видят извне. Здесь, по-видимому, должен быть очень сложный комплекс усилий внутренних акторов и работы с внешним имиджем России. Мне кажется, что это трудно делать только идеологическими приемами, это должен быть все-таки контекст определенной политики.

Гончаренко А.И.: Действующему режиму выгодна эта дискуссия?

Малинова О.Ю.: Выгодна, конечно.

Андреев С.В.: У нас этот дискурс в России в течение 200 лет происходит. Все это время менялся Запад, менялась Россия, а дискурс оставался и оставался в том же контексте Мы – Они. «Мы – такие, они – такие, мы не можем быть такими», или наоборот, «мы такие же, как они, но что-то нам мешает в сближении политики». Не кажется ли Вам, что, во-первых, это очень поверхностный дискурс, потому что, чтобы разделять Мы – Они, надо точно иметь представление, кто такие Они и уж точно представлять, кто такие Мы. А кто такие Мы, наверное, никто сейчас сказать не может, хотя бы по той простой причине, что нация в России не сформирована. Она не была сформирована ни в Российской империи, ни в Советском Союзе, ни в постсоветской России, потому что сейчас Россия и граждане России настолько атомизированы, что у нас, как минимум, есть три, а то и больше самоидентифицированного восприятия граждан России. Например, азиатчина, которая есть в сознании российских граждан, она сконцентрирована в европейской части России, а не в азиатской ее части. Более либеральная часть, то, что называют западниками, она сконцентрирована почему-то за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке, где люди более свободны и могут более свободно выражать своё мнение. Есть еще такие

мегаполисы, как Питер и Москва, где уже давно все западники, полностью восприняли западную культуру и живут по западному образу жизни. А есть такой регион, как Кавказ, который вообще не понимает, кто он, представитель России или не представитель России. У нас нет нации, а есть масса национальностей, а в Европе, в Америке нации сформированы, есть нации и есть национальности. Вспомните французские бунты. Там молодежь бунтовала, но это была молодежь французская. Да, это иммигранты, они по национальности выходцы из Алжира и других африканских стран, но это были французы. А в России нет такого понятия, как россиянин, только гражданин России есть.

Еще один вопрос. Пока нет запроса снизу, от граждан этой страны, которая называется Россия, на самоидентификацию, этот спор будет носить, скорее всего, схоластический характер и использоваться в политических целях на разных политических этапах развития нашей страны. Спасибо.

Малинова О.Ю.: Безусловно, этот долгий дискурс происходил в разных контекстах, безусловно, он очень менялся, там было много разных моделей сформировано, но что оставалось долгим и устойчивым, так это сама структура оппозиции, то есть, стороны менялись, тексты менялись, но сама идея того, что есть противостояние двух зеркально противоположных моделей, она оставалась неизменной. Получается, что эта система оппозиции накладывается на самые разные наши дискурсы об идентичности, потому что всегда имеет место переплетение разных дискурсов об идентичности. В том числе, она накладывалась и на дискурс о национальной идентичности. Вы постулировали тезис, что нация не сформировалась. Кстати сказать, этот тезис довольно широко распространен сейчас в нашем публичном дискурсе как политическом, так и академическом. Можно анализировать эти вещи, можно говорить почему, но вопрос о том, воспринимаем мы себя как нация или не воспринимаем, это вопрос опять-таки дискурса, это вопрос того, есть ли некие доминирующие представления, которые разделяются некоторыми людьми, или существует серьезная фрагментация на этот счет, когда, действительно, у разных людей в обществе есть разные взгляды. По-видимому, наше пространство дискурса о национальной идентичности довольно сильно фрагментировано. Я не могу долго на этом останавливаться, но обращаю Ваше внимание на последний номер журнала «Pro et contra», который посвящен как раз этой теме, и в этом журнале три статьи людей с разными точками зрения на этот счет – это В.А. Тишков, Э.А. Паин и А.И. Миллер. Я тоже добавила там свою реплику, то, что я могла сказать по этому поводу, я сказала в этой коротенькой статье. Спасибо.

Тэвдой-Бурмули А.И.: Вы знаете, пока я слушал эту дискуссию, у меня созрела несколько парадоксальная мысль: насколько вообще правомерно считать эту парадигму западничества и антизападничества и этот традиционный дискурс русского сознания как нечто, что следует преодолевать и что чему-то мешает. Чему, собственно, он мешает? Я отнюдь не отношусь к числу антизападников, но если подумать, то это не 200-летняя и не 300-летняя история, этот дискурс сформирован несколько раньше. Вспомним ещё диспуты с латинскими еретиками и прочие вещи. В конце концов, это то, что выковало ту идентичность, которая существует, по крайней мере, одну из форм этой идентичности, поскольку, действительно, наша идентичность довольно разнообразна, но это одна из базовых ее форм. Следует ли сейчас предлагать что-то новое, когда много раз что-то новое уже предлагалось и, как показывает практика, это ничем не кончалось? Это парадоксально, может быть, но это является наиболее устойчивой конструкцией, то, что сейчас мы рассматриваем как нечто, что следует модернизировать или на путях модернизации преодолеть. Это мешало тому, чтобы мы сближались с Европой? Это не мешало. Мешало сближаться с Европой до конца совсем другое, а не собственно этот дискурс. Мешали некие базовые социальные матрицы, которые отнюдь не всегда завязаны на идентитарную основу. Поскольку она в значительной степени носит элитарный характер. Что продуцируют элиты, то массы, так или иначе, воспроизводят. А социальные процессы гораздо более инерционны. Мешало ли это смотреть на Восток? Нет, не мешало. Короче говоря, это то, что держало нас между Западом и Востоком и стабильно держало. Нельзя это отрицать. Поэтому мой вопрос сводится к тому, насколько мы должны рассматривать это как вещь, нуждающуюся в лечении. Это может быть вещь не слишком симпатичная в своих каких-то аспектах, но является ли это проблемой, которую нужно решать?

Малинова О.Ю.: Очевидно, что ответ на этот вопрос – это проблема оценки. Я так понимаю, что наши с Вами оценки в данном случае расходятся и единственное, что я могу сделать – это аргументировать свою позицию. Почему я считаю, что эта ситуация биполярной оппозиции контрпродуктивна? Я говорю о том, что хорошо было бы прийти к другим способам соотнесения с другими моделями. Совершенно согласна, что этот дискурс в значительной степени повлиял на наше самовосприятие, на конструирование нашей идентичности. Почему я думаю, что это что-то неплохо было бы преодолеть? На мой взгляд, самая главная проблема, которая возникает в связи с таким дискурсом – это проблема фрагментации социума. Да, я с Вами согласна, что этот дискурс в значительной степени элитарный, но надо иметь в виду, что именно элита в значительной

степени оказывает влияние на процесс формирования идентичности через очень многие каналы, начиная от средств массовой информации, кончая системой образования. Понятно, что эти идеи продуцируются элитой, но они влияют, каким образом формируется восприятие в массах. С моей точки зрения, главная проблема этого дискурса то, что он работает на фрагментацию, а проблема фрагментации общества в значительной степени влияет на очень многие внутренние процессы. Если очень коротко, то так. Это главная причина, почему я думаю, что это надо преодолевать. Другое дело, и я попыталась это показать в докладе, что я не вижу перспектив преодоления этого в ближайшей разумной перспективе, то есть это то, с чем очень долго нам предстоит жить.

Кругова Н.И.: Вопрос к Ольге Юрьевне у меня сформировался не только из ее выступления, но и из вопросов, которые задавались. Мне кажется, что в решении вопроса о том, как формировалась идентичность, сам по себе должен быть сформулирован как лежащий в разных плоскостях. То есть, допустим, Вы предлагаете, что нам нужно переходить в другую плоскость мышления. Кому нам? Науке академической? Она сама находится в разных плоскостях. Ведь что касается науки, то здесь мы тоже должны отдавать себе отчет, что мы любим эту свою проблему «западничества – антизападничества», мы болеем ей и любим эту свою болезнь. Дело в том, что я лучше ориентируюсь в немецкой исторической науке и, насколько я могу судить по переводным работам в других странах, эта проблема существует абсолютно во всех странах. Германия также мучается вопросом, является ли она страной европейской или окраиной. Это странно звучит, но Германия обсуждает этот вопрос. Она окраина Европы или она настоящая Европа, и как ей дальше развиваться, и в чем особенность ее развития по сравнению с Англией и т.д.? Это обсуждается абсолютно во всех странах. Можно ли науке диктовать, что такая проблема себя изжила?

Совершенно другой уровень – это проблематика общественного сознания и политики, связанной с ним. Как Вы сказали, это выгодно политике, а раз это выгодно, то это вбрасывается в общественное сознание. На самом деле, эта проблема опасная, ее существование в общественном сознании – опасно, потому что всякое рассуждение об особом пути, как я прочитала в одной немецкой книге, все национальное чревато национализмом, и мы постоянно это наблюдаем. В общественном сознании проблема особого пути обретает моментально окраску национализма. Можно ли ее преодолеть? То есть, это вопрос, как я полагаю, не академический. Вопрос политики и ее влияния на общественное сознание, на формирование общественного сознания.

Малинова О.Ю.: Спасибо. Я, наверное, короткоотреагирую на реплику. Я абсолютно согласна с Вами в том, что этот дискурс не является уникальной российской особенностью. Я об этом говорила в докладе, то есть, дискурсы такого типа мы обнаруживаем почти повсеместно. С моей точки зрения, в некотором смысле особенностью России является продолжительность этого дискурса, его высокая цена для структурирования политического спектра и то, что он выстраивается по принципу жесткой бинарной оппозиции. Так не везде. Можно, например, сравнить с Польшей, поскольку в Польше эти вещи хорошо описаны на доступном мне английском языке, я другими не владею. Там тоже это все имело место, но это не оказывалось главным водоразделом, определяющим политические размежевания. Были и другие, это накладывалось на другие идеологические водоразделы.

Теперь, что касается академической позиции по отношению к этой ситуации. Я поясню, чем я занимаюсь. Я исследую этот дискурс и пытаюсь исследовать не только идеи, которые в его контексте артикулировались, но, если хотите, те социальные механизмы, которые влияли на этот дискурс, которые его формировали. Я пытаюсь провести это исследование с первой трети XIX по конец XX в., то есть, на значительном временном отрезке. Естественно, что, анализируя эти вещи, я прихожу к некоторым выводам в отношении факторов, которые повлияли на него. Исходя из этого, я могу, на мой взгляд, давать некоторые рекомендации, то есть, я не думаю, что в том, что я делаю, я выхожу за пределы амплуа ученого. На мой взгляд, я вполне в контексте научного и академического дискурса. Спасибо.

Чернышов Ю.Г.: Я бы добавил одну ассоциацию по поводу Запада–Востока. Была одна такая интересная страна – Византия. Они все время металась между Западом и Востоком и был интересный эпизод перед тем, как турки захватили Константинополь, у них все дискуссии продолжались. Командир византийского флота сказал, что «лучше турецкая чалма, чем папская тиара». Эта фраза и решила исход всей византийской цивилизации. Но, вообще-то говоря, все это очень объективно, на мой взгляд. Это цивилизационные особенности, которые определены объективными факторами, географическими, геополитическими и даже генными, если хотите, о которых мы вообще не говорим, но это тоже надо учитывать.

Обсуждение доклада С.В. Голунова

Устюгов А.Н.: Вы знаете и все мы знаем, что сейчас делается попытка переделать учебники истории и те дискурсы, о которых мы говорили, они наверняка будут записаны. Вы видели учебники истории Казахстана? Там что-то делается в этом отношении? Как там вообще Россия изображается? Спасибо.

Голунов С.В.: Честно говоря, я не в курсе общей направленности того, о чем пишется в учебниках, но в некоторых отношениях это довольно забавно читать, хотя и в других отношениях грустно. Конечно, Россия – это угнетатель, империалистическая держава, которая эксплуатировала Казахстан на протяжении столетий. Причем есть достаточно серьезные работы, в которых указывается на неоднозначность влияния России в Казахстане в колониальный период, но эти работы слабо отражаются на качестве учебников, в которых господствует именно такой взгляд. Что кажется забавным, то это то, что авторы этих учебников злоупотребляют современной терминологией при описании явлений, скажем, XVIII–XIX вв., например, слово «империализм» от начала XIX в., «народно-освободительное восстание» чуть ли не с XIX в. и тому подобное.

Дитц А.Х.: Не кажется ли Вам, что сегодня те добрые отношения, которые складываются с Казахстаном или, может быть, остались еще с периода советских времен, главным образом базируются на дружеских и добрых отношениях двух президентов, Н. Назарбаева и В. Путина? Не кажется ли Вам, что с уходом этих президентов в Казахстане отторжение России и национализм будут возрастать? Для этого там есть, как Вы сами сказали, достаточно много оппозиционных сил.

Голунов С.В.: Я не думаю, что российско-казахстанские отношения заиклены на Путине и Назарбаеве. Все-таки здесь следует иметь в виду, что значительная часть казахстанской элиты получила образование в России. Достаточно тесные отношения между многими региональными лидерами, то есть, фундамент, конечно же, глубже. Существует система ротации кадров, и по этой схеме все хорошо перезнакомились с российскими коллегами. Я не думаю, что это так быстро уйдет в прошлое. Такой сценарий, как я уже говорил в докладе, не полностью исключен, всё может быть, даже грузинский сценарий, но, мне кажется, что хотя бы тот факт, что у нас очень большая граница и очень тесные связи, должен все-таки препятствовать воплощению такого сценария в жизнь.

Кирюшин К.Ю.: Я хотел бы попросить Вас уточнить один момент. У Вас в докладе всё время звучало «казахстанцы, казахстанцы, казахстанцы». Что Вы вкладываете в это понятие? Кто такие казахстанцы? Представители ли это титульной нации или это граждане Республики Казахстан? Если это граждане Республики Казахстан, то мне интересно, как отмеченные Вами тенденции, оценки России распространены среди русскоязычного населения, или эти оценки диаметрально противоположны – у русскоязычного населения и титульной нации?

Голунов С.В.: В докладе я пытался делать оговорки в тех случаях, когда имел в виду казахстанцев, то есть всех граждан Казахстана, и те случаи, когда имею в виду казахов. Русские вряд ли страдают от скинхедов, хотя бывали даже такие случаи, когда подростка-беспризорника, который попал из Казахстана в Россию, избили скинхеды, когда он сказал, что из Казахстана. Но все-таки проблема скинхедов для русскоязычного населения Казахстана не стоит. Но стоят многие другие проблемы. Да, есть свои нюансы, есть свои отличия, но есть и сходства. Сначала о сходствах. Сходство в том, что, к сожалению, многие представители европейского русскоязычного населения также воспринимают во все возрастающей степени Россию как чужую страну. Здесь очень трудно, все дорого, здесь цепляется милиция, и социальные перспективы не определенные. В Казахстане заработать деньги гораздо легче. Опять-таки сошлюсь на упомянутые исследования коллег, среди русскоязычного европейского населения все большую популярность приобретает идея эмигрировать уже не в Россию, а подальше на Запад. То есть, отчуждение затронуло и значительную часть русскоязычного европейского населения. Конечно, есть свои отличия в восприятии России. То есть, отношение к России среди преобладающей части русскоязычного европейского населения далеко не в такой степени настороженное. Тем не менее, несмотря на ту оговорку, что все большее число россиян стремится мигрировать на Запад, большинство русскоязычного населения, если их вынудят мигрировать, будут мигрировать в Россию.

Сунгуров А.Ю.: Было ли в Казахстане что-то типа «цветочного синдрома» после «цветных революций» в других постсоветских республиках, то, что наблюдалось в России, в Узбекистане – уход фондов, ужесточение законодательства об НКО и т.д.?

Голунов С.В.: Так как я не считаю себя хорошим специалистом по этой теме, то очень кратко отвечу. В отношении фонда Сороса политика казахстанских властей очень серьезно ужесточена и даже финансирование идет через общество «Белим – Знание», они формально отделились от фонда Сороса, позиционируют себя как независимая структура, то есть пытаются в какой-то степени отмежеваться.

Курныкин О.Ю.: Я хочу поблагодарить Сергея Валерьевича за интересную информацию в докладе. Из доклада создается такое впечатление, что имидж России в Казахстане сейчас складывается в совершенно ином контексте. Казахстан почувствовал свою самодостаточность. Он преодолел некий комплекс становления, комплекс неполноценности, но и это неизбежно накладывается на восприятие России, и, кстати, не только России, но и других соседних с Казахстаном

стран. Правильно ли я понял Сергея Валерьевича в том, что те факторы, которые работают на позитивное восприятие России в Казахстане – эти факторы из исторического прошлого, а то, что формирует негативное восприятие России – это из современности? В результате, имидж России в Казахстане неизбежно будет меняться в негативную для России сторону? Это первый вопрос.

Второй вопрос несколько выходит за рамки заявленной темы, он у меня возник по ходу доклада. У меня такое ощущение, что Казахстан будет занимать все большее место во внутрироссийском дискурсе. В контексте разговора о западниках и антизападниках все-таки будущее России не на Западе, а в Казахстане? У меня такое ощущение, что у нас с Казахстаном все больше общего, базисных, общих принципов, на которых выстраивается политическая и экономическая модель. Может быть, здесь как раз некие перспективы для сближения двух стран? Спасибо.

Ивонин А.Р.: В связи с тем, что довольно долго занимался казахской проблематикой, у меня такой вопрос. Каковы состояние и перспективы казачьего движения в Казахстане?

Голунов С.В.: Что касается первого вопроса, то в какой – то степени да, позитивный образ во многом обусловлен теми факторами, которые сложились в прошлом, а негативные во многом обусловлены теми факторами, которые сложились в настоящем. Во-первых, не следует это абсолютизировать, потому что современный позитивный имидж России складывается и под влиянием современных культурных, технических достижений, то есть литературы, Интернета и т.д. Это достаточно притягательно для казахстанцев и этот фактор, хотя и частично из прошлого, но по большей части имеет корни в современности. Казахстанцы узнают о многих новинках такого рода и читают литературу из России.

Негативное восприятие было и в прошлом. Когда говорят о массовой миграции европейского русскоязычного населения в постсоветский период, забывают, что она началась еще в 1979 г. Конечно, было отсутствие социальных перспектив, но, возможно, и эти негативные тенденции тоже сыграли свою роль, и это показывает, что они не только из настоящего, но и из прошлого. Трудно сказать, какие тенденции возобладают. Здесь, мне кажется, возможны и те и другие сценарии, и многое будет зависеть, в том числе, и от конкретных отношений между государствами.

Второй вопрос по поводу того, лежит ли будущее России в Казахстане. Сложный вопрос. Проблема в том, что существует достаточно серьезная психологическая граница: да, мы друзья, но настрожен-

ность обеих сторон присутствует. В Казахстане – боязнь быть поглощенным, с нашей стороны – стереотип десятилетней давности, что Казахстан – источник нестабильности, источник исламского возрождения, источник хаотических тенденций, связанных с притоком наркотиков и т.д. Эта психологическая линия, я думаю, помешает.

Что касается состояния казахского движения, то я не специалист по этой проблематике, но можно предположить, что оно усилится в связи с волной внедрения казахского языка в официальное делопроизводство и т.д., поскольку казачество стало чуть ли не в авангард протеста против этой компании, и можно ожидать, что его роль опять будет усиливаться.

Обсуждение доклада Н.Б. Кондратьевой

Чернышов Ю.Г.: К сожалению, люди разных специальностей, подходя к одной и той же проблеме, приносят специфические подходы, которые никак не стыкуются. Имидж региона очень часто трактуют маркетологи и подменяют это понятие термином «бренд». Какую бы Вы отметили специфику имиджа региона по сравнению с имиджем страны? Что тут надо учитывать?

Кондратьева Н.Б.: Регион – это маленькая страна. Я думаю, что регион не должен изобретать велосипед, когда строит свою имиджевую политику. Регион хорош тем, какой он есть. Я приехала на Алтай не для того, чтобы увидеть то, что я бы хотела увидеть в Баварии. Я бы хотела пройтись по земле, чтобы у меня промокли ноги, но, конечно же, в конце этого путешествия я бы хотела увидеть комфорт. Поэтому необходимо акцентирование в лучшем свете своего основного содержания при учете мнения потребителя. Окунуть его, погрузить его, дать ему культурный шок, а потом вернуть его в прежнее состояние.

Гончаренко А.И.: Что касается вопроса об имидже страны, я вспомнил недавние времена, когда у нас было производство какой-то продукции на экспорт и для внутреннего потребления. Конечно, любое государство должно заботиться о своем имидже за пределами своего государства. Мне приходилось последнее время общаться со многими иностранцами, имеющими отношение к внешней политике, и из разговора с ними и понял, что их волнуют три аспекта взаимоотношений с Россией: 1) насколько в надежных руках находится ядерная кнопка; 2) насколько Россия готова поддерживать американцев в так называемой антитеррористической компании; 3) насколько Россия готова гарантировать свои поставки энергоресурсов в Западную Европу. Как мне кажется, сегодня в европейских странах и в Америке во власть вошли политики, которые напоминают властные структуры кануна Второй мировой войны. К сожалению, в имидже страны для них, прагматиков, в политике вопросы демократических процедур, прав

человека не являются приоритетными. Поэтому, конечно, нужно заботиться о том, чтобы у России был свой имидж, но хотелось бы, чтобы это не оказалось только красивой оберткой от пустой конфетки. Мы должны пытаться, пусть и менее прагматически, но ценности в нашем имидже продвигать. Не количеством энергоресурсов, а свободами и правами человека, демократическими процедурами. Тогда, возможно, к России будут относиться по-другому.

Кондратьева Н.Б.: Я думаю, что мы с Вами в этом смысле коллеги. Поскольку я занята проектом «Изучение имиджевой политики Европейского Союза», казалось бы, у них все хорошо, что же еще надо населению? Но получилась странная парадоксальная ситуация. За последние 50 лет Европейский Союз реализовал ряд очень хороших проектов и в своей основе, и в конечном результате они были направлены на то, чтобы обеспечить Европе процветание в таких жестоких условиях глобализации, когда никто ни от чего не гарантирован. Это был и проект создания Единого внутреннего рынка западноевропейских государств, Валютный союз, проект расширения на Восток – блестяще реализованы, благодаря серьезной имиджевой политике. Благодаря европейским интеграционными проектам Европа на сегодняшний день – мощная экономика, это в 2,5 раза больше населения, чем у нас, они нас серьезно экономически подавляют, делают нас уязвимыми, хотя почему-то все равно нас боятся. Понятно, почему. Европа создала себе имидж сильного игрока, но есть другой результат: вдруг население все больше стало страшиться этих амбициозных проектов, наднациональных интеграционных проектов. На сегодняшний день случилась коллаптическая ситуация – отказ от ратификации Европейской конституции. Население таким образом высказало свою позицию. Европейские чиновники развели руками. Они делают хорошие проекты, которые идут на благо населению и на благо всей Европы, и вдруг такой результат. И хорошая конституция, но почему же такой результат? А результат такой получился из-за того самого дефицита демократии, который сложился в Европейском Союзе. Чиновники ЕС работают в Брюсселе, они варятся в своем котле, а население устало, боится, а чиновники не видят, как тяжело населению воспринимать свою незастрахованность и от бедности, и от последствий нежелательной миграции, и от банкротств, от которых никто не застрахован.

Сегодня в Европейском Союзе поставлена новая задача имиджевой политики – реализовать право гражданина быть услышанным.

Шпагин С.А.: Что Вы скажете о региональной политике ЕС и России?

Кондратьева Н.Б.: Что касается региональной политики ЕС, то она строится на абсолютно других законах, нежели региональная политика России. Если посмотреть на наш Фонд содействия регионам, то это просто чистой воды перераспределение от регионов, которые не добрали налогов, и уравнивание, это чистой воды изживенчество дотационных регионов и полное отсутствие стимулирования интенции к тому, чтобы начать дергать ручками и ножками. Они всегда дойдут до какого-то уровня выживания. Наша региональная политика, как мне кажется, находится в безвыходном состоянии.

Дитц А.Х.: Россия – многонациональное государство. 90 регионов сегодня в России. В половине регионов сегодня имеются значительные вкрапления этнических групп. Как, на Ваш взгляд, эти процессы будут в дальнейшем влиять на единство, на духовность российской нации? Я на днях услышал по телевидению и был просто в шоке, что сегодня в Европе распродают или сдают в аренду сотни тысяч христианских храмов. Их сдают под клубы, под жилье, под различные магазины и т.д., и эта проблема вызывает огромное беспокойство, поскольку идет исламизация Европы. У нас в России пока православие развивает христианскую духовность, открывается много храмов и т.д. Если перенести то, что делается в Европе, на Россию, то какие, на Ваш взгляд, есть надежды на то, что Россия сохранится как единое цельное государство со своим христианским и православным укладом и все народы, которые проживают в этой стране, тоже найдут свою нишу?

Кондратьева Н.Б.: С современной Европой абсолютно бесполезно говорить на эту тему, что существуют угрозы, которые могут исходить от этой исламизации. Они не слышат и не видят этой угрозы. Может быть, ее и нет. Возможно, им виднее. Хотя нам, испытавшим на себе все ужасы террористических актов, это не сложно объяснить. Европейцы по-другому к этому относятся. Они озабочены своей мессианской ролью, считая, что они правы. Мы должны эту позицию уважать. Они живут в своем постмодернизме, мы в этом понимании близки к Америке, мы более прагматично относимся к этому вопросу.

Курныкин О.Ю.: Проблема имиджа региона, поднятая уважаемым докладчиком, более чем актуальна, ибо российские регионы оказались сейчас в гораздо более жесткой ситуации, чем в период плановой экономики. Между ними усилилась конкуренция за привлечение бюджетных средств, инвестиций и т.д. У меня такое ощущение, что имидж регионов формируется московским журналистским сообществом, московской публикой. В связи с этим, два вопроса. Первый вопрос как к специалисту. Можете ли Вы привести пример удачного продвижения имиджа того или иного региона на общефедеральном уровне? Второй

вопрос как к жительнице Москвы. Чем и насколько известен Алтайский край среди московской публики и насколько конкурентоспособен имидж Алтайского края среди других регионов России?

Кондратьева Н.Б.: Я написала маленькую работу на тему об образе Сибири и ее конкурентоспособности, и Алтайский край у меня среди сибирских регионов на ведущих позициях по показателям номинальной конкурентоспособности. В первую десятку он входит по многим показателям. Есть статьи в зарубежной литературе о русском человеке, сибиряке, и сибирский характер нравится европейцам, потому что у русского человека незамысленный взгляд на какие-то вещи, он всегда может предложить оригинальную концепцию. Европейцы не такие, они абсолютно другие. Поэтому довольно часто бывает так, что русского человека могут нанять на работу и он может выиграть в конкурентной борьбе с европейцами. Я хочу вернуться к своей идее, что имиджевая политика – это не только политика, ориентированная во вне, это должна быть политика, во многом ориентированная на себя. Если посмотреть на сухую статистику, российские регионы в большинстве своем, из 87 регионов только 20 регионов – это регионы-экстраверты, которые контактируют в экономическом смысле слова с соседями или с партнерами за рубежом. В основном, Россия – это регионы интроверты, поэтому имиджевая политика очень важна. Но для большей части регионов должно быть четко понятно, что такое имидж России для самого себя, почему мы должны любить свою страну.

Малинова О.Ю.: У меня очень короткая реплика-наблюдение. По ходу выступления Натальи Борисовны и нашей дискуссии я еще раз осознала, насколько проект ЕС является основой для конструирования европейской идентичности, которая одновременно является консолидирующей, включающей, но и исключаяющей тоже. Посмотрите, мы говорили по ходу дискуссии о европейцах и нас, и это определение было навязано самим фактом, что есть Европейский Союз и Россия. Одновременно получается, что мы исключаем себя из Европы и европейцами не считаем.

Кондратьева Н.Б.: Мы обижены на Европу. Европа очень амбициозна, Европа – это сильный конкурент, и Европа на нас обижена, что мы тоже на сегодняшний день сильный конкурент. Мы как два барана, поэтому трудно говорить, что мы европейцы, обычно мы говорим сейчас «Европа и Россия».

Кацаева М.В.: У меня замечание. Вы сказали, что имидж Алтайского края у Вас получился выигрышный. Существует такая диспропорция: если мы посмотрим на тот имидж, который формируется средствами массовой информации, то часто он отличается очень правиль-

ной тенденцией, связанной с экономическим развитием и другими сферами. Если сопоставить количество негативных и позитивных факторов, как Вы считаете, каково это соотношение, и как они влияют на формирование имиджа того же сибирского региона и, может быть, Алтайского края за рубежом?

Кондратьева Н.Б.: Мне к сказанному добавить нечего. Имидж – это штука упорная, и переломить сложившийся имидж достаточно сложно. Это – образ, икона, как мы себе представляем, так оно и остается. Какой образ сложился, такой и остается.

Второе заседание

Обсуждение доклада Н.И. Круговой

Шпагин С.А.: Можно ли проследить влияние такого информационного канала на образованных немцев в Германии, как обратная связь, связанная с письмами, дневниками немецких колонистов, среди них, как мы понимаем, были тоже образованные немцы, проживавшие на территории Российской империи? Просто на Дону присутствует этот немецкий след, и они внесли значительный вклад в развитие этого региона.

Кругова Н.И.: Эти пласты общественного сознания ещё не исследованы. Сохранность этих дневников и писем находится под вопросом.

Дитц А.Х.: Я могу ответить на предыдущий вопрос. За последние десять лет появилось достаточно много книг и исследований немецкого переселенческого архива, который находится сейчас в г. Энгельсе. Издана, например, книга Якова Дитца, посвященная истории немцев-колонистов, переселявшихся на Волгу. В Германии сейчас очень большая группа ученых, которая на протяжении многих лет работает над этой темой и т.д., то есть книг достаточно много.

Немцы появились на Руси более пятисот лет назад. Разные причины влекли этот народ в Россию. Их организованное переселение на пустующие русские земли началось при императрице Екатерине Великой в середине XVIII в. Немцы потом и кровью обживали засушливые заволжские степи и степи Южной Украины. Постепенно жизнь переселенцев налаживалась, поселения превратились в крепкие крупные колонии со своим национальным укладом. Немцы стали вносить весомый вклад в экономику, культуру и искусство России. К началу XX в. их численность в Российской империи превысила два миллиона человек. Однако их судьба складывалась по-разному. В первые годы советской власти российские немцы активно включились в социалистическое строительство. В октябре 1918 г. Совнарком РСФСР создает автономную Область немцев Поволжья, а в январе 1924 г. автономная область реорганизуется в АССР немцев Поволжья, потом организовали

еще 14 немецких национальных районов, в том числе и в Алтайском крае. Но так было не всегда, на жизненном пути российских немцев было много горького и трагического. Но эта тема для отдельного разговора.

Сообщество российских немцев Алтая тоже имеет свою историю, которая берет начало от демидовского периода и насчитывает уже несколько веков. На Колывано-Воскресенских заводах работало немало немцев-специалистов. Первым начальником этих заводов был немец – генерал-майор Андреас Венедиктович Беэр. В 1771 г. Барнаул и Алтай посетил немецкий ученый с мировым именем Петр Паллас – ученый-биолог, географ, академик. А Василий Константинович Штильке – известный просветитель, общественный деятель родился в Барнауле и здесь похоронен в 1908 г. Он внес неоценимый вклад в развитие школьного образования города Барнаула и стал первым меценатом города.

С 1881 г. российские немцы стали селиться целыми компактными селами в пустынной Кулундинской степи. В годы Столыпинской реформы появились десятки поселений. Обживать было трудно-степь засушливая, без леса, без воды, но люди преодолели эти трудности. И уже к 1917 г. на Алтае проживало более 15 тыс. российских немцев.

В конце сентября 1941 г. в Алтайский край было насильственно депортировано 95 тыс. немцев Поволжья, и с тех пор немцы прочно занимают второе место в крае по своей численности после русских. Немцы внесли и сегодня вносят огромный вклад в экономику, культуру и другие отрасли народного хозяйства Алтайского края. Алтай стал для них второй родиной.

Чернышов Ю.Г.: Многие замечают, что русские о немцах знают гораздо больше, чем немцы о русских. Это имеет объективные причины.

Обсуждение доклада В.Н. Козулина

Сунгуров А.Ю.: Вы начали с работы Мартенса. Действительно, это человек очень известный в мире, хотя бы в том, что первые мирные соглашения по ведению войны, так называемое гуманитарное право, которое создавалось на рубеже XVIII –XIX вв., в нем существует поправка Мартенса, говорящая о том, что ежели какая-то сфера не обозначена строгими правилами, нужно исходить из тех гуманитарных принципов, которые заложены в целом в этих соглашениях. Это одна из очень значимых в международном праве поправок. Второй комментарий по поводу того, кто воспринимает страну и с каких позиций. В этом плане один мой американский коллега, который общался с американскими генералами, меня спросил, когда я был в Америке, о том, какой советский лидер имеет больше всего авторитета и больше всего

ценится среди американских генералов высшего командования. Знаете, что оказалось – Хрущев. Почему? Они говорят, что когда Хрущев заявил с трибуны, что Советский Союз делает стратегические ракеты как сосиски, тут же американский конгресс выделил деньги и для американских военных, и они воспряли духом, поэтому они очень уважают Хрущева, иначе они не получили бы столько денег и звездочек на погонах. Поэтому формирование имиджа в этих кругах очень интересно.

Малинова О.Ю.: Я полностью согласна с коллегой в том смысле, что конструирование имиджа – это процесс сложный и безусловно есть разные пласты дискуссии, разные модели восприятия имиджа. В этом смысле, мне кажется, что можно говорить о гетерогенности на всех этапах и можно говорить об определенной динамике. По этой причине постановка вопроса о том, когда образ России был позитивный, принципиально не корректна. Едва ли можно ожидать, что мы сможем найти какой-то отрезок времени, когда мы этот самый имидж могли оценить как безусловно позитивный или безусловно негативный. Больше того, совершенно несомненно, что конструирование образа России в Европе и, шире, на Западе безусловно было подчинено внутренней логике Европы и Запада. На этот счет есть очень хорошие работы, например, Мартин Малия проследил как раз динамику образа России в Европе, в значительной степени задаваясь этой системой отчета – позитивной, негативной. Он выяснил, что, как это ни парадоксально, наиболее негативным или наиболее позитивным отношением к России было отнюдь не в соответствии с колебаниями степени угрозы, исходившей от России. Условно говоря, были периоды, когда степень угрозы была выше, а образ был вполне даже ничего, и были периоды, когда угроза была сравнительно невелика, а Россия демонизировалась. В значительной степени это было связано с логикой общественного дискурса самой Европы. Это момент, который тоже очень важно учитывать. Если говорить о тех периодах, которые Вы называли, да, во времена Петра I стал складываться образ России как ученика, о чем очень хорошо пишет Нейман, но параллельно шло вторжение России в европейскую систему, расклад сил и систему проблематики безопасности, оно тоже воспринималось достаточно болезненно, поэтому примерно тогда же начинает конструироваться и другой образ России, как варвара у ворот, который угрожает Европе, причем постольку, поскольку это варвар, речь идет об угрозе извне. Опять-таки Нейман достаточно интересно показывает, как концептуализировалось местонахождение России. Во времена Петра I Россия воспринималась как северная страна. В XIX в. Россия начинает восприниматься как восточная. Словом, когда мы говорим об имидже, мы имеем дело с очень сложным про-

цессом, и важно понимать, что дело не только в том, что сама Россия делает для того, чтобы ее тем или иным образом воспринимали, но и то, как наши усилия или то, что с нами происходит, совпадает с логикой развития тех субъектов, которые конструируют.

Козулин В.Н.: Я бы хотел согласиться с этой репликой. Действительно, я сначала хотел поставить вопрос, когда имидж России был хорошим, но потом отказался от этой постановки. Действительно, нужно добавлять здесь, когда и у кого, потому что абсолютизировать нельзя. Кроме того, необходимо определиться с термином «имидж».

Малинова О.Ю.: По поводу имиджа и образа в порядке информации. Наши коллеги из ИМЭМО в рамках того же проекта РГНФ делают проект, посвященный образу России. Они в своих текстах пытаются развести понятия имидж и образ, при этом образ – это то, что складывается в сознании общества, что есть в сознании массового субъекта, а имидж – это то, что пытаются сформировать, условно говоря, некий конструкт в совокупности с усилиями по его созданию и продвижению. Я не могу сказать, что лично меня разведение этих понятий сильно убеждает, но, тем не менее, попытку развести эти понятия стоит учитывать. На самом деле, проектов делается много по этому направлению, и вызывает некоторую досаду то, что нет достаточной коммуникации между людьми, которые это делают.

Сунгуров А.Ю. Я тоже позволю себе реплику. Действительно, есть еще одно направление, и оно здесь звучало – это геополитический подход, некое познание мира, основанное на образах, которые конструируются на основе карт, и эти образы бывают самые разнообразные, в том числе как движущие образы, как стимул заставить элиту и политиков действовать в определенных направлениях. Например, Хаусхофер с его прекрасным отношением, с одной стороны, к России и пониманием, что именно в союзе России и Германии может быть будущее, но дальше это трансформировалось у его учеников в другую область. С какой позиции и в чьих глазах наш образ хорош? Образ верных учителей определенным технологиям насилия над людьми – образ России 20-х гг. XX в., когда гитлеровцы были нашими верными учениками? Также можно сказать, что это был хороший образ в их глазах, но хотим ли мы такого хорошего образа? Опять же здесь звучащие высказывания относительно образа России как монорелигиозной страны, православной и прочее – это определенные messages, которые большую угрозу для России содержат, потому что они вызывают ответную реакцию людей с другой религией, с исламом, который представлен во многих регионах России. И в этом плане есть опасность образа, вызывающего контробразы и порождающего расколы внутри страны. В то

же время это порождает определенные образы, транслируемую на Кавказ и ответную реакцию ученых из республик, которые совсем по-другому смотрят. Поэтому мне кажется, что в конструировании образов, которые мы сами создаем, даже выступая с позиции защиты безопасности, существует реальная угроза безопасности.

Чернышов Ю.Г.: Совершенно справедливо обратили внимание, что надо всегда уточнять содержание термина, когда что-то пытаешься обсуждать, но ситуация с имиджем обречена на неудачу. Мы на нашем спецкурсе, он посвящен этой теме, разбираем примерно двадцать определений имиджа и приходим к выводу, что разные люди говорят о совершенно разных вещах. Даже ключевые термины, которые закладываются в определение, они разные. Одни говорят, что это картинка, другие – репутация, третьи – бренд, четвертые – стереотип, и дальше добавляют существенные признаки, которые тоже очень сильно отличаются. Если смотреть на то, что рационально вычлениется из всех этих определений, наиболее подходящим, как рабочий инструмент, мне кажется, такое простое определение: имидж – это образ, который целенаправленно формируется и оказывает эмоционально-психологическое воздействие на определенных лиц с целью популяризации, рекламы и т.д. Это, во-первых, позволяет отличить его от образа, который объективно складывается. Во-вторых, совершенно правильно было сказано, что тут очень важно отметить стремление создать впечатление. Используются средства рекламы, и есть отличие от репутации, потому что это не одно и то же. Потому что имидж – это всегда картинка, которая всплывает в сознании человека при упоминании страны, политика и т.д. То есть, очень простой стереотипный образ, который должен дать модель поведения по отношению к этому объекту. Это образ, складывающийся из определенных символов. У страны, допустим, есть десяток категорий символов, начиная от государственной символики и заканчивая представителями флоры и фауны, которые олицетворяют ее и т.д. Хотя четко отделить это нельзя от репутации, от бренда и т.д. и, может быть, даже и не надо, потому что все это взаимосвязано.

Малинова О.Ю.: На мой взгляд, может, не стоит это все разделять? Можно, наверное, говорить о символических репрезентациях и тогда это будет обобщающее понятие по отношению ко всему, что Вы перечислили. Насколько я понимаю, различие имиджа и образа как результата и как процесса целенаправленных усилий в сообществе потихоньку прививается, но, с моей точки зрения, может, не совсем удачно выбраны термины, которые предлагается разводить? Просто потому, что в сознании очень многих эти слова будут восприниматься

как синонимы. Может, тогда имело бы смысл говорить об образе и выбрать еще какое-то понятие, чтобы нагрузить его смыслом, связанным с усилиями акторов по конструированию некой символической репрезентации.

Голунов С.В.: Проблема в том, что если мы попытаемся провести различие между имиджем и образом, это будет заведомо доморощенная терминология, поскольку на английский перевод буквальный.

Обсуждение доклада И.А. Еремина

Кагирова Г.В.: Вы сказали, что проживающее здесь население не знало географию, где расположена Сербия, где расположена Германия. Я изучаю первоисточники и видела, что они не только знали, но и активно сотрудничали и торговали со странами Европы и приезжали сюда специалисты из Европы. В частности, по лесному хозяйству, по минералам, чтобы проводить какие-то закупки. Это Ваше утверждение основано на каких-то документальных источниках, на исследовании, или это просто предположение?

Еремин И.А.: Нет, то, что я сказал, основано на научных исследованиях и анализе документов. Я речь вел об основной массе крестьянства. Те, кто торговали с Германией, были люди образованные и культурные. Они были меньшинством, а 90% – крестьяне, в массе своей малограмотные и безграмотные.

Тэвдой-Бурмули А.И.: У меня два небольших вопроса. Во-первых, известно ли, патронировало ли этот процесс интеграции военнопленных славян какое-либо специальное ведомство, типа военной разведки? Второй вопрос. Действительно, учитывая, что большая масса этих военнопленных была иного вероисповедания, нежели православные, есть ли какая-то статистика переходов из лютеранства, католицизма в православие?

Еремин И.А.: Спасибо, вопросы очень интересные. По первому вопросу я хочу сказать, что патронировало эту работу Министерство внутренних дел. Не случайно поэтому, под эгидой главы МВД Маклакова был опубликован соответствующий устав, о котором я уже говорил. В целом, МВД курировало процесс, в том числе, потом уже был издан соответствующий закон, который давал российское гражданство тем legionерам из числа военнопленных, которые вступали в ряды русской армии. Упрощенное получение гражданства тоже во многом было следствием работы МВД.

Что касается процента людей, перешедших из католицизма и протестантизма в православие, то такая статистика имеется. Надо сказать, что процент этот очень небольшой. В этом смысле, усилия русской православной церкви были незначительные. Абсолютное большинство

военнопленных католиков и протестантов остались в своем вероисповедании.

Малинова О.Ю.: Как успехи царского правительства по интеграции славянской части пленных австро-венгров сказались в дальнейшем, после того, как возникла Советская власть? Есть ли какая-то связь между этими успехами по интеграции и той ролью, которую этот контингент сыграл потом в развитии событий Гражданской войны?

Еремин И.А.: Очень интересный вопрос. Дело в том, что после Февральской революции здесь происходит смещение векторов отношения к разным категориям военнопленных, в зависимости от национального происхождения. Для военнопленных славян разрешали даже выпускать газеты на родном языке. Например, газета «Югославянин» для военнопленных с Балкан, то есть, для хорватов, для сербов. Отдельные газеты выпускали для военнопленных поляков. Немцы и венгры о таком даже не могли мечтать. То есть, режим содержания военнопленных славян до Февраля 1917 г. был в высшей степени либерален. После Февраля, когда образовалось двоевластие, ситуация изменилась. С одной стороны, Временное правительство старалось продолжить политику заигрывания со славянством, и особенно усилить формирование чехословацкого легиона. С другой стороны, Советы, особенно там, где преобладали большевики, ставку сделали на то, чтобы привлечь на свою сторону немцев и венгров. Из них стали формироваться интернациональные батальоны, которые потом большевики будут использовать для захвата власти, опираясь на них. И если брать политику имиджа России, то если Временное правительство продолжало политику имиджа России среди военнопленных славян положительную, то большевики через Советы проводили имиджевую политику отрицательную среди военнопленных немцев и венгров в том смысле, что Россия всегда была «тюрьмой народов» и только большевики могут с этим покончить, а интернациональные братья должны помочь.

После прихода большевиков к власти ситуация была такой. Основная масса чехословаков перешла на сторону белых, Сибирского правительства, потом правительства Колчака, и они зверски расправлялись с интернационалистами, где преобладали венгры и немцы. В частности, у чехословаков была излюбленная пытка: захватив немцев-интернационалистов, они превращали их в своих рабов. Таким образом над ними морально издевались. Были случаи и массовых физических расправ. В конце Гражданской войны чехословаки вернулись на этническую родину, но часть военнопленных осела в России. Какая часть,

трудно сказать. Историки до сих пор спорят, но речь шла о десятках тысяч людей.

Гончаренко А.И.: Партия «Яблоко» проводила 8 августа 2007 г. митинг в Барнауле против точечной застройки, объединив все инициативные группы, которые стали жертвами точечной застройки, и в одной из таких групп были лица, проживающие на границе парка «Изумрудный». Как оказалось, строительство там ведется на бывшем кладбище. Я когда поближе познакомился с этой темой, оказалось, что наряду с православным кладбищем, там было русско-католическое, лютеранское и австрийское кладбище, где хоронили этих военнопленных. Поэтому у меня такой вопрос. Скажите, кто, все-таки, из австро-венгерской армии там был похоронен?

Еремин И.А.: У нас в Барнауле находилось два концлагеря во время Первой мировой войны. Численность размещенных военнопленных австро-венгерской армии, у нас не было немецких военнопленных, достигала 10 тыс. чел. Один из концлагерей располагался на территории современного Политехнического университета. Но кто там похоронен конкретно, сказать сложно, потому что смертность военнопленных составляла 3% от общего их числа. Поэтому речь идет о многих сотнях людей. Статистика умерших в то время велась, но в годы Гражданской войны частично была потеряна.

Курныкин О.Ю.: Я хотел бы продолжить вопрос Ольги Юрьевны и выйти за рамки Первой мировой войны. Создается впечатление, что Россия проиграла историческое сражение за славянство. Ей так и не удалось консолидировать и объединить вокруг себя славянский мир. Если это так, можете ли Вы объяснить столь печальный результат для России?

Еремин И.А.: Спасибо. Вопрос очень интересный, очень глубокий. Конечно, я согласен с тем, что Россия, к сожалению, проиграла борьбу за лидерство среди славянства. Славянство сейчас раздроблено, часто враждебно друг другу. Возьмите, допустим, конфликт между сербами и хорватами. Сколько погибло людей, которые говорят практически на одном языке, но только одни православные, другие – католики. Естественно, это в условиях нашего современного очень тревожного мира ничего хорошего славянству не несет. В целом, славянство как национальная группа деградирует, в том плане, что очень быстро сокращается численно. Поэтому, миссия России не осуществилась. Что касается причин, то я считаю, что, прежде всего, сам имидж России, который бы притягивал славянство в плане подражания, он не был таким позитивных, который бы на заднем плане оставлял противоречия религиозные или языковые. В этом, я считаю, историческая неудача

России, хотя политика панславянизма была одной из важнейших, но четкой структурированности, понимания, чего мы хотим и как этого добиться, не было. В этом плане, если брать Первую мировую войну, самым большим провалом было вступление Болгарии в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии против Сербии и России. Это самый яркий пример, когда славяне настолько оказались расколоты, что тут никаким панславянизмом не пахнет.

Аршинцева О.А.: Вообще говоря, Болгарию потеряли гораздо раньше, чем в годы Первой мировой войны. Это произошло, с точки зрения геополитических процессов, сразу после русско-турецкой войны в 1878 г. А там уже балканские войны, Первая мировая война, и Вторая мировая война тоже эту тенденцию продолжила. Это реплика по поводу исторических аргументов. Они тоже амбивалентны.

Сунгуров А.Ю.: В продолжение этой темы уже в докладе было сказано, что линия на сплочение славян закончилась в октябре 1917 г. и победила другая линия, наоборот, как было показано в докладе. И какое-то возвращение было уже после Второй мировой войны, когда была некая реминисценция к царской империи, но при этом уже совсем было все другое.

Обсуждение доклада М.С. Золотарева

Кагирова Г.В.: Вы рассказали о периоде максимальной открытости внешнеполитической деятельности Российского государства на международной арене. Безусловно, это позитивный момент. В то же время утрата какого-то внутреннего стержня российской государственности присуща этому периоду? Считаете Вы так или нет?

Золотарев М.С.: Ответить на этот вопрос довольно сложно, потому что нужно выдержать марку, исследователь не может опускаться до каких-то идеологических мнений и т.д. Я в своей работе стремился к объективности и хотел достичь ее по максимуму. Как исследователь, на Ваш вопрос я затрудняюсь ответить. Как гражданин, я могу сказать, что, безусловно, период максимальной открытости был чреват для России и в нем крылась огромная опасность.

Сунгуров А.Ю.: Позиция может быть, а может нет. На мой взгляд, это как раз период возрождения российской государственности. Как мы слышали, все задачи, которые ставила Россия, были закрыты в 1917 г. и повернуты на 90% в рамках команды, которая правила Советским Союзом в течение 70 лет, а в годы Горбачева появилась возможность становления российской государственности. Именно в результате всех этих реформ была принята Декларация о независимости России, и началось возрождение России.

Тэвдой-Бурмули А.И.: С моей точки зрения, это одна из версий. Все зависит от того, как трактовать российскую государственность. В данном случае, нам бессмысленно сейчас решать вопрос, какая государственность была более аутентична, более адекватна: та, что была имперской, или та, что сейчас реализуется – постимперская. Это вопрос открытый. Что же касается вопроса докладчику, то он очень прост. Вы довели Ваше исследование до 1993 г. Зацепили ли Вы осенние события 1993 г., и если Вы их зацепили в своем анализе, было бы интересно посмотреть, как отразилось в общественном мнении в позитивном отношении к процессам, происходящим в России, события осени или, может, лета–осени 1993 г., учитывая некоторую индоктринированность американцев вопросами формальной демократии?

Золотарев М.С.: Я так понимаю, Вы говорите о событиях, связанных с Белым домом в Москве и т.д. Расстрел российского парламента – это было первое телекоммуникационное шоу глобального масштаба. Все это было очень показательно, имело исключительные права на освещение и т.д. Это коммуникационное шоу практически легализовало акт крупномасштабного террора, который произошел в России с расстрелом российского парламента. Второе шоу – 11 сентября, когда падали башни-близнецы. Что касается отношения к этому всему в Америке, очевидно, что ввиду того, что существовали мифологемы Холодной войны, многие были рады тому, что в России происходят такие события и Россия на пике своей нестабильности и буквально разваливается. Многие же аналитики высказывали опасения в этой связи, потому что говорилось о том, что падает биполярная система глобального масштаба и не известно, чего ждать от того, что развалился Советский Союз. А говорить о том, положительно это повлияло на имидж России или отрицательно, на мой взгляд, не представляется возможным, потому что точки зрения были совершенно разные.

Обсуждение доклада А.Ю. Сунгурова

Малинова О.Ю.: Я тоже бы хотела поделиться некоторыми своими наблюдениями, которые у меня возникли после участия в конференции по тематике «Нация и национализм», которая в начале сентября проходила в Северной Ирландии. На этой конференции было много докладов, сделанных аспирантами. Мне кажется, одна из особенностей такого рода конференций заключается в том, что есть возможность обсудить какие-то тренды интеллектуальной моды. Я обратила внимание, что по сравнению с тем, что было лет 10 назад, европейское академическое сообщество стало гораздо более благожелательным по отношению к тем идеям, которые входят в состав нормальных националистических программ. Например, всякие соображения, связанные с

идеей сепаратизма как способа решения политических конфликтов, рассматриваются во вполне конструктивном и даже сочувственно благожелательном ключе. Соответственно, обсуждается казус ситуации с Чечней в сравнении с ситуацией в Косово. Фактически, докладчик выдвигает аргументы, которые идеологи сецессии в Косово и Чечне могли бы выдвигать на основе международного права, на основе реальной ситуации, чтобы обосновывать идеи сецессии в данном конкретном случае и т.д. Это тоже не более, чем наблюдение, но мне кажется, что, когда мы говорим о том, как воспринимается образ, в какой системе координат он воспринимается, эти тренды, связанные с интеллектуально-политической модой, тоже необходимо принимать во внимание. Несомненно, конечно, ситуация в Чечне прочитывалась сквозь рамку, которую принято называть демократическим транзитом, с одной стороны, а с другой стороны, сквозь рамку этих тенденций восприятия этнополитических конфликтов и их закономерных исходов. То, что у нас в стране общественное, воспитанное в значительной степени в логике марксистско-ленинско-сталинской интерпретации национального вопроса, где территориальная независимость видится как способ решения национального вопроса, это достаточно объяснимо и понятно. Когда студенты на госэкзамене рассказывают, что у нас в стране такое количество этнических групп и только такое количество республик в составе Российской Федерации, национальных округов, стало быть, не у всех ещё есть, и это указывает на недорешенность национального вопроса. Вполне понятна такая интеллектуальная инерция, хотя не значит, что с этим все в порядке. Я имела возможность наблюдать, что что-то похожее, хотя и на основании каких-то других концептуальных схем, наблюдается и в европейской общественной мысли. Мне кажется, что это повод для рефлексии, потому что действительно, восприятие образа прочитывается в том числе и сквозь рамку тех понятийных концептуальных схем, которые конструируют ученые-политологи, которые вбрасываются в общественное сознание и диктуют, что такое хорошо и что такое плохо.

Кротов А.В.: Вы говорили о том, что война в Чечне очень сильно повлияла на образ России в западной прессе. Мне было бы интересно услышать, какой образ русских, России был у чеченцев в Первую и Вторую войну? Если можно, в процентах.

Сунгуров А.Ю.: Таких данных нет, есть только то, что я понял из разговоров и моей экспертной оценки, в первый период, когда речь шла об эйфории независимости. Кто же откажется от того, чтобы быть полностью свободным и богатым? Поэтому это была эйфория, были люди более осторожные, но они были в меньшинстве. Была идея неза-

висимости, так же как в Прибалтике, Грузии. Чем Чечня хуже? Примерно такая логика была у достаточно большой части населения. А потом, когда пошли наши части штурмовать и действовали достаточно жестко, то, что происходит, если убивают твоего брата, твоего соседа? Берешь, что можешь, и идешь сопротивляться. То есть, это было жесткое чувство, как против агрессора.

Потом, когда начался третий этап, когда наелись независимостью и увидели, что шариат идет вразрез с чеченскими событиями, стали снова меняться. Сейчас отношение такое: «мы хотим быть вместе, почему вы к нам относитесь как к людям второго сорта, почему по каналам телевидения все время идут фильмы про чеченских бандитов?». Это главный вопрос, который задается. «Если вы хотите, чтобы мы были с вами вместе, то почему вы нас показываете как злодеев?». А ощущение у большинства – это усталость от всех этих вещей. Линия Кадырова в том, что под его честное слово спускаются люди с гор и начинают работать строителями и милиционерами.

Кротов А.В.: Второй вопрос, возможно, риторический. Не было ли инспирировано все это сопротивление позицией западных средств массовой информации в Первую войну, в начале Второй войны, на стороне чеченских сепаратистов?

Сунгуров А.Ю.: Нет, на мой взгляд, эффект этого был минимальный. Если мы говорим о просчетах, то нормально получилось выйти с Татарстаном из кризисной ситуации, а там не получилось. Забывают, что решение было Госдумы: запретить Ельцину с кем бы то ни было подписывать аналогичные договоры. Плюс, конечно, введение в заблуждение президента Грачевым, что в течение двух недель мы там наведем порядок. Точнее, мне говорили десантники, которые участвовали там в наведении порядка, что на самом деле он был прав. Если бы дали возможность действовать методом выжигания деревень напалмом, то навели бы порядок, но, слава Богу, этой возможности не дали.

А по поводу того, кто, кроме арабского джихада и арабских террористов снабжал деньгами все это, то, я думаю, не обошлось без нефтяных компаний. Там много очень факторов. Роль СМИ проявилась в минимальной степени.

Кротов А.В.: А если предположить, что не было бы господина Дудаева, был бы чеченский сепаратизм?

Сунгуров А.Ю.: Нет. Там были возмущения и то, что люди были готовы в то время во многих республиках, помимо Северного Кавказа, были аналогичные движения, митинги и желание быть независимым. Конечно, роль Дудаева очень велика, потому что я, например, знаю другого человека, уже адмирала, вице-адмирала, адыгейца, который

тоже вернулся домой в свой Майкоп и там тоже были митинги и говорили, что «ты будешь нашим Дудаевым», а он смог усмирить толпу и никаких таких событий там не было. Но в дальнейшем, ничего кроме договора, который был с Татарстаном, Дудаеву было не нужно. Это точно. Дудаеву нужно было, чтобы его принял Ельцин, так как уже пошел слух, что Ельцин его должен принять. Уже шился генеральский парадный белый костюм для встречи с Ельциным. Но вместо этого пошли танки. То есть, вариантов решить мирно ту ситуацию было очень много.

Кагирова Г.В.: Большею частью Вы ответили на мой вопрос, но скажите, все-таки, причины войны в Чечне в большей степени политические или экономические? И второе. Все, что там произошло – это случайность, закономерность или были какие-то ошибки во внутренней политике?

Сунгуров А.Ю.: Первое. Ошибок во внутренней политике было очень много, начиная еще с царской России. Неслучайно же большевики побеждали за счет поднятия окраин, за счет неразумной политики царского правительства. Это моя точка зрения. Есть воспоминания Автарханова, чеченца, который был комсомольцем, встречался с Троцким, был на больших комсомольских постах в Чечне, был арестован, чуть не расстрелян, и, когда немцы подошли к Грозному, он перешел на сторону немцев, как и многие чеченцы, и позже стал одним из серьезных политологов. Он описывает в своих воспоминаниях, как в 1954 г. американцы пытались объединить антикоммунистическую эмиграцию. Они вложили большие деньги, много работали, но в итоге получилось два больших лагеря. Один – это белая эмиграция, их потомки, наследники. Второй – это последователи, эмигранты или дети эмигрантов движения национальных окраин. Они между собой не могли договориться по главному принципу, какая будет посткоммунистическая Россия – единая и неделимая, как требовали потомки белых, или федерация, как хотели представители национальных окраин. Автарханов описывает, как удалось лидерам, и он сам был одним из лидеров, договориться о некоем компромиссе. Но когда они вернулись обратно к своим сторонникам, они получили по шее, и те, и другие, за предательство интересов. После этого американцы плюнули. Я уже не говорю про сталинские репрессии.

Что же касается экономики, конечно, она играла роль. Но она играла роль в большей степени уже на втором этапе, на этапе Первой войны, на этапе поддержки нестабильности, когда она возникла. Что касается 90-х гг., то это общее по всем республикам, везде народ кипел.

Третье заседание

Обсуждение доклада А.И.Тэвдой-Бурмули

Кузнецов А.: Можем ли мы в Латвии реализовать косовский вариант?

Тэвдой-Бурмули А.И.: Во-первых, я не очень понимаю, какой именно Косовский вариант Вы предполагаете реализовать в Латвии. Во-вторых, если я все-таки правильно догадался о том, какой Вы собираетесь реализовывать вариант, насколько это будет хорошо, я не говорю для Латвии, для Российской Федерации? Поскольку Косовский вариант – это вариант абсолютно запредельный, не имеющий никаких перспектив позитивного решения для обеих сторон. Вариант подобного рода для Латвии представляется мне в некотором роде абсурдным, потому что это требует доведения градуса противостояния до высот, ненужных никому из акторов. Кроме того, если говорить о психологических моментах, русская община в Латвии проживает дисперсно. Тогда нужно изъять из Латвийской республики город Рига, где русскоязычных 52–53%.

Небальзин В.П.: Наше правительство все делает, чтобы имидж наш ухудшить. Все к этому идет. Мы видим, как назначают председателя правительства, как относятся к разным инициативам Евросоюза, Совбеза. Сейчас по Бирме идет обсуждение, и мы опять улучшили свой имидж тем, что заблокировали решение вопроса, хотя видим, что там людей расстреливают, необходимо какое-то решение. Имидж улучшается какими-то действиями, а последние действия ведут к разрушению. В связи с этим, Вы не можете подсказать, как уйти от этого? Я пока не вижу перспектив выхода из такой ситуации.

Тэвдой-Бурмули А.И.: Это хороший вопрос, он несколько переключается с тем, что мы делали вчера, поскольку действительно наиболее радикальная и эффективная имиджевая политика: а) должна быть направлена не вовне, а внутрь; б) должна основываться на информационных фактах, на реальных фактах, а не быть исключительно подмалевкой на непонятно чём. Посему, если отвечать более конкретно на Ваш вопрос, если нам не нравится, как формируют правительство, то мы должны предъявить претензии сами к себе. Если нас устраивает отсутствие обратной связи и тот вариант политического формата, который нам предлагают, тогда нам бессмысленно предъявлять претензии к имиджевой политике и всему остальному. Если у нас есть некоторое подозрение, что что-то не так, значит, нужно действительно идти именно от вопроса о том, насколько это контролируется, насколько то, что происходит наверху, связано с тем, что мы по этому поводу думаем. По сути, пока нет позитивного факта, не будет позитивного имиджа. В данном случае мы выступаем с сугубо частной узкой позиции

как технологи, как профессионалы. Есть некая задача, и мы с тем набором вводных, которые нам дали (пусть он неблагоприятный или относительно неблагоприятный) мы пытаемся эту задачу решить. Это же интересно.

Сунгуров А.Ю.: По Косовскому варианту. Коллега, вероятно, забыл, что в основе Косовского варианта лежат достаточно серьезные массовые убийства, то есть мы предлагаем, чтобы латвийская сторона начала убивать русских граждан? Когда люди используют подобные сравнения, они не учитывают, что это означает. Вторая рефлексия, что раз в принципе все плохо, какой смысл говорить об имидже? На самом деле, есть и обратная связь, как мне кажется. Ведь что было предложено технологически в данном выступлении? Понять, что нормальное восстановление, взаимодействие и предоставление того ресурса Латвии, который им интересен, будет служить снятию излишней политизированности в отношении к России. Если мы хотим говорить об имидже, то надо не усиливать пропаганду, а налаживать нормальные конструктивные взаимодействия, несмотря на существующие противоречия, то, что делалось даже в разгар «холодной войны» с США. Всегда были какие-то формы взаимодействия, которые подготовили потом смену. Сами эти действия не противоречат другим действиям, которые мы могли бы делать в другой сфере.

Тэвдой-Бурмули А.И.: Тут, собственно, мой ответ не требуется, поскольку я со всем могу лишь согласиться.

Дитц А.Х.: Мне кажется, что Александру Изяславовичу не полностью удалось раскрыть ту тему, которая обозначена. Мне думается, что надо было бы немного отойти в историю и показать, что было время, когда вся Прибалтика достаточно мирно вживалась в Российскую державу и многие проблемы, которые сегодня возникли, возникли с насильственным присоединением Прибалтики к бывшему Советскому Союзу, и поэтому все эти проблемы, которые сегодня существуют, требуют решения, как со стороны России, Прибалтики, так и со стороны Евросоюза. Я лично считаю, что у прибалтийских республик нет никакого иного выхода. Если они хотят сохраниться как этнические общности, они обязаны всеми мерами защищать и развивать свой язык и свою культуру. Это они могут делать только в том случае, если они действительно будут очень принципиально отстаивать эти интересы. Естественно, под молот совсем не заслуженно подпадает русскоязычное население, которое по воле разных судеб оказалось на территории этих стран. Мы знаем, что на территории таких стран, как Швеция, Швейцария, Бельгия, да и ряда других европейских стран, многие десятилетия вообще не пускают на свою территорию никаких иностран-

ных граждан. У России, на мой взгляд, есть один-единственный выход найти точку соприкосновения с прибалтийскими странами – это искать не врага в лице прибалтийских стран, а находить те точки соприкосновения, которые позволят устранить те разногласия, которые там возникли.

Тэвдой-Бурмули А.И.: Во-первых, конечно сейчас ни одна европейская страна не свободна от эмигрантов, и в этом смысле названные Вами страны ничем не отличаются от прочих. Там везде есть инокультурные существенные компоненты. Во-вторых, я согласен с тем, что нужно наращивать коммуникации, об этом было мое сообщение. В-третьих, мы не можем, к сожалению, апеллировать к опыту мирного сосуществования, который был раньше. Потому что в рамках современного, официального, транслируемого на латышскоязычную аудиторию государственного подхода, вся имперская эпоха вращая балтийских социумов в империю является периодом, однозначно негативно окрашенным. Я могу Вам привести цитаты из их учебников. Либо этот период укладывается в полстраницы, либо говорится о том, что, например, с XVIII в. русские совместно с немцами стали изгонять латышей из городов, притеснять каким-то образом их цеха и т.д., что, конечно, мало соответствует действительности, но мы не можем сейчас это комментировать. Поэтому этот опыт, к сожалению, для нас не подходит в качестве имиджевого факта.

Курныкин О.Ю.: Мои вопросы отчасти были заданы, но я все-таки решусь ещё раз поставить вопрос таким образом: как оценивает Александр Изяславович роль российских средств массовой информации в формировании благоприятного имиджа России в Прибалтике? Второй вопрос – комментарий. Стоит ли нам ставить задачи, которые мы в реальности решить не можем на данном историческом этапе? Вполне понятно, что Латвия сейчас отталкивается от России. Общеисторический и политический контекст российско-латвийских отношений складывается именно так, как он складывается. И мы здесь изменить ничего не можем. Латвии важно закрепить за собой статус европейской страны, и эта европейскость может быть достигнута за счет отталкивания от России. На мой взгляд, в ближней, среднесрочной перспективе переломить эту тенденцию мы не можем. Нынешнее прагматическое поколение прибалтов в большей степени ориентируется на Европу. Я не уверен, что образовательные программы будут интересны для прибалтов. Может быть, в какой-то степени для русскоязычного населения, да и то, мне кажется, что оно в большей степени будет интегрироваться в европейское, а не в российское образовательное пространство. Нужно ли нам вообще что-то делать в этом направлении?

Тэвдой-Бурмули А.И.: Что касается первого вопроса, то ответ на него абсолютно лапидарен. Нет, я считаю, что то, как российские средства массовой информации освещают наши отношения – не есть хороший пример для формирования имиджевой политики. Это, скорее, отрицательный пример.

Что касается второго вопроса, то тут все гораздо сложнее. Действительно, такой вопрос напрашивается, что за чем, собственно, тратить на это время и силы? Проблема в том, что мы вынуждены тратить на это время и силы, потому что Латвия сейчас не просто маленькая европейская страна, она, в частности, член Евросоюза. Мы вынуждены каким-то образом изменять имидж России в этих проблемных странах просто для того, чтобы наши отношения с нашим главным торговым и экономическим партнером имели более или менее приличную перспективу и не зависали. Потому что сейчас то, что мы имеем в отношениях ЕС – Россия некоторый провал, это отчасти следствие именно расширения ЕС на страны Центральной и Восточной Европы. Поэтому мы вынуждены каким-то образом оперировать на этом направлении.

Аршинцева О.А.: В реальной практике трудно отделить политическую составляющую, имиджмейкерство и т.д. Это действительно необходимость, не потому, что мы усложняем, а потому что это современный подход. Вопрос по поводу технологий, если признавать в этом контексте необходимость осуществления имиджмейкерства. Насколько я уловила, в докладе есть отсылки на какие-то уже имеющиеся практики и модели создания имиджа. В частности, общеизвестные американские модели, включая особую роль образовательных программ. Насколько применимы, с Вашей точки зрения, уже отработанные технологии в нашей отличной, понятно, ситуации?

Тэвдой-Бурмули А.И.: Мне кажется, вполне применимы, главное – уметь их применять. Вопрос лишь в том, кто этим занимается, в чьих руках это находится и насколько это все инструментально приложимо.

Сунгуров А.Ю.: Относительно предыдущего. Заинтересованы ли сами жители Прибалтики? Общаясь с молодыми эстонцами, в частности, я понял, что те, кто владеют русским языком, у тех есть в будущем перспектива в бизнесе. Многие не понимают, что Прибалтика как торговый мост, возможно, последний, между Европой и Россией – это очень перспективно.

Обсуждение доклада Е.В. Уфимской

Небальзин В.П.: Как в таких условиях Вы создаете имидж России? Вы говорите там, что «мы – миролюбивая страна», а Вам – «а за чем вы тогда запустили стратегические бомбардировщики? Один его

вылет стоит 1 млн. долл. Деньги-то почему пенсионерам не отдадите?» Другими словами, этими поступками наш имидж размазывается напроць. Вы же сами сказали, что европейцы верят поступкам, фактам. Это – факт, а у Вас – слова. И все форумы, собрания – это все слова. Поступки у нас совсем другие. Нас обвиняют в агрессивности, а мы подтверждаем эту агрессивность. Я пока выхода из этого не вижу. Мы каждый день ищем себе внутренних врагов в лице Каспарова, Рыжкова, мы ищем внешних врагов в лице Грузии и Эстонии и тем самым говорим, что мы – агрессоры и стремимся к экспансии, мы Арктику захватываем.

Уфимская Е.В.: Я не буду долго развивать дискуссию, я скажу только, что Вы напрасно недооцениваете роль молодежных организаций. Я все-таки отстаиваю свою позицию. Есть разные уровни. Есть политический уровень, где мы говорим, что мы – агрессоры, причем это очень спорное заявление. Мы не говорим, что мы – агрессоры, мы стараемся адекватно оценивать свои возможности. Агрессор никогда не говорит. Вы, вероятно, имеете в виду, что Путин, выступая на Мюнхенской конференции, раскритиковал США. В заголовках практически всех газет прозвучало: «Откат к холодной войне. Нужно снова бояться Россию». Да, такое было. Но это фрагментарные вещи.

Есть уровень экономистов. Почему я говорила о российско-германском форуме? Это совсем другое общение. Там встречаются предприниматели, экономисты, которые вкладывают деньги в Россию, и которые будут вкладывать, особенно сейчас, накануне олимпиады и всего остального.

Есть уровень простого обывательского общения, коммуникаций – это студенты, простые люди. То есть, нельзя все обобщать. У меня, например, пристрастное отношение к Украине, но когда я общаюсь с украинцами, более дружелюбных и более сплоченных людей я просто не встречала, хотя между Россией и Украиной отношения не самые лучшие. То же самое и здесь. Разные уровни восприятия и презентации страны.

Дитц А.Х.: Мне, наверное, несколько проще воспринимать это выступление, поскольку я сам отношусь к российским немцам и многие годы очень тесно сотрудничаю с Германией. Поэтому я просто хотел высказать несколько своих собственных соображений. Безусловно, эти крупные СМИ, на которых был сделан этот срез, они не полностью показывают, что происходит в самой Германии, как простые люди, как бывшие гэдээровцы относятся к России и к самой Германии. Там ведь много сегодня русскоязычной прессы, которая уже сегодня создает там достаточно солидный имидж. Чтобы правильно оценить, насколько пресса Германии положительно или отрицательно влияет на имидж

России, надо было бы рассматривать этот вопрос в контексте, как простые люди относятся к высказываниям тех же больших глобальных газет. На мой взгляд, многие люди, не только те, кто уехал из Советского Союза, но и внутри самой Германии относятся к России очень благожелательно и не всегда разделяют высказывания газетных или телевизионных боссов.

Уфимская Е.В.: Спасибо за замечание. Вы правы, но, когда я начала свой доклад, я говорила о формате и целевой аудитории тех изданий, которые я рассматривала. В этом и была задача – посмотреть, сколько людей читают «Der Spiegel», сколько «Die Zeit». Сколько стоит «Der Spiegel» – порядка 4 евро, или можно купить газету за 1 евро. Да, Вы правы, что это определенная аудитория. Не каждый будет покупать газету, можно ограничиться просмотром телевизора. Газета – это все-таки определенный труд: если я чего-то не понял, я буду заново ее читать. Это определенный слой людей, интеллигентов, думающих и интересующихся. Самый читаемый журнал – это «Der Spiegel», около 5 млн. читателей, учитывая, что он самый дорогой. Что касается ГДР, то Вы абсолютно правы, доброжелательное отношение, более того, я не раз слышала о ностальгии, что при ГДР жить было лучше. В основном, конечно, такая ностальгия у более зрелого поколения.

Сунгуров А.Ю.: У меня небольшой комментарий. Конечно, реакция на значимые позиции нашего руководства в России и Германии разная. Нам нужно сравнить. Один из примеров – реакция на смерть Политковской. Когда ждали высказываний и, наконец, наш президент сказал, оправдываясь, что «ее смерть наделала нам гораздо больше беспокойства, чем вы думаете, поэтому не думайте, что мы это сделали». Это высказывание, после которого председатель «Мемориала» Орлов вышел из Совета при президенте. Это один человек. Об этом мало кто знает. Для остальных это нормально. Проблема в том, что мы как бы в зеркало смотримся, но вы подняли другую картину. Поэтому, такая реакция президента на гибель журналистки оказалась нормальной для большинства избирателей, и опросы это подтверждают. Поэтому следует задуматься не о том, что кто-то плохой или что-то плохое во власти, а посмотреть на себя, кого мы представляем. Ведь популярность президента и проводимого им курса очень велика. Более того, основные плюсы кажутся больше даже для скептически относящейся к нему либеральной интеллигенции, за исключением некоторых политиков, которые составляют небольшую группу. Это, действительно, проблема, которая заставляет нас задуматься.

Тарасова Е.В.: У меня очень краткая реплика и вопрос. Прежде всего, мне хотелось бы поддержать Евгению Владимировну в том, что

мы не должны перекладывать всю ответственность за формирование нашего имиджа на правительство. Внешнеполитическая стратегия и внутренняя политика России всегда оценивались очень противоречиво и неоднозначно, и сейчас, в эпоху доминирования двойных стандартов, тоже оцениваются очень противоречиво. Но межличностная, межкультурная коммуникация – это совсем другая плоскость, и впечатление, которое в этой сфере складывается, всегда более доходчиво и в большей степени влияет на отношение человека, гражданина к другой стране.

Теперь к вопросу. Метод, который Вы использовали – это содержательный контент-анализ, анализ содержания публикаций. Мне интересно было бы узнать, насколько интенсивны публикации о России в немецкой прессе? Можно ли говорить, что они формируют постоянный информационный фон, или это только реакция на какие-то события?

Уфимская Е.В.: Вопрос очень важный. Я с самого начала не сказала, что этот доклад – не есть научное исследование, и научных методов я не использовала. Но, очевидно, это выглядит как контент-анализ. У меня сложилось впечатление, что Россия присутствует как информационный повод постоянно в прессе, но особые эмоциональные и активные всплески, действительно, очень фрагментарны, они вызваны конкретными событиями. Так сложилось, что «преемник президента» – это длинная пластинка, это обсуждается довольно давно, и создается ощущение постоянства. «Новые русские» тоже постоянная тема, зависит от того, сколько недвижимости представители России купили, например, в Баварии и т.д. Я могу так сказать: особо немецкая пресса активизируется, когда Россия «выкидывает» что-то такое, как Мюнхенская конференция, как нефтяной или газовый выпад и все остальное. Я должна сказать, конечно, что есть и позитивные моменты. То есть, Россия не только критикуется. В этом смысле основными темами являются культура, русская душа, балет и т.д. То есть, это не одностороннее восприятие.

Обсуждение доклада К.В. Фадеева

Небальзин В.П.: Пока наши разговоры о создании имиджа похожи на то, что есть тяжело больной раком, а мы ему говорим «ты выздоровеешь». Гипноз, может быть, какой-нибудь действует, но вероятность маленькая. Поэтому я думаю, что выход-то, наверное, будет, но и на бытовом уровне нас воспринимают неправильно. Как Вы правильно сказали, это матрёшка, балалайка и пьяные, а девушки наши все лёгкого поведения. И когда мы говорим, что мы хорошие вообще-то, то говорят: «вы 80% голосуете за Путина, а он делает это, это и это».

Фадеев К.В.: Мне вспомнилась только фраза «Каков народ, таков и правитель».

Уфимская Е.В.: Я хотела бы поддержать мнение Константина Викторовича и сказать, что, действительно, есть такой стереотип, что российские девушки легко доступны. Это, на мой взгляд, проблема. Над ней можно, с одной стороны, посмеяться, но вообще над этим нужно работать. Я столкнулась с тем, что если внести в поисковую систему в Интернете слово «Россия» на немецком языке, в первую очередь можно наткнуться на сайты знакомств. Там российские девушки размещают свои фотографии в трёх форматах, один из них в купальнике, для того, чтобы познакомиться с иностранцами и выйти замуж. Причём такие сайты, они как рекламные сообщения в Интернете – загружаются автоматически. Даже не желая на них попасть, всё равно попадаешь. И впервые об этих сайтах мне рассказали сами немцы, причём разных возрастов и социальных статусов. Я не верила этому, пока сама на них не наткнулась. Видимо, коль скоро существуют такие вещи, значит, на них есть спрос. Это, конечно, влияет на имидж страны, и возникает вопрос, как с этим бороться. Наверное, что называется, начинать с себя. Разместит ли какая-то девушка своё фото на подобном сайте, будет зависеть во многом от её воспитания.

Рубцов П.В.: Во-первых, очень большой вопрос, о каком имидже и где, в каких слоях мы говорим вообще. Для чего этот имидж нужно продвигать и в какие слои его нужно продвигать. Если мы спросим наших простых людей, что они думают об Италии, или если итальянцы зададутся вопросом: «Что думает Вася из Бийска о нашей великой Италии?», Вася скажет «Я смотрел «Спрут» когда-то и я ничего не знаю об Италии, мафия у вас». «Ох, какой негативный имидж у Италии», скажут итальянцы и будут думать, как им исправлять этот имидж. То же самое у России. Вопрос в том, на кого мы должны рассчитывать. Имидж должен создаваться в элите, об этом надо говорить, что конкретные механизмы формирования имиджа должны быть. При этом, возвращаясь к теме, что такое имидж, я тоже не совсем понимаю, как можно развести образ и имидж, ведь «image» – это представление, и скульптура в том числе, и мысленное представление. Оно формируется как сознательно, так и бессознательно. И те, кто его формируют сознательно, они пользуются теми же самыми бессознательными вариантами, которые им привили дедушки, бабушки и т.д. То есть мы всегда будем находиться в этом кругу, и пока мы не определим, где имидж, чей имидж, кому его надо адресовать, мы будем говорить в пустоту, по большому счёту.

Фадеев К.В.: Я полностью согласен, что надо определить целевую аудиторию, на которую это будет рассчитано, а поскольку политическая элита формирует потом представление о том или другом явлении внутри страны, то, конечно, основной целевой аудиторией является политическая элита того или иного государства.

Кротов А.В.: У меня, наверное, вопрос не только к вам, но и к предыдущим докладчикам. Может быть, этот отрицательный имидж России, который существует в западной прессе и у западного сообщества, через 10–15 лет может сыграть положительную роль, может быть, потом мы сможем воспользоваться этим отрицательным имиджем? Россию уже знают, но знают, как красные пиджаки, через 15 лет мы покажем и другие вещи.

Фадеев К.В.: Я не знаю, так далеко я не могу заглянуть. Будет ли это полезно России через 10–15 лет или нет.

Тэвдой-Бурмули А.И.: Я тогда прокомментирую, действительно хороший вопрос. С моей точки зрения, здесь есть рациональное зерно, потому что имидж негативный в сравнении с некоей эволюцией может принести некую пользу, да. Мы имели сначала минус, потом мы видим, как всё изменилось, стало быть, страна прошла большой путь и т.д. Вопрос лишь в том, что имидж – вещь достаточно инерционная и закладываемая не одновременно. И поэтому, если на протяжении 10–20 лет Россия позиционируется в глазах важной для нас референтной группы одним образом – негативным, то наши все возможные успехи будут наталкиваться всё-таки на некую преграду в виде уже сформировавшихся стереотипов. Это уже будет задача имиджевой политики 20-ти летней перспективы – внедрять новый имидж, вот как сейчас мы в качестве элемента нового имиджа своего внедряем экономическое благополучие. Вот, в 1991 г. мы в одном состоянии, в 2007 г. – в другом состоянии. А серьёзно ли это меняет наш имидж в глазах Запада? Как выясняется, не слишком, потому что остаётся огромное количество других минусов, которые сохраняют свою значимость для них. Но вопрос хороший.

Курныкин О.Ю.: Я хотел бы вернуть дискуссию на региональный уровень. До сих пор для иностранцев поездка в Сибирь равнозначна если не полёту в космос, то наверное, поездке к Северному полюсу. Различают ли иностранцы имидж России и имидж Сибири, есть ли некая сибирская специфика восприятия России? Можно ли говорить о какой-то положительной динамике восприятия иностранцами Сибири?

Фадеев К.В.: В принципе то, что Сибирь – это несколько другое, я думаю, иностранцы всё-таки различают. Я был несколько лет назад на конференции, посвящённой немцам Сибири, в Красноярске. Туда были

приглашены немецкие учёные из разных ВУЗов, которые в принципе, когда приехали, уже знали о том, что Сибирь – это не вся остальная Россия, а несколько иное. Но я не могу сказать, положительно или отрицательно они думают о России.

Дитц А.Х.: Мы заканчиваем нашу конференцию и до сих пор мы не определились, что такое имидж, как его рассматривать, оценивать, к нему подходить. И я думаю, что у каждого человека не только в России, но и в других странах, в это понятие смысл вкладывается разный. Мне думается, что главное назначение нашей конференции и учёных, прежде всего, политологов в том, чтобы определить и найти те грани, которыми можно очертить имидж, как таковой. Есть у каждой страны флаг, они разные, но когда показывают флаг, сразу понятно, к какой стране он принадлежит, есть герб, и тоже понятно, к какой стране он относится.

Обсуждение доклада С.А. Шпагина

Курныкин О.Ю.: У меня короткая реплика. Здесь затронута очень деликатная проблема – проблема реваншизма. Прежде всего, возникает вопрос о содержании этого термина в применении к той или иной ситуации. Я не хотел бы сейчас вдаваться в детали, можно уйти далеко. Я хотел бы отметить, что Россия оказалась сейчас в невыгодной для себя ситуации. Это постимперский, постколониальный период. Россия должна понимать, что предъявление к ней реальных или надуманных претензий со стороны бывших союзников или тех государственных образований, которые входили в состав Российской империи, неизбежно. Причём, это не уникальная ситуация. Другие, скажем так, колониальные державы прошли через этот постколониальный период, и он не завершён для них до сих пор. Бывшим метрополиям до сих пор предъявляются претензии и будут предъявляться. И возникает вопрос, что должна делать Россия в этих условиях. Мне кажется, что Россия должна, прежде всего, проявить мудрость. Не нужно нервно реагировать на каждые, с нашей точки зрения, реваншистские выходки. Точно также как мы не убедим западных украинцев в том, что они были коллаборационистами во время войны. Сколько бы мы ни говорили об этом, у них совершенно иное восприятие. Точно также и в странах Прибалтики, здесь мы не найдём общего языка. Нужно понять, что есть такие исторические сюжеты, которые лучше пережить, переждать. История отодвинет это в прошлое, но этого надо просто дожидаться. И чтобы не навредить своему имиджу, нужно проявлять особую мудрость в тех сюжетах, которые мы называем реваншизмом.

Шпагин С.А.: Я занимаюсь темой Холокоста, я сотрудничаю с турками, и они спокойно говорят: «да, мы готовы обсуждать эту про-

блему, но это история». Когда нам предъявляют претензии, что нас не примут в ЕС, так извините, мы тоже этого не хотим, потому что это закончится тем, что вы будете эксплуатировать на законных условиях нашу рабочую силу. Европа – это пенсионеры, а турки и не пьют, и будут хорошо работать. Поэтому, это скорее message властям, чтобы они использовали нас, академическое сообщество с тем, чтобы мы могли помочь им адекватно реагировать на эти проблемы. Ведь обратите внимание на этот призыв «давайте переждём, давайте использовать опыт Британской империи постколониального периода», он обращён не к нам, мы это как раз очень хорошо знаем, а вот как реагируют наши власти на это?

Малинова О.Ю.: Я, если позволите, включусь в эту дискуссию, я очень благодарна коллегам за то, что мы подняли имперскую проблематику для обсуждения нашей проблемы имиджа, потому что мне кажется, что она очень релевантна здесь. На мой взгляд, у нас есть очень серьёзная проблема, которая заключается в том, что если какая-то часть нашего академического сообщества осознаёт актуальность осмысления этой постимперской ситуации и пытается искать язык, на котором её можно осмысливать, то большая часть нашего политического истеблишмента использует проблематику империи для позиционирования самых разных политических проектов, при этом очень слабо опираясь на то, что делается в академическом сообществе. Результатом этого является то, что вся эта проблематика очень сильно стереотипизирована и мифологизирована. Я поясню, на чём основываются эти мои выводы. Я участвовала в проекте, который называется «Имперское наследие и будущее России», и для этого проекта я делала главу, которая была, как раз, посвящена теме империи в современном публичном дискурсе. Я достаточно систематически прошерстила литературу, сайты, всё, что так или иначе было связано с империей, и я обнаружила, что действительно об империи говорят и пишут сегодня многие – можно сказать, что только ленивые этого не делают. Но при этом, во-первых, само понятие интерпретируется очень по-разному, диаметрально по-разному. Просто люди совершенно разные смыслы в это слово вкладывают. Во-вторых, во всех частях политического спектра, а с темой империи работают и те, кого можно назвать националистами, которые развивают тематику блага русской нации и в этом контексте смотрят на империю и как на будущее, и как на прошлое. И либералы, как мы все хорошо знаем, и власть очень активно играют с имперскими смыслами, если не используют понятие «империя» напрямую в своём дискурсе. Так вот, обращает внимание то, что во всех частях политического спектра понятие это крайне мифологизировано,

то есть, оно имеет очень мало корреляций с тем, как проблематика империи разрабатывается историками, политологами, социологами и т.д. Мне кажется, что разрыв, конечно, всегда есть, но он просто громадный, и это контрпродуктивно. Потому что на самом деле мы находимся в ситуации постимперской, и этот постимперский контекст является очень важной частью того, что мы должны учитывать, решая очень важные проблемы имиджа, идентичности. Это всё не простые проблемы, они не исчезают просто потому, что они нам не нравятся. Надо обсуждать, каким образом с этим жить и из этого выходить. Мне кажется, что без желания вести диалог на эту тему, без стремления выработать какой-то язык, на котором этот диалог будет возможен, нам будет очень сложно, в том числе и с проблемой имиджа.

Шпагин С.А.: Я с этим абсолютно согласен, скажу больше: этой проблемой действительно занимаются. В частности, есть такая структура «Российское общество интеллектуальной истории», и очередная проблематика встречи в Пятигорске должна быть посвящена империи и постимперским проблемам. Я хочу ещё сказать, что это настолько взаимосвязанные вещи – британская реакция на постимперские вещи и, тем не менее, далёкий от Алтая пример негативного использования реваншизма – это Зимбабве, когда ребята там уже сколько лет находятся на избирательных кампаниях, эксплуатируют этот тезис о том, что они бедные, забывая, у власти уже 20 лет находится Роберт Мудано. Мы перегибаем палку, получая обратную реакцию. Соответственно, нужно работать с этими людьми, понимая законность периода – формируется новая государственность и совершенно понятно, что формируется новый пантеон героев.

Обсуждение доклада Г.В. Кагирова

Тэвдой-Бурмули А.И.: У меня небольшой вопрос. Вы совершенно справедливо сказали, что, чем больше общего и чем меньше особого, тем лучше взаимопонимание и улучшается климат отношений между субъектами, между акторами. С Вашей точки зрения, в каких сферах в ближайшие 10–20 лет может произойти рост общего с другими акторами, и где есть предел нарастания этого общего и в чём мы навсегда остаемся особыми?

Кагирова Г.В.: Спасибо за вопрос. Мы вообще вступаем в век, который изучает человека и человеческие отношения. Наиболее развивающимися областями отношений, безусловно, будут медицина, информатика и современные технологии, как мне кажется, это будет сближать, ну и традиционные – торговля и культура. Второй вопрос о перспективах. Перспективы таковы, что формировалось государство определённой национальной группой, потом эта страна развивалась и

становилась многонациональной. Так и здесь будет сохранение государственных границ, но общение приведёт к тому, что многонациональность будет стираться, и общечеловеческое будет выходит на первый план.

Сунгуров А.Ю.: Спасибо за интересное сообщение. Сначала Вы сказали, что иностранные журналисты, трактуя события, искажают, была фраза про объективный образ или имидж. Скажите, а этот образ существует, и если да, то где?

Кагирова Г.В.: Я не сказала, что они постоянно искажают образ. Образ России у каждого свой. Мне приходилось бывать за рубежом и встречаться с участниками мировой войны, и у них образ России сложился от того, что они видели в то время. Сейчас, в зависимости от того, что каждый человек видит, так у него и складывается образ. А журналистика стала тоже с рыночными отношениями, отчего этот образ искажается.

Сунгуров А.Ю.: Получается, что «объективный образ» как термин был не очень корректный?

Кагирова Г.А.: Да.

Небальзин В.П.: Можете ли Вы подсказать, насколько будет сказываться ментальность той или иной нации, в данном случае русских, на то, чтобы нам как-то сближаться с другими нациями? Я могу привести пример, когда мне говорят слово «цыган». Я сразу себе представляю, это такая нация, которой доверять нельзя, потому что обворуют, наркотики в школу принесут и т.д. А вот в отношении нас как складывается ситуация?

Кагирова Г.В.: Я должна сказать, что ведь Россия тоже не одной национальности. Цыгане тоже разные бывают, те, которые ведут оседлый образ жизни, не отличаются от нас совершенно. Но, тем не менее, это зависит от уровня культуры. Чем интеллигентные люди из Японии, Америки отличаются от нас? Они отличаются какими-то данными о прошлом, какими-то историческими корнями, может быть, генетически обусловленными привычками и традициями, но рост культуры приведёт к тому, что национальное не будет так явно и не будет противоречить. Ведь мы жили и живём в этом многонациональном государстве и никто из тех, кто жил в СССР, когда национальное так не выпирало, его не подстёгивал, чтобы это вело к противоречиям, всё же было нормально. Так же как и Америка многонациональная страна. То есть, это искусственно формируемая вещь. Она искусственно формируется на бытовом уровне, когда недостаточен общий уровень культуры.

Золотарёв М.С.: Спасибо за интересный доклад и сообщение. Скажите пожалуйста, с Вашей точки зрения, какова роль политики в

стирании отличных и нарастании общих качеств, и как это Вами оценивается?

Кагирова Г.В.: Спасибо. Политика это тоже не отдельная область знаний. И те группы, которые бывают за рубежом, они тоже несут и политическую составляющую. Политика должна ставить своей целью сближение и следовать этому. Главное – цель, а потом уже технология её достижения. И здесь политики должны выработать очень чёткие и правильные позиции.

Тэвдой-Бурмули А.С.: То, что мы услышали на этой сессии, сподвигает меня к двум соображениям, но не единственным. С одной стороны, мы видим, что наша имиджевая политика всё время формируется неким защитным импульсом, она принуждена преодолевать некий негатив. Это не есть имиджевая политика, собственно как торговый элемент, о котором мы говорили вчера, как элемент продвижения брэнда. В этом ещё есть дополнительная сверхнагрузка, связанная с традиционным нашим борением, связанная с латинами, с Востоком и прочее. Это такой дополнительный имманентный элемент нашей политики в целом и имиджевой политики в частности. Это моё первое наблюдение. И второе наблюдение заключается в том, что мы установили, есть некий допустимый предел возможного, потому что имиджевая политика неизбежно в своей эффективности натывается на некий предел, который увязан как с инструментальными возможностями этой политики, так и с реальным контекстом. По сути, мы всё время склонялись к тому, что имидж имиджем, а корень-то нужно искать в материи, в реальности. И только из этой материи выйдет какой бы то ни было имидж, будь он позитивный, будь он нейтральный или какой-либо третий, что в принципе реально возможно. Я благодарю вас всех за сотрудничество. Мы плавно перетекаем к третьей секции.

Четвертое заседание

Обсуждение доклада В.В. Савинкова

Чернышов Ю.Г. Валерий Васильевич – очень ценный эксперт. Сейчас мы видим на экране сервер «Банкфакс» – эта структура даёт альтернативную информацию. Если посмотреть заголовки (мы сейчас, как раз, пролистали), то там они такие хлёсткие, рассчитанные на привлечение внимания публики, естественно. Это то, что у нас есть в Алтайском крае, чего во многих других регионах уже нет. Это наша особенность. У нас и политологическое сообщество гипертрофированно развито по сравнению с масштабами нашего края, мы об этом постоянно говорим, что очень много у нас чуть ли не штатных экспертов, которые постоянно встречаются, что-то комментируют. То есть, какие-то элементы гражданского общества вроде бы теплятся в Алтайском

крае. Но, с другой стороны, власть их не замечает. Трудно было работать с Евдокимовым, потому что он человек не системный был. Суриков имел свою команду, ему другие были не особо нужны. Сейчас пришёл вроде бы адекватный человек, который занимается, в общем-то, позитивной работой. Почему бы ему не наладить нормальное сотрудничество с инициативными общественниками? Почему эта стена сохраняется? Мы по нескольким примерам видим (например, вот этот археологический парк), что хорошие проекты не воспринимаются абсолютно. Когда обсуждают, с другой стороны, проект, который предлагает администрация, и когда видят там недоработки, недочёты, это воспринимается очень болезненно, и записывают Валерия Васильевича тут же в «тёмные силы». Хотя, честно говоря, я думал, что «тёмные силы» – это другие имелись в виду, это определённые политики. Почему так происходит? Потому что губернатор назначен, ему надо показать хорошую картинку наверх и надо, чтобы никто не мешал снизу эту картинку создавать? Что ему мешает наладить диалог?

Савинков В.В.: На мой взгляд, это как раз связано с той социологической триадой, о которой я говорил. Люди в правящей бюрократии достаточно чётко осознают себя как носители определённых интересов и сознают, где границы этих интересов кончаются. Любые профессиональные и прочие элиты позиционируются ими как люди второго сорта, не допускаемые до власти. Вопрос об эффективности функционирования власти совершенно не стоит. Я не знаю ни одного случая, когда бы он решался с точки зрения эффективности. Я, в общем-то, регулярно от представителей «тёмных сил» (смеётся) общаюсь с господами-чиновниками, в том числе на предмет сотрудничества. Но когда мы говорим об этом, вопрос «нужно ли сделать что-либо эффективно» никогда не является решающим аргументом. По большому счёту, финансовая стабильность не требует эффективности, это как раз очевидно. Чем всё стабильнее, тем больше денег приходит из Москвы, тем меньше вопрос об эффективности становится здесь актуальным.

Небальзин В.П.: Валерий Васильевич, Вы как представитель «самых чёрных сил» не можете ли сказать, сравнивая наши регионы: Алтайский край, Кемерово, Новосибирск, Омск, где больше свободы слова? И второй вопрос, как Вы рассчитываете, в связи с тем, что Вы в этом чёрном списке, сколько Вы протянете, год-два?

Савинков В.В.: По первому вопросу есть два момента: во-первых, существуют исследования Фонда защиты гласности, связанные с оценкой свободы слова на уровне регионов. Я, может быть, не совсем с ними согласен, но последнее исследование позиционирует регионы следующим образом: в Западной Сибири существует один из 3-х крупных

центров, где есть регионы с относительной свободой слова, с полной свободой слова ни один регион не позиционируется. На это претендовала Томская область, но и она не прошла. Ещё существует анклав из нескольких регионов. На территории России есть два региона – на территории Северо-Запада и центра России. В регионы с относительной свободой слова включаются Новосибирская, Томская области, Алтайский край, включалась сюда же до недавнего времени Республика Алтай, но она позиции свои сдала. Преимущественно несвободная пресса в Омской области, Республике Алтай, Туве, Хакасии и полностью несвободная пресса в Кузбассе. В принципе, примерно такие же оценки экспертного плана тоже существуют. В отношении Республики Алтай я бы не согласился, на мой взгляд, там особых изменений не произошло. А в отношении Кузбасса тут тоже существует в достаточной степени консенсус, что пресса в Кузбассе совершенно несвободна, и Аману Тулееву удалось там выстроить классического плана азиатский режим, характерный для национальных республик. Несмотря на то, что регион русский, определённый политический режим удалось выстроить, причём этот режим существует преимущественно не на кулаке или методах принуждения, а, скорее, на прянике. Если говорить о прессе, то, например, средний уровень доходов журналистов районной прессы приближается к тысяче долларов, хотя по уровню того, что они пишут, они, честно говоря, и сотни не зарабатывают. Но это достаточно значимые деньги. Что касается второго вопроса, как долго мы просуществоваем: как и многие политические институты, мы просматриваем своё будущее только до окончания президентской кампании. Что будет дальше? Я думаю, как и большинство политических партий, гражданских служб и независимых от государства СМИ – пока никто не может сказать, наверное. Если будет возможность существовать дальше, значит, будем существовать.

Кирюшин К.Ю.: Я бы хотел сказать ещё несколько слов по поводу имиджа Алтайского края. Как я понял из выступления, нам всё-таки повезло с Алтайским краем, потому что наш регион формировался вокруг определённой историко-культурной традиции. Горный Алтай славился минералами, разработкой руд, камней, начиная с палеолита, бронзовый век, XVIII в. В Алтайском крае есть очень мощный имиджевый ресурс, который почему-то никак не используется. Начиная с XVIII в. на территории Алтайского края работало огромное количество немецких учёных. Достаточно назвать такие фамилии, как Гумбольдт, Радлов и другие. Сегодня были выступления, которые были посвящены имиджу России в глазах, допустим, немцев. По большому счёту, эти учёные, которые работали на Алтае, до сих пор пользуются большим авторитетом, большим

уважением в современной Германии. И мне в этом плане абсолютно непонятно: допустим, проводятся выставки в Германии и рекламируются наши минеральные источники, им нужно бы где-то открыть работу по этим источникам, посмотреть, есть там какие-нибудь несколько строчек о том, что воды на Алтае чистые, или ещё что-то. Вполне возможно, что где-то мнение тех же уважаемых в Германии учёных окажет большее влияние, чем какая-то справка из санэпидстанции о том, что в воде столько-то железа, цинка и ещё чего-то.

В моём представлении одна из проблем формирования имиджа Алтайского края заключается в том, что в глазах жителей европейской части России и в глазах, тем более, зарубежных стран такие понятия, как Алтайский край и Республика Алтай, сливаются в единое целое. Поэтому, если мы сейчас говорим о развитии климата, если развитие туризма в крае становится одним из приоритетных направлений всей экономики края, и если на это делают упор, то необходимы, конечно, какие-то определённые усилия для того, чтобы как-то отдельно идентифицировать Алтайский край и Республику Алтай. Необходимо, чтобы люди представляли, чем Алтайский край отличается от Республики Алтай. Есть в Алтайском крае определённые культурно-исторические ресурсы, почему бы их не использовать? Я даже не касаюсь археологии. В этом зале много историков, которые подтвердят мои слова, что если поставить целенаправленную задачу, можно найти необходимые для работы цитаты о том, что Алтай красивый, что воды чистые и небо голубое. Все эти цитаты будут работать на создание позитивного имиджа Алтайского края.

Савинков В.В.: Ответить здесь достаточно сложно. Всё-таки, мне кажется, мы немножко переоцениваем значимость наших ресурсов, в том числе исторических. Мне недавно с Юрием Георгиевичем пришлось обменяться мнениями, я недавно осматривал греческие, римские развалины, где один Колизей на 15–20 тыс. зрителей, проедешь 10 км – и ещё другой. Я к тому, что скифские бабы – это, конечно, хорошо и, в общем-то, в рамках России это значимая штука, но, по большому счёту, наши ресурсы – не центр мироздания, они всё-таки довольно скромны.

И второй момент: очень часто формулируется вопрос «Почему бы власти не...»? По большому счёту, видите, она в этом не заинтересована, поскольку механизмы связи с обществом полностью демонтированы. Кстати, серьёзно ли она относится к ресурсам развития туризма? Она не решает самих базовых моментов: никто не знает, сколько туристов в Алтайском крае! В этом году была одна цифра – 700 тыс., спрашивается, как их считали? «Ну, в прошлом году мы давали цифру

600 тыс., а в этом году же больше». А в прошлом как? Ну, и так далее. То есть, элементарная такая вещь: сколько туристов и откуда они приезжают, сколько туристов из них внутренних, сколько иностранных – этого никто не знает. В этом году, например, губернатор у нас озвучил совершенно безумную цифру: у нас 170 тыс. иностранных туристов. Да у нас все самолёты, которые летают на внешние направления, они, собственно, только на Москву и летают, если взять весь самолётный парк, он за год не перевезёт и половины от 170 тыс. туристов. Я думаю, это скорее гастарбайтеры, которых учитывает федеральная миграционная служба. Они, видимо, въезжают в Россию по туристическим визам. Действительно, ведь Алтай является транзитным регионом, через который въезжают мигранты из близлежащих стран, вот они-то регистрируются здесь как туристы, а потом едут на стройку шабашить. Поэтому на самом деле, как вообще можно рассуждать о туризме, если мы не знаем, сколько туристов, хотя бы даже примерно. А методики на самом деле есть. Недавно я ездил на Телецкое озеро, мы там общались с куратором этого озера. Сначала я спросил, сколько на Телецком озере людей, они сказали, что много, больше 100 тыс. Ладно, Вы знаете, сколько у вас мест размещения? Посчитали вмещение в кемпингах, посчитали вместимость в зелёном секторе, в частных домах, начали потом считать заполняемость по месяцам: в этом месяце 100%, в июле, августе – 85%, посчитали по всем месяцам, в итоге выходит 37 тыс. чел. Вот так оно и выглядит. На самом деле, никого развития туризма нет, есть очень много разговоров, есть очень большие суммы из бюджета. На данном этапе суммы колоссальные, на самом деле. В этом году, к примеру, выделено 350 млн. руб. на имиджевые различные программы. Тратятся деньги, но особого толка от этого нет. Поэтому вопросы «Почему бы не сделать так-то?» мне кажутся бесполезными – не нужно это власти, и не надо на власть рассчитывать. Нужно создавать небольшие круги, в рамках которых обсуждаются эти вопросы, когда достигаются действительно реальные результаты. Вот, например, пройдёт какая-нибудь конференция, где реально посчитают, сколько туристов в Алтайском крае, вот это будет шаг вперёд, скромный, но в соответствии с теорией малых дел.

Тэвдой-Бурмули А.И.: Можно ли вообще говорить о том, что когда информационное общество уже достаточно развито и не слишком закабалены средства массовой информации, имидж региона формируется не только государственными структурами, если он ими вообще формируется, но и, в принципе, он формируется спонтанно или не очень спонтанно соответствующими информационными, не зависящими от власти сообществами? И если это так, то насколько спонтан-

но это происходит? Есть ли у конкретных представителей информационных сообществ некое представление о том, как формировать региональный имидж, делается ли что-то в этом направлении? Или просто это зеркало: вот есть каналы, поступает информация, и эти каналы эту информацию выкидывают зрителю?

Савинков В.В.: Спасибо, очень интересный вопрос. Чем дальше имидж формируется, тем меньше на него влияние государства, в том числе и на российском уровне. Почему, собственно, российское руководство озаботилось в последние месяцы вопросами, связанными с имиджем России за ее пределами? Точно также и имидж регионов формируется за пределами России, хотя, возможно, для Алтайского края это не столь объемно, как в целом поток публикаций о России, но он тоже присутствует. Скажем, за последние три года он связан с тремя темами: 1) деятельность В.А. Рыжкова, всевозможные его выступления, ремарки об Алтае (порядка 2–3 сообщений в месяц в иностранной прессе проходит); 2) канал, связанный с Евдокимовым, преимущественно, при его жизни; 3) различного рода политические нарушения, связанные с преследованием средств массовой информации, политические процессы. Это три содержательных канала, которые, в принципе, независимые. В отношении регионов они полностью свободны.

Если же говорить о внутренней позиции тех, кто формирует информационный поток здесь, я бы сказал, что у нас это формируется во многом исходя из принципа зеркала. Исключения здесь бывают. Насколько я знаю, краевая администрация активно заключает договоры с информационными агентствами по большей части на формирование имиджа Алтайского края.

Обсуждение доклада К.Ю. Кирюшина

Дитц А.Х.: Бирюзовая Катунь, наверное, одно из самых красивых мест в Алтайском крае и безусловно, то, что там сегодня предполагается сделать для туристов – это чрезвычайно важно. Этим летом я был на Байкале и на обратном пути заезжал в Иркутск. Под Иркутском есть небольшой поселок, который называется Гальцы, и они уже много лет свозят на это место всю старую архитектуру Иркутской области и даже близлежащих регионов. И сейчас там уже многое создано для того, чтобы туристы могли проследить на протяжении веков, как развивалась архитектура. Поэтому я предлагаю нашим коллегам, чтобы они этот парк назвали «археологическо-архитектурный парк», и в том месте можно это совместить, попробовать свозить туда старые интересные строения, которые значительно бы дополнили археологические находки и создали бы целый неповторимый комплекс старины.

Кирюшин К.Ю.: Мне, конечно, понравилось Ваше предложение создать неповторимый комплекс архитектурной старины. Я Вам говорю, что нет ни копейки бюджетных денег. Всё, что мы делаем, зарабатываем сами. Дадут нам 5–6 млн., пожалуйста, свезем, сделаем архитектурный комплекс, как, например, в той же Томской писанице и прочее. Имейте в виду, что такие подобные нашему парки, подобные музеи-заповедники, как например, Томская писаница в Кемеровской области, финансируются из бюджета. В Кемеровской области отдельной строкой прописан бюджет, штат – 40 человек. В 1960-е гг. начали исследовать памятник, в 1970-е гг. были опубликованы материалы, в 1988 г. только начали делать музей, в 1994 г. музей открылся. А мы в 2002 г. начали исследование, нашли памятники, раскопали, и тут же музей построили и то, и другое, и третье сделали без копейки бюджетных денег. Поэтому что нам говорить об архитектуре, нам бы с археологией и этнографией разобратся.

Обсуждение доклада Е.В. Тарасовой

Чернышов Ю.Г. Мы знаем Елену Владимировну как специалиста по демографии и миграционным процессам, и очень интересно было услышать её наблюдения в приложении к теме имиджа. Некоторые темы, видимо, были не очень подробно расшифрованы из-за отсутствия времени. В частности, интересная тема, что, действительно, часто мифы привлекали людей переселяться в какие-то далёкие земли. Применительно к Алтаю, можно было бы сказать о легенде о Беловодье. Действительно, многие переселенцы направлялись сюда, думая, что здесь рай земной и молочные реки. Но не все были разочарованы, потому что Алтайские горы были островком свободы. Второй вопрос более практический. Просчитана ли в цифрах потребность в мигрантах Алтайского края? Сколько, грубо говоря, нам нужно привлечь переселенцев, скажем, из Казахстана в год? И нужно ли им давать объективную, адекватную информацию или им нужно давать её подслащённую мифами? И третье, проводились ли исследования, вот в том же Казахстане, если человек выбирает город для переселения, какие у него критерии выбора? Оттуда примерно одинаково ехать как до Омска, так и до Барнаула, и какие у них стереотипы на этот счёт и какие предпочтения?

Тарасова Е.В. Спасибо за вопрос. Действительно, история переселенческого движения в России, в общем-то, даёт примеры очень разные: и когда люди находили богатые и свободные земли и были какое-то время счастливы, пока государство до них не добиралось, и когда они сталкивались с более холодным климатом, с отсутствием свободных земель, когда эти участки уже были распределены, и с невозможностью на эту ситуацию повлиять. Более того, они сталкивались очень

часто с дискриминационной практикой со стороны старожилов, которые очень быстро приспособились к системе эксплуатации дешёвого труда переселенцев. Разные были сюжеты, но то, что была нехватка информации или её недостоверность, мифологизация территорий, когда о ней ничего не известно – всё это очень сильно влияло на переселенческое движение совершенно определённо. На кафедре у нас сформирована база данных по истории переселенческого движения, в которой содержатся документы официальных органов и письма. С ними можно познакомиться, это действительно очень интересный пласт нашей истории и культуры. Что касается потребностей в переселенцах, вопрос не только в потребности, но и в экономическом и финансовом обеспечении этого процесса. Потому что государственная программа содействию переселения соотечественников предполагает определённый набор вспомогательных средств: подъёмные, оплата расходов на переезд, выплата пособий на определённый срок. Конечно, все эксперты сходятся на том, что эти суммы, которые закладываются в бюджет программы, совершенно недостаточны, и существуют сложные условия, в частности, по профессиональной подготовке. На мой взгляд, совершенно напрасно исключается использование механизма учебной миграции для осуществления этой программы. Учебная миграция, как механизм адаптации, показала себя очень хорошо, потому что студенты из других стран, проживая в России более 5 лет, проходят социализацию, получают уже российский диплом, они хорошо знакомятся со средой обитания, в общем, это менее затратный со стороны государства способ. Однако, в большинстве региональных программ этот компонент не зафиксирован. То есть, идёт ориентация на сложившихся профессионалов определённого профиля. И ещё неизвестно, согласятся ли они на такие жёсткие условия переселения или нет. А что касается характера информации, на мой взгляд, приукрашивать её как-то не нужно, потому что когда люди ждут большего, а сталкиваются с непроработанностью механизма документирования мигрантов, с противоречиями, коллизиями в правоприменительной практике, в законодательстве, когда они сталкиваются с невозможностью получить информацию о состоянии рынка труда, они это своё разочарование не держат в себе, а распространяют его через родственников, друзей, знакомых. И эта информация негативно влияет на имидж региона, то есть, на тот компонент политики в отношении эмигрантов, который и определяет её эффективность и результативность. Исследований, посвящённых имиджу регионов России в Казахстане, я не знаю. Я основывалась на тех данных, которые были получены мною или с моим участием в ходе исследований миграционной ситуации в Восточно-Казахстанской об-

ласти, Павлодарской области. В первых двух случаях в опросе участвовали представители разных возрастов и этнокультурных групп, преимущественно русские и казахи. А во втором случае это была молодёжь, которая опрашивалась на предмет установок на учебную миграцию, и там тоже были компоненты, через которые можно было отследить информированность. Нужно сказать, что информированность об Алтайском крае, его особенностях очень низкая. Гораздо больше молодёжь в Павлодаре знает об Омске, Новосибирске, о ВУЗах, экономических особенностях. Но Барнаул, который ближе, остаётся тёмной лошадкой или белым пятном, то есть, информационное поле пока свободно, видимо, никому это не нужно. Заполняется это какими-то случайными сообщениями, например, о том, что администрация Восточно-Казахстанской области с дружественным визитом побывала в Барнауле и наоборот. В общем, это ничего о регионе не говорит. И для заинтересованных групп это очень плохо. Что это значит для нас? К нам приезжают люди, которые ориентируются на минимизацию издержек, потому что близко, которые плохо информированы, а значит, они плохо приживутся, будут испытывать проблемы, будут обращаться в органы соцзащиты или куда-то ещё и будут создавать негативный фон для наших чиновников, которые реализуют миграционную политику. Чем лучше человек информирован, чем больше он уверен, что он правильно выбрал регион и именно здесь хочет внести свой вклад в развитие трудового и демографического потенциала этой территории, тем более эффективной у нас будет политика и государственные средства будут потрачены не зря.

Голунов С.В. Всё-таки, несмотря на то, что здесь уже Вы частично дали ответ на мой вопрос, я попытаюсь выступить с позиции скептика, например, чиновника, который решает, нужно ли давать деньги на имиджевую кампанию. Как я понимаю, главный объект этой имиджевой рекламы это русские, которые должны переселиться из Казахстана. В связи с этим вопрос, нужна ли какая-то стратегия по формированию имиджа среди мигрантов, или нужна просто предельно рациональная, прагматическая информация о том, сколько стоит жильё, где можно трудоустроиться (возможно, с телефонами работодателей), о возможностях обучения в ВУЗах Алтайского края. Ведь то, что выбирают Томск, это, скорее, проблема ВУЗа конкретного, а не имиджа Алтайского края. И второй вопрос, который во многом перекликается с первым: чего больше в настоящее время: количества мигрантов или эффективно обоснованных ресурсов для потребностей Алтайского края?

Тарасова Е.В. Спасибо за вопросы. Конечно же, имиджевая кампания может быть совершенно разной по своим целям, по масштабу и

по объёму средств, которые мы готовы на неё потратить. В данном случае даже предоставление прагматической информации, но информации достоверной, которая человеку действительно поможет, это уже часть процесса формирования позитивного имиджа. Но на сегодняшний день, когда люди готовятся к переезду (уже не середина 1990-х гг.), они стали более комплексно подходить к оценке потенциала, условий территории, на которую хотят переехать. Они хотят знать, какая там экологическая ситуация, допустим, в Усть-Каменогорске, в котором визитной карточкой города являются тяжёлые металлы и неблагоприятная экологическая ситуация; они хотят знать, где они будут отдыхать, если переедут в Барнаул, куда можно пойти в плане культурного досуга (театры, кинотеатры и прочее). Очень много человеку нужно, то есть, потребности диверсифицируются. В период кризиса и стрессовой эмоциональной реакции на этот кризис, конечно, главное – заработать на кусок хлеба и сохранить жизнь, так как многим казалось, что угроза этой жизни существует. Сегодня уже потребности сложнее, ситуация спокойнее, решения принимаются более взвешенно. Принятие решения растягивается, откладывается, люди выжидают благоприятных условий и т.д. В этих обстоятельствах мы заинтересованы в том, чтобы предоставлять необходимую информацию, и не просто для того, чтобы к нам ехали все, кто собрался куда-то ехать, а для того, чтобы решения принимались мигрантами осознанно.

Дитц А.Х. Миграционный процесс складывается не только из тех людей, которые переезжают к нам или собираются переезжать, но, видимо, и из тех людей, которые уезжают от нас или собираются уезжать. Очень жаль, что Елена Владимировна почему-то ничего не сказала об оттоке из Алтайского края. Я не могу умолчать, поскольку знаю, что последние 10–12 лет из Алтайского края уехало около 40 тыс. человек российских немцев, я беру российских немцев в чистом виде. А если брать с членами семей, где имеется много других национальностей, то эта цифра зашкаливает за 100 тыс. человек. Я знаю, что очень многие российские немцы не только с Алтая, но и из других регионов никуда бы не уехали, если бы их проблема решалась на государственном уровне. Как она должна решаться, я останавливаться сейчас не буду, поскольку это не проблема нашей конференции сегодня. Мне горько говорить сегодня о том, сколько немцев уехало, но я знаю и такую особенность, что большая часть из тех людей, которые уехали, готовы вернуться обратно, они грубо ошиблись, когда уезжали. Продали всё своё жильё, движимое и недвижимое имущество. Не лучше ли нам сегодня создать условия тем людям, которые, я знаю, всё-таки подали эти заявления и будут уезжать, и попробовать вместе с Германией

отладить эту общую схему возвращения немцев обратно туда, откуда они уехали? У них же были здесь обжитые места. Вообще, я хочу войти с конкретным предложением в Администрацию Алтайского края, чтобы разработать специальную программу по этим проблемам, и она сработает, я уверен. Это люди работающие, они будут, как говорят, из палки выращивать дерево.

Тарасова Е.В. Спасибо за Ваш комментарий. Действительно, проблема такая есть и нужно сказать, что в 1990-е гг. многие люди уезжали из страны в дальнее зарубежье только потому, что у них появилась возможность совершенно свободно покидать территорию, и, может быть, они руководствовались какими-то ожиданиями, которые оправдались не в полной мере. Но на сегодняшний день, насколько мне известно, существуют и реализуются совместные российско-германские программы по поддержке российских немцев. Но то, что есть какие-то неохваченные проблемы и сбои в реализации, это тоже совершенно нормально, это наша повседневность, что ни один проект не может быть совершенным и работать без сбоев. То, что касается приоритетов, я в своём докладе затронула миграционную ситуацию в Алтайском крае, правда, моей целью не было делать подробный экскурс в этот вопрос, потому что это несколько уведило бы от темы. Отъезд жителей Алтайского края в Германию и Израиль – это, конечно же, очень интересный вектор, но мы гораздо больше ежегодно теряем людей во внутренней миграции, то есть, в обмене с другими регионами России. Конечно, большинство специалистов говорят, что это из-за разных социально-экономических условий, уровней заработной платы по сравнению с другими регионами, но это не единственная проблема. Я думаю, что не ошибусь, если скажу (исследований я сама не проводила на эту тему, это может быть в качестве гипотезы), что многие жители Алтайского края, особенно молодёжь, руководствуется преимущественно негативными представлениями о своей малой Родине. Есть устойчивые стереотипы о том, что у нас всё плохо, бесперспективно, всё глухо – они не могут не влиять на формирование миграционных установок. Даже если человек живёт в приемлемых условиях, если он воспитывается в атмосфере неприятия к территории края, если он постоянно из СМИ получает сообщения негативного, критического и пессимистического характера, разумеется, у него душевная привязанность к Алтайскому краю будет очень сильно подорвана. Я в этом убеждена, хотя научные обоснования действительно нужно получать.

Небальзин В.П.: Есть ли такие цифры, сколько приехало-уехало за прошлый год, внутренняя миграция, внешняя?

Тарасова Е.В.: Есть. В порядке информации у нас ситуация следующая: получается, что в целом, в результате внешнего миграцион-

ного обмена для края, то есть и с другими регионами России, и с другими странами мы в 2006 г. потеряли 7167 чел. Каким образом складывается ситуация? Это сальдо миграции, то есть, отрицательный результат: прибыло у нас 14896 чел., выбыло около 22 тыс. и, естественно, мы остаемся в минусе на 7 тыс. чел. Причём за счёт обмена с другими регионами России у нас отрицательное сальдо 8500, а межгосударственная миграция за счёт дружественного Казахстана, спасибо ему большое, в плюсе 1393 чел.

Обсуждение доклада Д.В. Негреева

Баркова О.А.: О каких туристах идет речь? Стоит ли Республике Алтай и Алтайскому краю объединяться в создании необходимого туристического имиджа?

Негреев Д.В.: Речь идет, конечно, о российских туристах. Потому что международные туристы здесь – это студенты и пенсионеры. Алтайский край и Горный Алтай не являются теми регионами, куда едут туристы. Иностранных туристов не много. Есть какая-то часть туристов, которые едут на охоту, рыбалку, но их очень мало.

Насчет объединения вопрос очень сложный. Во-первых, статус турзоны есть в Алтайском крае, и статус турзоны есть в Республике Алтай. Второе. Власти Алтайского края и Республики Алтай в этом отношении очень ревностно относятся и вряд ли они здесь объединятся. Это одна сторона. Другая сторона, что, поскольку это разные субъекты федерации, тут какие-то проблемы возникают. Поскольку у нас есть субъект федерации Алтайский край, то нужно говорить именно о нем.

Голунов С.В.: Откуда туристы, только из Западносибирского региона, или со всей России?

Негреев Д.В.: Сейчас в основном едут туристы из Западносибирского региона, но количество проживающего здесь населения не может обеспечить ту загрузку, о которой говорят и которая требуется, чтобы туризм здесь был действительно серьезным сектором экономики. Это первое.

Второе. Люди, скорее всего, не будут сюда бесконечно ездить. Приехали раз, два, потому что нет естественных факторов, таких, как море, например. На море можно ездить бесконечно, а дождь в горах постоянно переживать не у каждого будет желание. Конечно, интересуют, скорее всего, регионы густонаселенные, на запад от нас.

Закрытие конференции

Кондратьева Н.Б.: Давайте завершать. Я бы хотела сказать несколько слов, прежде чем мы предоставим возможность организаторам нас оценить. Мне бы хотелось сказать о своих впечатлениях. Я ощущаю для себя большую пользу от участия в этой дискуссии. Совер-

шенно очевидно, что конференции удалось добиться многопланового обсуждения предложенной темы. Мы начали с того, что задумались о том, каковы мы – современные русские люди, говорили о нас, о Европе. И лично я для себя подметила, что, несмотря на то, что мы находимся в Сибири, о Востоке как-то разговор не пошёл. Мне кажется, что, наверное, силён иммунитет у русских к Востоку. Силён он к Западу или нет, это ещё вопрос.

Далее мы, конечно же, на мой взгляд, внесли серьёзную лепту в осмысление того понятия, которое мы обсуждали, понятие «имиджа». Безусловно, мы подступились к постановке новых задач в имиджевой политике края и страны в целом. У меня сегодня после последнего выступления возникла мысль о том, как этот хороший форум, который существует в Алтайском крае, мог бы быть продолжен в будущем, имея этот бэкграунд, который мы получили. На мой взгляд, в нашей дискуссии всё время мелькала тема демократических вызовов современной России. И начали мы с того, что вспомнили, что такое русская интеллигенция. Это постоянный спор с самими собой, кто мы и кем мы являемся для себя и для социума, какой вклад мы должны вносить и куда: в западную культуру или в славянскую, восточную? Но потом разговор перешёл к теме, что такое современный человек в своей массе, и я подумала: Украина – на Майдане, российский человек сидит дома, а что лучше – быть на Майдане или быть на заводах или на пашне, что есть альтернатива для России, альтернатива таким Майданам, и насколько эта альтернатива сильна. И коль есть в Алтайском крае такие точки роста демократического, гражданского общества, как «Банкфакс», и коль сильны в Алтайском крае, как сказал наш уважаемый председатель, политологи, а с другой стороны, мы нашли, что есть всё-таки лакуна, дистанция между обществом и властью, верхами, не может ли такой дефицит демократии стать ахиллесовой пятой для нашего общества, для современной России? На какого потребителя работают сейчас институты гражданского общества? Такое предложение я вношу организаторам. Спасибо!

Чернышов Ю.Г.: Спасибо большое, Наталья Борисовна! Коллеги, я бы предложил продолжить то, что мы уже начали делать, то есть, можно высказаться об итогах конференции и предложить те темы, которые мы вынесем на следующую конференцию. Я бы коротко высказал свои соображения. Во-первых, по самой конференции. Честно говоря, конференция превзошла ожидания, особенно я благодарен нашим гостям, которые обеспечили очень высокий уровень дискуссий, активно участвовали. И наши эксперты тоже очень активно участвовали, так что возникли даже проблемы с регламентом, но тем не менее,

мы вписались благополучно в конечном итоге. Мы изменили в этом году сезон проведения конференции. Раньше мы проводили конференцию в июле, и не было тех проблем, которые возникли сейчас: это время, когда идут занятия у преподавателей, многие люди на работе, на занятиях и, к сожалению, многие были вынуждены приходиться и уходить. Может, на будущее, мы поставим заседание на выходные, чтобы проще было людям собраться? Что касается сути вопросов, то здесь были проблемы разных уровней, разные подходы, потому что сама проблема междисциплинарная. Есть и историки, и политологи, и экономисты, и многие другие специалисты вносят вклад в эту тему. В этом есть смысл. В то же время, конечно, желательно более чётко представлять себе, что мы хотим выяснить. О теме на следующий год. Методом исключения можно прийти к выводу, что, поскольку наша конференция проводится всё-таки не в Москве, а, так сказать, в российской глубинке, которая имеет своё лицо и огромный, но недостаточно использованный потенциал, в которой сейчас очень много говорят об имидже, в которой есть амбициозные проекты, об этом вот и стоит говорить. Вам показывали проект «Бирюзовая Катунь», есть ещё один проект, который практически не упоминался, но который обсуждался на нашем круглом столе, это игорная зона. Там ещё больше вопросов и к власти, и по перспективам развития. Напрашивается вывод о том, что не стоит нам здесь рассуждать о глобальных, мировых, теоретических каких-то проблемах, а, может быть, всё-таки коснуться подробнее темы имиджа региона? Предметно, с учётом международного опыта, с учётом истории и с учётом того, что происходит сейчас, и обсудить здесь и политологические аспекты, и экономические можно затронуть, и исторические, то есть, опять же привлечь специалистов разных отраслей знаний и постараться сделать это приближённым к практике, чтобы действительно мы могли выдать некие конкретные рекомендации нашей власти. И хотя власть и считает, что ей не нужны никакие советчики со стороны, но когда особо дельные мысли высказываются, они их всё равно учитывают и используют. Хотя бы так мы можем влиять на то, что происходит. Такие примеры есть. Пожалуй-ста, кто хотел бы высказаться в целом по конференции, какие пожелания, и что бы вы хотели обсудить на будущее.

Сунгуров А.Ю.: Мне было интересно. Я на этой конференции первый раз, я много читал, информацию получал о конференции в Интернете и, наконец, вот немножко поучаствовал. Бесспорно, это было интересно. Что касается пожеланий: я понимаю, это сложно развести, но присутствие в одном флаконе двух проектов, с одной стороны, научная конференция, а с другой стороны, это некий форум для обсуж-

дения актуальных проблем региона, в котором участвуют не только учёные, но и люди с активной жизненной позицией, представители партий, движений и т.д. Это конечно, интересно, соединение реальной жизни и реальной позиции с наукой, в этом есть свой плюс. Минус определённый в том, что стандарты, связанные с научными исследованиями, в таком формате сложно обсуждать. И когда задают вопросы более конкретные и более актуальные, то выяснять при этом методические вопросы вроде бы и некорректно. В этом я вижу некоторую проблему, и как решить её, я сам не знаю, потому что мне тоже нравится подобное, но, может быть, надо проводить отдельные заседания. Мне кажется, на эту тему нужно думать или заявлять, что этот научный форум – типа гражданского форума, который проходил в Петербурге, и там это ставилось задачей – выход науки лицом к практике. Было три таких встречи, которые прошли и закончились. Поэтому, может быть, нужно чётче обозначать в информационном письме правила проведения. То есть, во-первых, это интересно, важно и нужно развивать, а во-вторых, нужно попытаться разграничить, если это возможно, или описать правила игры, понимая, в какие игры мы играем в каждый конкретный момент времени, потому что мне тоже хотелось, когда я слышал эмоциональные выступления коллег слева или справа, в этом же ключе начать отвечать и я себя сдерживал за горло. В то же время, когда обсуждаются научные вещи, коллегам, может быть, не так интересно здесь, когда мы говорим о каких-то методических подходах. Если это так, тогда нужно чётко задать эту планку. Вообще же, всё это очень интересно, особенно интересно, когда есть такая преамбула, предвосхищение археологического заповедника и прекрасных мест, куда ещё можно поехать на следующий день. Так получается такой объёмный доклад людей про археологический заповедник, про прекрасные места на Катунь. И последнее предложение, выставить тему в Интернете, поскольку она очень важна. Мы сами пытались делать ряд конференций, но здесь, конечно, есть ещё очень большая инерция, и важно людей увлекать. Тогда можно будет сделать продолжение на форуме, возможно, и другие участники соотнесутся с докладами, которые прослушали, которые есть на конференции и на сайте, и на которые не было реплик, может быть, реплики будут позже, что тоже интересно. Большое спасибо!

Малинова О.Ю.: Я, если можно, отреагирую на выступление Александра Юрьевича, а потом скажу то, что я изначально собиралась сказать. Вы знаете, на самом деле, это действительно большая проблема нашего сообщества, и с ней приходится сталкиваться на самых разных форумах и площадках. С одной стороны, безусловно, есть и должна

быть некоторая граница между собственно академическим и прикладным исследованием, между позицией учёного и позицией эксперта. И очень плохо, когда мы не проводим этой границы, потому что тогда получается плохое исследование и некорректная экспертиза. Очень много приходится на эту тему выслушивать разных мнений. О выступлении Александра Юрьевича: как раз деятельность его организации связана с прикладными аспектами, и как раз он и является часто сам адресатом этой критики в адрес того, что надо разводить роли. Как это можно делать? Мне тоже приходится много заниматься организацией научных мероприятий и мне кажется, что можно объединять в рамках одного мероприятия, условно говоря, учёных и практиков, но при этом, может быть, надо думать о том, чтобы в рамках этого мероприятия были разные форматы. То есть, условно говоря, у нас есть секции, на которых предлагается более научный и академический дискурс, на которых бы выступали исследователи, и мы обсуждаем проблемы, связанные с этим. Но совершенно ничто не мешает, на мой взгляд, в рамках тех же мероприятий проводить круглые столы, в которых уже предлагается другое амплуа. Мне кажется, что очень важно, чтобы учёные и практики взаимодействовали, и надо для этого их всячески приглашать на наши академические площадки, но мне также кажется, что это должно быть не ценой того, что мы все начинаем говорить так, как если бы мы обсуждали газетную статью. Всё-таки, мы обсуждаем научные доклады. Это мои суждения по поводу того, что было сказано Александром Юрьевичем. В общем-то, я хотела взять микрофон, чтобы поблагодарить организаторов за очень интересное мероприятие, за возможность принять в нём участие. Я должна сказать, что я многое слышала о ежегодных конференциях АШПИ и немало отчётов о них мне доводилось публиковать. В общем-то, надо сказать, что эта серия мероприятий имеет очень широкую репутацию, о них знают на пределах Алтайского края. Если говорить об имидже Алтайского края, то Юрий Георгиевич своей деятельностью, несомненно, создаёт имидж Алтайского края в академической среде. Хочу закончить ещё раз словами благодарности, действительно я очень благодарна за возможность лично поучаствовать в том, о чём я так много читала.

Тэвдой-Бурмули А.И.: Многое из того, что я мог бы сказать, уже сказано. Я конечно, присоединился бы к мнению Ольги Юрьевны относительно того, что, наверное, совсем разводить два формата слишком далеко не стоит. Поскольку каждый формат, в общем-то, имеет свои недостатки и преимущества. Имеет свои недостатки и преимущества и формат научно-практический, в коем мы сейчас существуем. Но при этом, мне кажется, достоинства этого формата несколько перевер-

шивают его недостатки. И поэтому я предложил бы, конечно, организаторам на будущее, уж коли об этом пошла речь, действительно чуть-чуть его модернизировать, но не отказываться от него в принципе, не разносить слишком далеко академические штудии и практические наблюдения. В целом, если говорить об оценке этого мероприятия, конечно, я очень благодарен организаторам за то, что я сюда попал, это было очень интересно и для меня достаточно продуктивно, поскольку я услышал и узнал очень много того, что мне было доселе неизвестно. И если говорить о будущем, о том, что может быть в следующем году. Был предложен вариант регионального имиджа. Естественно, это полное дело организаторов – окончательно выбрать вариант темы, просто нет ли тут некоторой опасности того, что этот сюжет будет слишком отдан практикам, поскольку здесь, возможно, методология будет заведомо находиться в суженном формате, меж тем, как тот научный потенциал, который сидит не в Москве, а здесь, стоит гораздо большего? И даже без привлечённых людей из Москвы, откуда бы ни было, из Томска, из Ростова, конечно же, даже собственный научно-политологический, исторический, экономический, правовой потенциал и города и края, он достоин быть представленным в научном формате тоже. Это единственное моё некоторое опасение применительно к той теме, которая была предложена на следующий год. Поскольку, действительно, здесь можно дать достаточно широкое представительство и собственных научных сил. Если тема будет слишком практичной, может быть, это будет несколько минимизировано. Но это взгляд со стороны, возможно, я не прав. Но в целом, конечно, с моей точки зрения, мероприятие прошло очень хорошо. Спасибо.

Дитц А.Х. Я, наверное, один из тех людей, которые все эти 12 лет участвовали в проведении этих конференций. Я хотел бы отметить тот положительный фактор, что и тема конференции, и её участники меняются, всё больше приобщаются к этой конференции учёные из других регионов, за это хочется высказать им огромную благодарность, даже за то, что они сюда приехали. Но участие иногородних учёных придаёт действительно определённую окраску и тон нашей конференции. Я лично хочу выразить от всех присутствующих большую благодарность Юрию Георгиевичу Чернышову. Он на своих плечах несёт такой огромный, титанический труд, он ведёт это целенаправленно, он никогда ничего не забывает, его слово никогда не расходится с делом. Мы видим, на столе лежат теперь уже 12 сборников всех конференций, где учтено всё, что обсуждалось, и для истории, безусловно, это невероятно большой и положительный материал. И если взглянуть на перспективу, я выскажу своё соображение. Вовсе не обязательно, чтобы оно было при-

нято или даже учтено, но с 2008 г. в России начинается, по существу, новая эпоха: выборы в Госдуму, выборы президента и, возможно, было бы справедливо посмотреть Россию после выборов, каковы основные параметры развития России в будущем. Мне кажется, это было бы очень интересно. И последнее, согласен со всеми, кто здесь говорил о том, что пытаться отделить научную и практическую части друг от друга – это абсурд. Мы друг друга здесь очень дополняем, и я думаю, будет скучно и первой части, и второй. Большое спасибо, всем доброго здоровья, удачи и везения и всего самого лучшего.

Небальзин В.П.: Я как раз, видимо, являюсь той частью, которая выбивала эту вашу академическую атмосферу. Я-то прекрасно осознаю, что это так, но сделать с собой уже ничего не могу. Раз пригласил меня Юрий Георгиевич, значит, получайте. Как развести, я тоже не знаю, потому что если конференция будет чисто академической, то я просто не выдержу, тогда уже не надо приглашать. В целом, мне нравиться, я уже тоже не первый раз на этой конференции, это здорово, когда так много умных людей собирается в одном месте, причём не в Москве, а в Барнауле, что создаёт нам очередной имидж, и я этим горжусь. Я считаю, что в отличие от стереотипа о русских, что «русский думает одно, говорит другое, а делает третье» тут, как раз, Юрий Георгиевич выбивается из этого стереотипа.

Голунов С.В.: Прежде всего, хотелось бы поблагодарить уважаемых организаторов за очень интересное мероприятие. Я ограничусь предложением на будущее и, может быть, не обязательно на следующий раз. Та тема, которая мне пришла в голову как раз в ходе дискуссии, чтобы не делить теоретиков и практиков, тема могла бы выглядеть так: власть и политологическое сообщество: проблемы взаимодействия. Я как раз в одной из недавних работ эту тему затронул, пришли некоторые мысли в голову по поводу того, например, какие стереотипы мешают принятию оптимальных решений представителями власти, или какие стереотипы присущи рекомендациям экспертов, какие стереотипы восприятия друг друга, в конце концов. Например, есть такое стереотипное восприятие политологов, не лишённое основания, как неких шарлатанов, которые всё высасывают из пальца, и без которых вполне можно обойтись. Но, с другой стороны, я пытался в той работе показать, почему обойтись нельзя, потому что в числе прочего у типичных представителей власти есть такие стереотипы, что они слишком полагаются на свои эмпирические оценки, основанные на личном опыте, и не видят более широкой перспективы, которая установлена на основе научных закономерностей. В общем, много, как мне кажется,

проблем, в том числе и проблема выстраивания оптимальной схемы взаимодействия.

Сунгуров А.Ю.: У меня возникло предложение, может быть, объединить то, что Вы предложили, но не имидж, а региональное развитие. Это было бы очень интересно, прежде всего, на региональном уровне, тогда здесь может заиграть и Барнаул, и Западная Сибирь.

Шпагин С.А.: Я благодарен и всем участникам конференции, включая и тех, кто приехал из Томска, Волгограда, Москвы, потому что для меня очень важно поддержание межвузовских связей. И то, что произошло в Барнауле, немножко отличается от любой аналогичной конференции. Здесь речь идёт о межвузовском сотрудничестве на межрегиональном уровне. Власть свою вертикаль выстроит и без нас. А вот наша задача выстроить горизонталь, которая позволила бы ВУ-Зам в разных регионах поддерживать тесные связи между собой. Как выстраивает свою политику вертикаль власти? Это новостные передачи. Приехал президент международного олимпийского комитета, беседует с нашим президентом и говорит «Мы на одной волне». То, что приятно отметить, мы здесь все на одной волне, и варианты предложения следующей тематики чуть ли не дословно совпадают с моими. Я перехожу уже к практической части. Вот одно их возможных названий: «Научное сообщество и власть: проблемы взаимодействия в формировании региональной политики». Потому что здесь мы столкнулись с ситуацией, что ЕС и вообще мировое сообщество немножко иначе понимают регионализм, региональную политику, нежели у нас в России. Если мы не будем знать свою страну, особенности своих регионов, то там бессмысленно вообще дискутировать по поводу имиджа нашей страны и регионов, которые формируют другие в другой стране. Для того, чтобы мы формировали позитивный имидж, мы должны знать эти регионы. А здесь несколько раз говорилось о том, что в России, по существу, не видят отличий между Алтайским краем и Республикой Алтай. Это нужно исправить. Может быть, практически то же самое или как подтема: российские регионы, постэлекторальный период России, тенденции и вызовы. Ещё раз спасибо.

Чернышов Ю.Г.: Хочется сказать спасибо всем, кто выступил. Действительно, хоть мы работаем в разных городах, но то ли это советская школа, то ли что-то ещё, я не знаю, но мыслим мы всё-таки достаточно сходно, в отличие, скажем, от тех гуманитариев, которые работают в какой-то другой стране. Да, тема вырисовывается, это, условно, что-то связанное с регионом. Тему имиджа хотелось бы продолжить, потому что уже заложена база и далеко не все вопросы мы обсудили, ещё очень много здесь копать. Но то, что предложено, мож-

но как раз как отдельный аспект темы взять. Да действительно, хорошая тема – сотрудничество и диалог экспертов и региональной администрации, но это можно рассмотреть в рамках темы имиджа. Мы уже говорили, что есть альтернативные взгляды на эту проблему и очень важно, чтобы власть не действовала совершенно оторванно от общества, чтобы общество конструктивно сотрудничало с властью. Как этого добиться, можно обсудить в рамках этой темы. Что касается выборов, то здесь звучали какие-то катастрофические прогнозы. Честно говоря, я ничего принципиально нового не жду от этих выборов. На самом деле мало, что изменится. Появится ещё одна фамилия, был Фрадков, стал Зубков, третий станет ещё какой-нибудь. Это тема, скорее, для конференции Рыжкова, если она ещё состоится.

И теперь я перехожу, всё-таки к пояснению того, что странно было видеть здесь профессиональных академических учёных и, скажем так, экспертов, которые не занимаются профессионально политологией, занимаются политикой, СМИ и т.д. Всё-таки, Александр Юрьевич, я парирую Ваш упрёк. Возьмите и внимательно почитайте приглашение. Первое, на что нужно обратить внимание, это научно-практическая конференция, а второе, что там написано, что мы всегда приглашаем политиков, общественных деятелей, представителей СМИ и представителей власти. Это наша традиция. Она заложена очень давно, когда были ещё первые семинары, когда Елена Немировская приезжала, у неё этот принцип тоже был, она всегда приглашает представителей власти, и мне кажется, в этом как раз плюс, а не минус. Я видел много чисто академических конференций, поверьте мне. Собираются учёные мужи, каждый из которых занимается узенькой проблемой, зачитывают свои доклады, расходятся, практический результат нулевой. На такую конференцию пригласить практика – проигрышное дело, он ничего не извлечёт и уйдёт оттуда, ему будет скучно. А мы же хотим, чтобы была какая-то польза от наших занятий. Наша советская наука была во многом академична и оторвана от практики. Кто-нибудь всю жизнь занимался темой, что делал, скажем, Серторий в Испании (я античностью занимался и насмотрелся этих академических докладов). Это никому не нужно, кроме авторов, понимаете? С другой стороны, конечно, плохо, если нет методологии, выборки, нет фактической основы. Так вот, чтобы нам смычку установить между практиками и учёными, надо, чтобы они общались друг с другом и чтобы и тем и другим было интересно. Надо подтягивать практиков к уровню учёных в смысле методологии и базы. Но, с другой стороны, мы, учёные, как-то себя не критикуем. А мы сами-то интересно рассказываем, понятно ли выражаем свои мысли? Нас никто не поймёт из обычных людей. Часто то,

что мы говорим, для них – абракадабра, а не русский язык. Надо учиться понятно говорить, чтобы с тобой было интересно и полезно сотрудничать. Это, на мой взгляд, оптимально для политической науки, иначе это будет оторванная от жизни схоластика. Конечно, важно сохранить уровень, но при этом надо сочетать науку и практику. Мы стараемся это делать, насколько это удаётся в наших условиях Алтайского края. Мне кажется, что это уникальная среда, которая у нас сохранилась – экспертное сообщество, элементы гражданского общества. Они во многом существуют благодаря таким форумам, конференциям, когда люди встречаются, обмениваются мнениями. Это спасает наш регион от полной безысходности и безнадежности. Хорошо, что ещё что-то теплится. Поэтому надо продолжать, хотя это и очень трудно, кстати говоря, всё на энтузиазме, практически без денег делать. Но не лучше будет региону, если такие площадки перестанут существовать.

В заключение я хотел бы поблагодарить и гостей, и тех, кто помог организовывать конференцию, это наши блестящие студенты, я другого слова не найду, отборные студенты, которые участвуют в организации «Международник», это члены кафедры (Алексей Михайлович, который скромно сидел, но демонстрировал всё, что он приготовил в Интернете, Снежанна Николаевна, она очень много взяла на себя в организации конференции, Евгения Владимировна, которая подключилась к нашей конференции, вернувшись из Германии, Павел Владимирович, Олег Юрьевич и все остальные).

Я думаю, что мы с вами со всеми ещё не раз встретимся на наших научно-практических конференциях. Спасибо!